

СТРАТЕГИЯ РОССИИ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

№ 12 (96)

декабрь 2011

СОДЕРЖАНИЕ

АКТУАЛЬНО		Анна Отина	
<i>Выборы-2011</i>		<i>Универсальный гений</i>	35
Дмитрий Медведев		Вадим Приседский	
<i>Моральное право</i>		<i>Корпускулярные воззрения</i>	
<i>на продолжение курса</i>	3	<i>Ломоносова</i>	38
		Николай Рагозин	
Мнения	10	<i>Рыцарь российского</i>	
Дмитрий Орлов		<i>просвещения</i>	44
Сергей Марков			
Леонид Поляков		КАФЕДРА	
Алексей Зудин		Вячеслав Никонов	
		<i>Карамзин</i>	51
ГЛАВНАЯ ТЕМА			
<i>V Ассамблея Русского мира</i>		КАРТ-БЛАНШ	
Русский язык сегодня и завтра		Виктор Гущин	
<i>Подиумная дискуссия</i>	14	<i>Цена независимости</i>	65
История и культура			
в пространстве русского языка		ДО ВОСТРЕБОВАНИЯ	
<i>Подиумная дискуссия</i>	17	Георгий Федотов	
		<i>Судьба империй</i>	77
ПОВЕСТКА ДНЯ			
Слово о Ломоносове		СОДЕРЖАНИЕ	
Роман Додонов		журнала	
<i>Соединяя естествознание</i>		«Стратегия России»	
<i>с философией</i>	26	за 2011 год	91
Дмитрий Муза			
<i>Ломоносов и русское</i>			
<i>цивилизационное сознание</i>	30		

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Никонов В.А. (*главный редактор*)

Быков М.Ю. (*шеф-редактор*)

Григорьев Л.М.

Гринберг Р.С.

Дынкин А.А.

Евтихевич Н.С. (*редактор*)

Коптелова Н.В.

Кувалдин В.Б.

Михайлов Н.В.

Нехотин В.В.

Сухнев В.Ю. (*ведущий редактор*)

Мнения авторов могут не совпадать с мнением редакции

Журнал зарегистрирован в Министерстве РФ
по делам печати, телерадиовещания и средств массовой информации
Регистрационный номер ПИ № 77-17017

Адрес редакции: 119285, Москва, Мосфильмовская ул., 40
Телефон/факс: (495) 981-5400 (137, 138) • E-mail: sr@fondedin.ru
Электронная версия журнала – на сайте <http://sr.fondedin.ru/>

ВЫБОРЫ-2011

В Российской Федерации 4 декабря состоялись выборы в Государственную Думу. Главный итог выборов для партии «Единая Россия» — почти половина мест в парламенте. Это меньше, чем в Думе предыдущего созыва, но «Единая Россия» по-прежнему остается партией парламентского большинства.

Публикуем оценки избирательной кампании Президента России Дмитрия МЕДВЕДЕВА, высказанные им в выступлении на встрече с активом партии «Единая Россия» 17 декабря 2011 года.

Печатаем также мнения ведущих политологов о результатах выборов-2011 и характере новой Государственной Думы.

МОРАЛЬНОЕ ПРАВО НА ПРОДОЛЖЕНИЕ КУРСА

Дмитрий МЕДВЕДЕВ

Завоевывать власть бывает гораздо проще, чем удерживать ее авторитетом. Наши граждане своими голосами оценили работу партии. Но победа — это и кредит доверия на будущее, на ближайший срок действия нашей Государственной Думы, на пять лет. Необходимо сделать все, чтобы победу оправдать.

Началась кампания по выборам Президента Российской Федерации. Наша задача сделать все, чтобы наш кандидат, Владимир Владимирович Путин, победил на выборах достойно и подтвердил тот кредит доверия, который у него уже сформировался достаточно давно.

Я уверен, что так и будет. Это позволит продолжить модернизацию, обеспечить преемственность политического курса, экономического курса, преемственность социальной стабильности, которая далась так нелегко. Надеюсь, мы сможем создать и необходимые условия для повышения качества жизни наших людей.

Ни одна партия в нынешнее время, ни одна политическая сила не имеют такого мощного человеческого ресурса, не имеют такого опыта, как «Единая Россия». Поэтому в этой ситуации ответ на вызовы времени совершенно простой. Кто, если не мы? Нет такой управленческой команды. И это не потому, что очень хочется все время управлять, а просто потому, что наша страна должна пройти через горнило новых испытаний достойно, так, как мы выдержали первый удар кризиса.

Надо сделать все, чтобы в условиях развивающейся и возрастающей политической конкуренции сохранить свое лидерство. «Единая Россия» должна стать более современной и мобильной. Она должна оперативно реагировать на все вызовы сегодняшнего дня, жестко и эффективно отстаивать интересы граждан, для того чтобы не потерять их доверие. Для этого, скажу прямо, нам необходимо пересмотреть принципы работы партии. Более того, необходимо коренным образом реформировать партию. Строго говоря, любая полити-

*МЕДВЕДЕВ Дмитрий Анатольевич,
Президент Российской Федерации*

ческая партия в развитых демократиях один раз в 10—15 лет проходит такое обновление. Настала пора и нам искать новые идеи, новые имена. Причем мы должны быть открыты для сотрудничества со всеми силами, со всеми умными, неравнодушными к судьбе нашей страны людьми.

Мы все должны стать более ответственными в партийном плане. Поэтому считаю необходимым, чтобы руководство «Единой России», ее лидеры и лидеры партийных списков на выборах были членами партии «Единая Россия». Все без исключения. Только в этом случае граждане нашей страны будут верить, что партия — не просто машина для голосования или карьерная ступенька в жизни того или иного чиновника.

Члены «Единой России» должны быть генетически с ней связаны, жить интересами людей, участвовать во всех начинаниях партии, связывать с партией все свои надежды, а не формально посещать какие-то мероприятия. Они должны разделять с партией и все политические риски. Если партия на взлете — всем хорошо, но если партия проседает — все политические риски ложатся и на руководство, и на членов партии. Только таким образом «Единая Россия» будет действенной силой. Именно в этом главное условие всех наших будущих побед.

Сегодняшняя победа далась очень непросто. Надо признать откровенно, что в начале избирательной кампании у многих членов партии и наших сподвижников, сочувствующих, были ощущения некоей легкости, с которой можно преодолеть этот рубеж. У меня такой легкости в ощущениях не было. Любая политическая борьба — это огромное количество проблем. Я напоминаю, что «Единая Россия» уже в третий раз участвовала в выборах как политическая партия. Это уже немало: восемь лет плюс теперь еще пять лет — серьезный срок.

Крики о том, что это монополизация власти, — могут быть отчасти справедливыми и совсем несправедливыми. Потому что во всем мире в тех или иных исторических условиях некоторые партии достаточно долго находились у власти. Вопрос, на мой взгляд, сегодня в том, что произошел некий разрыв во взаимоотношениях одних социальных групп с другими. Вот это, наверное, власть и «Единую Россию» как партию, которая приняла в очередной раз на себя ответственность, должно волновать больше всего. Этого межлического разрыва мы допустить не должны именно потому, что сегодня отвечаем за состояние дел в стране.

Мы понимаем, что существуют и разрывы в ожиданиях. Чем мотивированы граждане, когда они подходят к избирательному участку, что они вспоминают? Помимо физиономии лидеров, которые кому-то нравятся, кому-то очень не нравятся? О чем они думают, когда формулируют свое решение голосовать за того или иного кандидата? Мне как человеку, который уже достаточно давно во власти, хочется сказать: «Смотрите, сколько мы сделали!». На этом, собственно, и была построена наша избирательная кампания. Это вспоминается? Нет. Когда человек подходит к избирательной урне, он сравнивает себя с другими в конкретной ситуации. А у него, мол, жизнь лучше, у него зарплата другая, к нему более справедливо относятся, у него иные политические запросы, он может их как-то удовлетворить. Зато меня не слышат, на меня наплевали, у меня нет политической силы, которая за меня отвечает. Вот о чем думает из-

биратель, когда опускает бюллетень. Мне кажется, это состояние избирателя перед урной для голосования мы должны осознать.

Поэтому у нас будет не только более сложный парламент. Очевидно, будет новая стадия развития политической системы, и на это не надо закрывать глаза. Эта стадия уже началась. Причем не в результате каких-то митингов. Подобные выступления улицы — лишь внешнее, если хотите, это проявление человеческого недовольства. А началась новая стадия развития политической системы потому, что старая модель, которая верой и правдой служила нашему государству последние годы, и неплохо служила, себя во многом исчерпала.

И поэтому мы, как ответственная сила, которая сегодня взяла на себя бразды правления, должны первыми об этом сказать: модель нужно менять. Только в этом случае у нашей страны будет динамичное развитие.

Я не сторонник упрощенных схем. Улица — это настроения наших людей. И власть должна об этом ответственно и прямо сказать: эти настроения формируются под влиянием разных факторов. Иногда — абсолютно откровенного хамства той же самой власти. Или несправедливости. А иногда под влиянием всякого рода аргументов, да и просто пропаганды. Но это в любом случае настроения людей, и мы к ним должны относиться уважительно.

Я вчера разговаривал с Президентом Соединенных Штатов. Мы говорили о том, что сделали за последние годы, что у нас получилось, что не получилось. Произошла ли «перезагрузка», или, как было написано на известной кнопке, «перегрузка». У меня с Обамой неплохие отношения, но я, конечно, ему вынужден был сказать об одном. Вы можете как угодно оценивать наши выборы. Но, честно говоря, для нас это не имеет особого значения. Мы — большая, сильная, суверенная страна. Однако все оценки должны быть корректными. Когда на следующий день или через день начинается старая канитель, когда звучат отповеди в самых худших традициях «холодной войны», это возмутительно. Это уж точно не «перезагрузка». Мне пришлось вчера об этом моему коллеге сказать. И от каких бы демократических чувств его мнение ни исходило, от сердца или от какого-то другого органа, — это неприемлемо.

По поводу того, что происходило после выборов. Любые митинги, демонстрации являются проявлением демократии, это мы с вами понимаем. Мы также понимаем, что общество пришло в более активное движение, оно созрело для такого движения. И это тоже нормально. Главное, чтобы все происходило в рамках законодательного поля. Тогда это действительно поможет удержать страну в русле современного развития.

Подобной культуре нам всем еще нужно учиться. И людям, которые выходят протестовать, тоже нужно учиться. А они будут выходить протестовать, потому что это жизнь. Так во всем мире происходит. Это процесс, которым мы должны владеть на уровне политической культуры — вот что самое главное. Посмотрите новости, которые показывали, допустим, вчера по телевизору. Сравните наши кадры и кадры из других стран, почувствуйте разницу! И вы, конечно, поймете, чего нельзя допускать. Категорически нельзя!

Теперь по поводу нашего любимого Интернета. Я считаю его протестным по своей природе. Причем он не только в России, но и во всем мире протестный. Как относиться к этому свойству Интернета? С одной стороны, это нормально,

что люди в Интернете могут высказывать свое мнение. Но проблема Интернета заключается еще и в том, что в нем чудовищно низкий уровень политической культуры. Повторюсь: чудовищно низкий.

Не надо любить власть. Это нормально. Необходимо высказывать власти все, что ты думаешь о ней. Не нужно, может быть, даже любить ближнего, хотя это библейская заповедь. Однако ты должен к этому ближнему относиться уважительно, а не требовать его немедленного расстрела. Но именно об этом пишут в Интернете! Надо уважать своего партнера, даже когда ты не любишь и не понимаешь его. Но это, к сожалению, не приходит очень быстро, хотя, я надеюсь, мы тоже взрослеем.

И еще одна очень важная тема. Категорически недопустимо, чтобы произошла делегитимация власти. И не потому, что сегодня эту власть олицетворяет президент, правительство России, только что избранная Государственная Дума, Совет Федерации или судебная система. А просто потому, что для нашей страны делегитимация власти означает одно — развал государства. Что такое Россия без власти, все хорошо помнят по учебникам истории — это 1917 год.

Протесты — нормальное явление. В том числе и политические протесты — тоже нормальное явление. Я уже говорил, что во многом политическая модель, которая верой и правдой служила развитию нашего Отечества, себя на нынешнем этапе исчерпала. Еще раз подчеркиваю: как ответственная сила, мы должны это признать. Но мы не слепые и не глухие. Мы отвечаем за ситуацию в стране, поэтому и должны начать процесс политических преобразований. Только в таком случае мы проявим себя как ответственные люди, взявшие на себя это очень трудное бремя, несущие этот крест. Причем мы должны начать обновление политической модели по велению совести, на основе холодных размышлений, а не под давлением привходящих обстоятельств. Такого не будет никогда — никаких изменений под давлением!

Один из таких практических шагов — не так давно сделанное предложение нашим кандидатом в президенты Владимиром Путиным по поводу изменения порядка наделения полномочиями губернаторов. То есть переход или возврат, если хотите, к их прямым выборам по предложениям партий. Будут и другие шаги, мы их обязательно предложим.

Я согласен с тем, что говорили коллеги по поводу того, как придется работать Государственной Думе. Мы завоевали большинство абсолютно конституционным путем, в чем никаких сомнений быть не может. Но мы не должны упиваться этим большинством, мы не должны, так сказать, плевать на меньшинство. К сожалению, у нас в Государственной Думе иногда было головокружение от успехов. От того, что можно пользоваться властью, ни с кем не советуясь. В основном это происходило из самых лучших чувств, потому что считали: мы правильный закон двигаем, мы его хорошо проработали. А нам палки в колеса вставляют! Мы говорили: вспомните, что было в Государственной Думе в 1990-е годы, когда никакого закона принять было невозможно? Все это правильно, но советоваться все равно надо, нужно обсуждать все вопросы. Поэтому работа в новой Государственной Думе будет более сложной. Но это и хорошо! Это означает, что качество законотворчества будет выше и что в парламенте будут спорить, а в спорах, как известно, рождается истина.

Еще один аспект, над которым мы часто сейчас задумываемся. Почему, мол, мы так медленно на все реагируем, почему мы такие инертные, слабые, почему не ведем себя так же напористо, остро, как оппозиция? Ответ очень прост: для того чтобы стать такими же острыми, как оппозиция, надо стать самой оппозицией. Вот и все, нет другого рецепта. Однако нельзя отдавать власть добровольно, речь не об этом, конечно. Нужно примерить на себя все возможности оппозиции: и навыки, и жесткость, и оперативность. Просто ежедневно себя ставить в положение оппозиции, тем более что положение доминирующей партии нам никто не гарантировал на десятилетия вперед, и не будет такого доминирования. Всегда нужно быть готовым к поражению, только в этом случае можно победить.

Что касается наших отношений с другими странами, с Соединенными Штатами Америки, я уже сказал об этом: в любом случае мы не должны давать себя ни запугать, ни запутать. Мы должны четко понимать цели, к которым идем. В принципе мы так и работали последние годы, но политика — конкретная вещь. Какие бы ни были дружеские отношения, если нас не слышат, мы будем настаивать. Что мне и пришлось сделать 23 ноября. В этом нет ничего обидного, это не против Барака Обамы. Это против той позиции, которую заняло руководство Соединенных Штатов Америки. Будут и дальше хамить — будем отвечать. Начнут слышать наши озабоченности — начнем и мы вести себя соответствующим образом. Это и есть практическая политика.

Теперь о предложениях коллег, касающихся децентрализации. Мы сейчас проводим консультации, не хотелось бы раньше времени все рассказывать, чтобы не порождать избыточные ожидания. В любом случае я могу сказать, что поступим разумно. Не будем сбрасывать территориям то, что они не способны исполнять, не будем давать муниципалитетам того, что не обеспечено деньгами. Постараемся найти новые доходные источники. Я вчера разговаривал по этому поводу с новым министром финансов. И если говорить прямо, я думаю, что на создание такой системы уйдет, может быть, от трех до пяти лет. Мир вступил в эпоху великой депрессии. Это, к сожалению, не красивая фраза, а реальность.

Борьба с коррупцией действительно была той темой, которой я занимался последние годы. И я очень доволен, что в какой-то момент принял для себя ответственное решение о том, что не нужно эту тему прятать под стол. Не побоири мы коррупцию, но об этом стали говорить. Мы приняли соответствующие законы. Хватает коррупционеров и у нас. Потому что членами нашей партии являются представители элиты: региональной, муниципальной, федеральной. Именно в этой среде, собственно, и случаются наиболее одиозные вещи.

Мы уже обсуждали, как более широко использовать институт конфискации. Вообще-то это сделать довольно легко. Просто в какой-то момент наши законодатели под влиянием, видимо, уголовно-правовой мысли пришли к выводу, что институт конфискации — это советская норма, что нельзя человека лишать имущества. Но на самом деле, если другое не работает, институт конфискации может быть вполне действенным.

Контроль расходов — тоже вполне возможен, нужно только руководствоваться здравым смыслом, посмотреть на соответствующую международную

конвенцию, понять, какие это расходы. И еще, с этим я тоже полностью согласен, определить круг лиц, на которых распространяется контроль доходов. Потому что тот круг, который мы взяли, был определен по минимуму: близкие родственники — жена и дети, не достигшие совершеннолетия. А достигшие совершеннолетия? Они что, в автономном плавании находятся?

По поводу запрета учредительства и отсутствия последствий за это. Какой-нибудь госслужащий гражданин Пупкин является учредителем акционерного общества. Это не соответствует принятым правилам о государственной службе, но никаких санкций не создает. В принципе это моральное правило. Вот его и можно перевести в юридическую плоскость. Как вариант, формулирую на месте. Если, допустим, Пупкин должен был заявить об учредительстве и не сделал этого или же принял решение об участии в коммерческой организации во время нахождения на государственной службе, то подобное автоматически должно влечь постановку вопроса об утрате к нему доверия в соответствии с нормами госслужбы. И там уже пусть работодатель или уволит его, или скажет во всеуслышание: да, Пупкин — учредитель такой-то коммерческой структуры, но я хочу его сохранить. Тогда это будет ответственность работодателя.

Насчет Комиссии по борьбе с коррупцией. Это дело, конечно, руководства Государственной Думы. Мое мнение таково: не отдавайте это оппозиции, потому что это самая благодатная тема. Сделайте так, чтобы борьбу с коррупцией возглавила «Единая Россия» в Государственной Думе. В противном случае количество упреков по поводу концентрации жуликов и прочих неблагонадежных элементов будет только расти.

Опять про Интернет. Был вопрос: надо ли усилить присутствие партии в Интернете? Знаете, я не очень верю в «партийный» Интернет, откровенно говоря. Я думаю, что большинство здесь собравшихся — тоже. Конечно, у партии должен быть свой сайт. Интернет, мне кажется, может служить нам за счет авторитета партии, а не за счет административного ресурса. Просто должен быть накопительный эффект. Конечно, мы ничего трогать в Интернете не будем вообще. Мы — современная страна, никаких твиттеров отрубать не станем, пусть все работает, как работало.

Теперь о Всемирной торговой организации. Давайте к ВТО отнесемся с одобрением. Мы долго шли к этому. Да, есть проблемы, есть сложности, есть процесс ратификации. Я полностью согласен с тем, что нужно сделать все обдуманно, аккуратно. Но это большая победа, и мы с вами понимаем, что в перспективе появляются другие конкурентные возможности для нашей экономики.

Впереди очень большие, очень трудные события, очень много испытаний. Общество наше пришло в активный резонанс. Задача государства — сделать так, чтобы общество развивалось, но развивалось в соответствии с нашими законами. И если говорить о партии, то пора принять итоги, сделать для себя выводы — и не вполне утешительные, и вполне, может быть, приятные. И смотреть в будущее!

Все нормально, все впереди, все будет хорошо. Мы победим!

*Выступление на встрече с активом партии «Единая Россия»
17 декабря 2011 года. Московская область, Горки*

ВЛАСТЬ НУЖДАЕТСЯ В ОБНОВЛЕНИИ

Дмитрий ОРЛОВ

*Генеральный директор Агентства
политических и экономических
коммуникаций*

Финансовая стабильность является «приоритетом властей». Конечно, «Единой России» понадобится коалиция. Показательно, что и «Справедливая Россия», и ЛДПР заявили о своей готовности к сотрудничеству с «Единой Россией». Забавно наблюдать за ЛДПР, которая во время предвыборного периода критиковала «Единую Россию». Существовал запрос на учет групп и социальных сред. Дело не в постоянных коалициях, которые влекут за собой обязательства. В Думе складывается коалиция интересов левых партий, и это, несомненно, обостряет запрос на противостояние левому бюджетному популизму.

И КПРФ, и «Справедливая Россия» много обещали. Они будут пытаться переложить часть социальных обязательств на федеральный бюджет. Однако все равно финансовая стабильность является приоритетом деятельности властей хотя бы потому, что этого ожидают инвесторы. Из этого не следует, что политика «Единой России» не должна подвергнуться коррекции: безусловно, должна. Естественно, правительство не формируется под влиянием парламентских выборов, и существенного влияния на формирование правительства я не вижу, во всяком случае, кадрового.

Что касается партии «Яблоко», то она получает госфинансирование со своими 3 процентами, но результат мог быть и выше: партия просто «недожала». А вызов представительства в парламенте правых партий остается. Однако «Единая Россия» становится гарантом и правого курса, прав инвесторов и вообще финансово-экономической стабильности, представленности либеральных сил в Государственной Думе. Как и прежде, ей предстоит решать несколько задач и играть на нескольких электоральных полях. Конечно, большинство, на которое опирается власть, по итогам выборов нуждается в обновлении. Эта «перезагрузка» уже третья: она началась весной-летом 2011 года при создании Общероссийского народного фронта, и снижение протестных настроений, которые фиксируют социальные центры, происходит потому, что «Единая Россия» и ОНФ пошли на соглашения: протест был абсорбирован. Но это был первый этап. Теперь нужно завершить перезагрузку, включить туда городские слои.

По моему мнению, на президентских выборах Владимир Путин должен консолидировать разные группы населения, предстать как сторонник модернизационного курса и человек, способный давать ответ на современные вызовы. В условиях ребрендинга «Единой России» задача нового имиджа Путина вполне реализуема. Тем более что фактор Путина задействован-то и не был, и его системная роль появилась только в третьей агитационной волне. Путин остается самым популярным политиком России. На президентских выборах я ожидаю большее количество поддержавших его, чем «Единую Россию».

СЛАБОСТЬ ВНЕСИСТЕМНОЙ ОППОЗИЦИИ

Сергей МАРКОВ

Директор Института политических исследований, профессор МГИМО

Четыре парламентские партии по-прежнему будут работать в Думе. «Единая Россия» получит половину мест в парламенте. Одна из причин успеха — правильное решение партии о том, чтобы списки во многих регионах возглавляли авторитетные люди.

Коммунистическая партия по-прежнему — главная оппозиционная сила, которая укрепилась в этом качестве. «Справедливая Россия» и ЛДПР тоже подтвердили их определенную популярность у избирателей. Внесистемная оппозиция опять показала свою слабость и неспособность завоевать голоса электората. Ее обвинения власти не находят поддержки в народе.

Некоторое снижение результата «Единой России» объясняется тем, что народ хочет от власти еще большего. Кроме решения привычных социальных проблем (работа, зарплата, пенсии), с которыми удается справляться, народ требует более активной борьбы, например, с распространением наркотиков. В некоторых регионах эта беда разрастается, усугубляясь тем, что с наркомафией связаны и работники правоохранительных органов. Другие опасные социальные болезни — водочный алкоголизм, распространенный среди граждан среднего возраста, пивной алкоголизм среди молодежи, большое число курильщиков. «Единая Россия» должна противостоять лоббированию интересов производителей и продавцов алкоголя и табака.

Есть большие претензии и к некоторым министрам, поэтому народ хочет, чтобы Путин обновил свою команду.

Подвести итоги выборов можно так — российский народ сказал: «Мы хотим возвращения Путина. Путина как президента — мы доверяем ему высшую власть в государстве, поэтому голосуем за «Единую Россию». Но мы хотим и возвращения Путина к его политическому стилю первого срока — решительности, динамизму, хорошей жесткости, готовности быстро решать сложные проблемы».

БИТВА ЛОЗУНГОВ И СЮРПРИЗЫ

Леонид ПОЛЯКОВ

Заведующий кафедрой общей политологии Высшей школы экономики

Как бы то ни было, порядок цифр в итогах голосования действительно показывает объективную картину. Позиции «Единой России» — почти 50 про-

центов. 20 процентов коммунистов, судя по настроениям, также выглядят вполне заслуженными. Сюрприз в том, что ЛДПР проиграла, пусть и не намного, «Справедливой России». То есть радикальный лозунг «за русских» проиграл лозунгу «за социальную справедливость».

Результатам «Яблока» я не удивлен. Избирательная кампания партии была очень хорошо продумана, хорошо построена образно. И мне кажется, что либеральный избиратель, который долгое время колебался между выбором «не ходить или портить бюллетень», в конечном итоге решил поддержать такую либеральную партию, которая может рассматриваться как оппозиционная.

Что касается оставшихся маленьких партий, то здесь все было предсказуемо. «Правое дело» после катастрофы с Михаилом Прохоровым фактически самоликвидировалась. «Патриоты России» — партия узкой ниши, которая в рамках одного процента умещается, да и то только потому, что есть часть электората, позитивно реагирующая на слово патриотизм.

НОВЫЙ ЗАПАС ПРОЧНОСТИ

Алексей ЗУДИН

*Заместитель директора Центра
политической конъюнктуры*

Неожиданность на выборах — это хорошие результаты, показанные двумя партиями, в отношении которых выражался определенный скепсис: либерал-демократы и эсеры. Либерал-демократы подтвердили способность добиваться поддержки избирателей и выходить за рамки своей электоральной ниши.

Такие же неожиданные, и очень неплохие, результаты выборов продемонстрировала «Справедливая Россия». Ей предрекали неудачу после того, как Сергей Миронов лишился своих позиций в высших эшелонах власти.

Можно говорить о том, что на этих выборах главным победителем является российская политическая система и российские политические институты. В первую очередь, это институт выборов и укрепляющийся институт политической конкуренции, институт народного представительства.

Путин и Медведев являются ответственными политиками, поскольку, имея цель помочь партии большинства получить хороший результат на выборах, они не забыли и о другой важной цели — дать политической системе России укорениться, заложить новый запас прочности для развивающихся российских политических институтов.

V АССАМБЛЕЯ РУССКОГО МИРА

3–4 ноября в Санкт-Петербурге, в Концертном зале Мариинского театра, прошла V Ассамблея Русского мира с главной темой «Русский язык сегодня и завтра». Участников Ассамблеи приветствовал губернатор Георгий ПОЛТАВЧЕНКО. В адрес форума поступили приветствия Президента Российской Федерации Дмитрия МЕДВЕДЕВА, Председателя Правительства Владимира ПУТИНА, Председателя Совета Федерации Валентины МАТВИЕНКО, Председателя Государственной Думы Бориса ГРЫЗЛОВА, Патриарха Московского и всея Руси КИРИЛЛА.

Состоялись дискуссии «Русский язык сегодня и завтра», «История и культура в пространстве русского языка» и круглые столы.

Вели V Ассамблею председатель попечительского совета фонда «Русский мир», президент Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы, президент Санкт-Петербургского государственного университета Людмила ВЕРБИЦКАЯ и исполнительный директор фонда «Русский мир», президент фондов «Политика», «Единство во имя России», главный редактор журнала «Стратегия России», декан факультета государственного управления МГУ Вячеслав НИКОНОВ.

Прошла презентация фильма «Звезда Ломоносова», который выпущен фондом «Русский мир» к 300-летию выдающегося ученого. В преддверии Ассамблеи был проведен I Всемирный фестиваль русского языка. В нем участвовали около 600 иностранных школьников и студентов, зарубежных преподавателей русского языка и литературы из 70 стран.

РУССКИЙ ЯЗЫК СЕГОДНЯ И ЗАВТРА

Подиумная дискуссия

Людмила ВЕРБИЦКАЯ

Ведущая дискуссии, председатель Попечительского совета фонда «Русский мир», президент Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы, президент Санкт-Петербургского государственного университета

Любой язык и русский в частности — это прекрасный организм, живущий по своим законам, и, как мы хорошо знаем, не так просто эти законы изменить. Возможно воздействие на язык извне, но только в том случае, если внешнее по отношению к языку влияние меняет языковые законы. Нужно ли сегодня опасаться за судьбу русского языка? Или мы должны в первую очередь говорить о том, что нас не устраивает, раздражает?

Что же так тревожит нас сегодня? Что мы хотели бы изменить, на что хотели бы повлиять, если это возможно?

Петри КЮЮРЯ

Ректор финско-русской школы Восточной Финляндии

Потребность в изучении русского языка и русской культуры в Финляндии значительно возросла. В последние годы торговые и культурные отношения между Финляндией и Россией развиваются очень динамично. Россияне считают, что Финляндия — отличная страна для туризма. Поэтому у нас по сравнению с прошлыми годами интерес к изучению русского языка и культуры значительно увеличился. Особенно отчетливо это проявляется в Восточной Финляндии, где работает наша школа, в трех приграничных городах — Лаппенранта, Иматра, Йоутсено.

В прошлом году некоторые города Восточной Финляндии подали прошение в Министерство образования, чтобы здесь вместо обязательного шведского языка ввели русский. Это свидетельство того, что необязателен шведский язык в Восточной Финляндии. Это старая история, которую нельзя быстро изменить. Предложение пока находится на рассмотрении, и мне кажется, нельзя ожидать его быстрого решения.

Изучающих русский язык все больше и больше в Финляндии. Такая позитивная тенденция прослеживается в последнее время.

Дэн ДЭВИДСОН

Президент американских советов по международному образованию, вице-президент Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы (МАПРЯЛ)

Я согласен с тем постулатом, что каждый народ прежде всего обязан заботиться о качестве, о сохранении собственного языка. И как раз МАПРЯЛ, РАПРЯЛ стали особенно заниматься именно культурой языка и сохранением,

я бы даже сказал, восстановлением определенного стандарта русского языка внутри России. Это очень вдохновляет коллег по всему миру. Мы живем в эпоху Интернета, когда все, что публикуется в СМИ или в интернет-ресурсах, читаем не только мы, но и наши студенты. Поэтому образцы русской речи, с которыми я, например, знакомился в 1990-х годах, были неидеальными моделями. А то, что сейчас происходит, мне кажется, положительно сказывается на восприятии языка по всему миру.

В тех странах, где русский язык вводят в систему образования, мне кажется, проводят очень правильную политику. Она разрешает людям, которые владеют русским языком, например, сдавать экзамены на том языке, который для них будет самым полезным.

Несколько слов об американской русистике. За последние три года количество слушателей на курсах русского языка в американских вузах, а их около пятисот, где преподается русский язык, возросло на 8,9 процента. Это хороший прирост. Растет, естественно, изучение и других иностранных языков, но тем не менее русский язык не уступает свое место в нашей системе образования.

Валерий МОКИЕНКО

Профессор Санкт-Петербургского государственного университета

Я редко смотрю телевидение, но вчера с удовольствием два часа смотрел Пятый канал, где коллеги говорили именно о русском языке. Они обозначили ключевую проблему, к которой мы постоянно возвращаемся, сколько бы ни говорили о когнитологии, концептах или дискурсах. Мы всегда возвращаемся к культуре речи.

Главный вопрос: что делать? Для меня самый главный ответ всегда — ответ Александра Сергеевича Пушкина. Он дал ответ в «Капитанской дочке». Белогорская крепость со всех сторон осаждается войсками Пугачева. Идет военный совет. Военачальники обсуждают, какую тактику принять: наступательную или оборонительную. А один старенький генерал спит. Ему говорят: что же вы тут дремлете? Ваше мнение какое? Наступательное или оборонительное? Помните, что он сказал? Откупательное.

Мне кажется, что если мы займем откупательную позицию и будем платить нашим учителям больше, тогда многое усовершенствуем в нашей системе. Тогда за место учителя русского языка будут драться.

Сегодня же мы пожинаем плоды 1990-х годов, когда наше образование было, как молодежь говорит, опущено ниже плинтуса.

На прошлой неделе Дарья Алексеевна Щукина замечательную конференцию провела в Горном институте. Доклады были посвящены именно культуре речи, приводились различные примеры. Если позволите, один пример о том, как пишут сочинения наши учащиеся. Вот кусочек сочинения.

«Л. Н. Толстой, — сообщает один студент, — великий поэт, который создал шедевр в литературе «Война и мир. В книге показаны разные лица людей: двуликие, одинокие, злые, добрые. Особенно понравился мне Андрей Безухов, который очень любил природу. После того, как его ранили, он задумался о жизни, стал сравнивать себя с растениями, особенно — с дубом».

Во вчерашнем интервью Сергей Игоревич Богданов сказал вполне оптими-

стично, что культура русского языка — это проблема национальной безопасности. Я с ним согласен, и поэтому мы готовы даже не то что пропагандировать, а разъяснять смысл русских бранных слов и выражений, если речь идет о нашей национальной безопасности.

Людмила ВЕРБИЦКАЯ

Не собираюсь защищать автора этого сочинения, но мое глубокое убеждение, что «Война и мир» — тот роман, который в школе не должен изучаться. Я, может, его раз тридцать перечитывала за свою жизнь, и каждый раз для себя открывала новые грани романа, которые ребенок в школе не сможет понять. Это глубоко философский роман. Конечно, Безухова и Болконского путать не надо, но и с этой точки зрения школьная программа должна быть пересмотрена.

Дело, наверно, не только в том, что труд учителя оплачивается не так, как нужно. Валентина Ивановна Матвиенко в петербургских школах делала все для того, чтобы школьные учителя получали не меньше, чем профессора Петербургского университета в 1990-е и в начале 2000-х годов. Главное, надо вернуть глубокое уважение к этому труду. Все закладывается в школе, поэтому в отношении учителя должна работать серьезная государственная политика.

Юрий ПРОХОРОВ

Ректор государственного Института русского языка имени Пушкина

Когда произносят фразу «надо защищать русский язык», подразумевается и вопрос. От кого? Думаю, что нужно его защищать от нас с вами. То есть от носителей русского языка. Не нападает же на русский язык носитель английского языка! А обратная сторона медали в том, что единственный, кто его может от нас защитить, это тоже мы. Вот в такой сложной ситуации находимся! Переступая с ноги на ногу, мы русский язык то защищаем, то на него нападаем. А он между тем развивается. Безусловно, развивается. Может быть, настолько стремительно за последние годы, что это как раз немножко пугает, потому что мы не успеваем осознать эту стремительность. Да, меняются нормы — до определенной степени. Но наше сознание сигнализирует: я говорю так, как меня учили, и это лучше, чем говорит следующее поколение. Дедушка считал, что папа говорит хуже, чем он, папа считал, что я говорю хуже, чем он. А я свято убежден, что моя дочка и моя внучка говорят совсем не так, как надо. Удивительно, что при этом все понимаем друг друга и все спокойно общаемся. Наш язык полностью обеспечивает нас и наше существование в сегодняшней жизни — от общения в быту до существования общекультурного.

Я согласен с тем, что сказала сейчас Людмила Алексеевна. Есть произведения, которые мы очень формально относим к великим, и сразу считаем, что их надо тащить в школу. К счастью, так получилось, что после школы я все-таки перечитал «Обломова». И забыл о той ненависти, которую он вызывал на уроках, открыл для себя великое произведение. То же самое с «Войной и миром».

Да, наверное, только хорошее владение языком заставляет иностранца понять, что есть Пушкин, потому что его фантастическая простота и глубина дается осознанием не собственно текста, а какого-то внутреннего состояния.

Мы учим всех иностранцев говорить на хорошем русском языке. Через какое-то время они говорят: вы нас учите прекрасному русскому языку, а на каком говорите сами? Почему они такие разные?

Людмила ВЕРБИЦКАЯ

Что же нужно делать, чтобы сохранить наш язык? Сложилась парадоксальная ситуация: в России есть закон о русском языке, принятый Государственной Думой еще в 2005 году. Шесть лет существует закон, и нет никакого результата. У французов закон о защите языка уже лет двадцать действует и великолепно исполняется. В чем тут дело? Может быть, нужны специальные словари, справочники, учебные пособия для людей, которые должны отслеживать выполнение этого закона? Или чувство долга?

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА В ПРОСТРАНСТВЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

Подиумная дискуссия

Вячеслав НИКОНОВ

Ведущий дискуссии, исполнительный директор фонда «Русский мир», президент фондов «Политика», «Единство во имя России», главный редактор журнала «Стратегия России», декан факультета государственного управления МГУ

Что такое история страны, что такое история нации? Это в огромной степени — история языка. Потому что язык — основа лингвистического кода любой нации, то, что объединяет людей и сплачивает культуру. А русский язык в литературном виде, в виде церковнославянского языка во многом predetermined судьбу России и сам характер ее исторического развития.

С другой стороны, и язык имеет историю. Современный русский язык — вовсе не тот, на котором говорил Ломоносов. А язык Ломоносова — не тот, на котором говорил Даниил Заточник. Однако это, безусловно, один язык одной нации, и язык развивающийся.

Он меняется и в наши дни, когда мы, даже этого не замечая, начинаем употреблять новые слова или когда старые слова приобретают новые смыслы. Конечно, русский язык имеет большое значение для тех людей, которые через него осознают свою общность с большим Русским миром. То есть выступают либо как представители российской эмиграции, либо как наши соотечественники, либо как энтузиасты России и русского языка. Иногда они не имеют никаких русских корней, но тем не менее привязаны к нашей стране.

Сейчас выступит Александр Александрович Трубецкой. Он является не только председателем общества «Россия — Франция», но и возглавляет много организаций, которые хранят память о русском языке, каким он был в начале

двадцатого века, являются носителями русской традиции в эмигрантской среде, возникшей после трагических событий, связанных с революцией и Гражданской войной.

Что русский язык для вас, что русский язык для истории вашей семьи и для миллионов людей, которые сейчас живут, хранят память об этом общем историческом корне?

Александр ТРУБЕЦКОЙ

Председатель Общества памяти императорской гвардии, исполнительный председатель Ассоциации «Франко-Русский диалог» (Франция)

Тема нашей дискуссии — «История и культура в пространстве русского языка». В самом названии этой темы заложены два основных понятия: история культуры, с одной стороны, и пространство русского языка, с другой.

Если говорить о самом пространстве, мы охватываем геополитическое понятие. Принято считать, что русским языком пользуется или может понимать его более чем 300 миллионов жителей планеты. В одной Западной Европе мне называли цифру около 30 миллионов. На эти цифры, между прочим, и опираются те, кто старается, чтобы русский язык стал одним из официальных языков Европарламента.

На нашу Пятую ассамблею приехали представители всего земного шара. Мы представляем русофонию, и это нас объединяет. Мы принадлежим к общему пространству русского языка, который обогащаем, дополняем его различными культурами тех стран, в которых живем. А еще обогащаем различными языками, которыми мы владеем кроме русского, не забывая и о том, что в нашей практике различные вероисповедания. В первую очередь назову православную веру, к которой принадлежу. Вера обогащает наш интеллектуальный Русский мир, то есть наше мировоззрение и мышление в нашей частной и общественной жизни.

Мы гордимся, что русский язык смешивается в нашем мировоззрении с неоценимым вкладом русской культуры, русской литературы, истории, музыки, художественных и научных достижений. К этим богатствам приобщается весь мир, даже и не русофонный. И даже тот мир, который может одновременно слушать Чайковского, читать Достоевского, но, увы, пропагандировать русофобию.

В этом году мы вспоминаем великого ученого Михаила Ломоносова. Фонд «Русский мир» много сделал, чтобы отметить юбилей этого великого не только ученого, но и просветителя, модернизатора России, образования и самого русского языка. Русскому языку, как здесь неоднократно говорили, он придавал особое значение, составив его грамматику. Дальновидность нашего знаменитого земляка, просветителя России должна служить примером, чтобы каждый из нас, где бы ни жил, где бы ни родился, считал своим долгом быть знаменосцем русского языка в мировом пространстве. В этом нам поможет историческая ценность науки и культуры, искусства и, конечно, духовность русского пространства. И перед этими вечными ценностями меркнут многие передачи, которые все чаще сегодня мы видим в телевизионных программах всего мира и, увы, в российском пространстве.

Приглашаю фонд «Русский мир» пользоваться, когда это нужно, нашим новым офисом в Париже, который расположен на одной из самых красивых улиц в мире, на Елисейских полях.

Вячеслав НИКОНОВ

Благодарю вас, Александр Александрович. Думаю, что все присутствующие приглашение с благодарностью принимают. Не преминем воспользоваться гостеприимством Александра Александровича на Елисейских Полях.

Если помните, на прошлой Ассамблее мы провозгласили ряд акций, тоже связанных с историей. Одна из них была посвящена 50-летию полета в космос Юрия Алексеевича Гагарина — «Первый в космосе» и «Русский язык — первый в космосе». Акция и конкурсы прошли по всему миру, многие из вас принимали непосредственное участие в организации и проведении самых разных мероприятий, связанных с этим замечательным событием. Мы отметили победителей конкурсов. И надо сказать, что одна из самых ярких акций «Первый в космосе» прошла в городе, название которого, я думаю, многим из здесь присутствующих ничего не говорит. Город называется Тривандрум. На языке малаялам еще сложнее — Тируванантапурам. Все в Индии знают этот город. Потому что именно там находится главный индийский космический центр. И там же издается замечательный журнал, который называется «Новая весна» — *The New Spring*, в котором есть много информации о русском языке, о фонде «Русский мир». Мы пригласили в нашу дискуссию Ратиша Наира — директора Центра изучения русского языка имени Пушкина в городе Тривандрум и почетного консула России.

Ратиш НАИР

Директор Российского центра науки и культуры города Тривандрум

Я не русист, не преподаватель русского языка, но просто люблю организовывать мероприятия для распространения в Индии русского языка и литературы России.

Несмотря на давние культурные и торговые связи между Индией и Россией, изучение русского языка в Индии началось лишь в середине XX века, особенно после визита Джавахарлала Неру в СССР. Делийский университет стал первым индийским вузом, где в 1946 году началось преподавание русского языка. 2 октября 1947 года там открывается первая кафедра русского языка. Затем курсы русского языка появляются в 1947 году в Аллахабадском университете, в 1958-м — в Османском и в 1964 году — в Пунском университете.

Я приехал из Южной Индии, штат Керала. У нас кроме Российского культурного центра еще преподается русский язык в трех университетах, а в Индии в девяти школах преподается русский язык. И хочу отметить, что в нашем маленьком городе в четырех школах изучают русский язык. Но у нас есть проблемы. Мы используем старые учебники, по которым учились еще в советское время и которые содержат много политической пропаганды. Нет новых книг. Необходимо развивать и курсы повышения квалификации в российских вузах для индийских преподавателей русского языка, нужны новые учебные планы.

Недавно с помощью фонда «Русский мир» мы организовали фестиваль

русского языка, литературы и науки в нашем городе с 1 по 4 сентября. А при поддержке Государственного музея Сергея Есенина мы каждый год отмечаем наших писателей, которые играют большую роль в переводах русской литературы, вручаем им Есенинскую премию.

Лидеры российского государства понимают важность нашего сотрудничества, слава Богу, есть «Русский мир», есть «Россотрудничество». Поэтому такие люди, как я, могут с удовольствием работать для распространения русского языка и литературы, потому что мы хотим чувствовать русскую душу.

Владимир ЗИНОВЬЕВ

Протоиерей, главный редактор издательства Московской патриархии

Убежден, что проблема, которая будет сейчас кратко очерчена, хорошо вписывается в рамки борьбы за чистоту русского языка. Я имею в виду русское слово или русское имя в названиях наших городов, улиц и площадей.

Топонимия — это целый культурно-исторический мир. Это не только наука, а мощное средство сохранения культуры, инструмент патриотического воспитания и определения национальной идентичности. Недаром Адам назван величайшим из людей, ибо он дал имена всем вещам. Имя имеет огромный энергетический потенциал.

Очень символично, что V Ассамблея Русского мира, посвященная русскому языку, проходит в городе святого апостола Петра. Отсюда начались великие потрясения, чуть не сокрушившие Русский мир. Но этот город своим высоким культурным уровнем, который он сохранял на протяжении всего XX века, стал закваской преобразования нашего Отечества сегодня. Именно северная столица стала первой, к которой вернулось историческое имя — Санкт-Петербург.

Я нисколько не умаляю имя Ленинград, которое так важно и, наверное, так дорого блокадникам и героям обороны города в 1941—1944 годах. Благодаря им город выстоял, стал городом-героем, не вымер окончательно. Именно в эти страшные годы блокады Невскому проспекту вернулось историческое имя — Невский. А ведь он имел название проспект 20-летия Великой Октябрьской революции. И многие другие имена вернулись именно в это труднейшее время для Ленинграда. Потом руководители города, говорят, именно за это были репрессированы. Тысячи людей стояли на коленях перед образом Божьей матери Казанской, покровительницы Санкт-Петербурга, и, конечно же, заступничество Божьей матери поставило победную точку.

Это не просто возвращение имени городу, это метанойя — раскаяние, осмысление, возвращение утерянного сознания. Старец Филофей в XV веке выразил известную историческую дефиницию: «Первый и второй Рим падоше, третий Рим — Москва — стоит, четвертому не быти». Как всякое категоричное определение оно, конечно же, было ошибочно. Как говорится, никогда не говори никогда. Четвертый Рим состоялся. Это имперский Санкт-Петербург. И как здесь не выразить искреннее недоумение от того, что происходит в самом большом сегменте Русского мира, а именно в самом большом сегменте нашей Отчизны. Я много лет состою в фонде «Возвращение», поэтому тема мне очень близка. Великий петербуржец, сегодня цитируемый Святейшим Патриархом в своем приветствии, Дмитрий Сергеевич Лихачев, сказал, что имена наших

городов и улиц — это величайшее культурно-историческое наследие, которое также нужно сохранять, как всякое остальное наследие. Одновременно с уничтожением наших храмов, священнослужителей, наших книг и их писателей, с высылкой великих русских философов из нашей страны очень активно уничтожались и российские имена — лица нашей страны. На великой русской реке Волге появились новые города: Андропов, известный с XII века как Рыбинск, Горький, которым стал Нижний Новгород, Ульяновск, бывший Симбирск, форпост охраны русского государства на границе с Ордой, Куйбышев, новое название которого так и не прижилось среди жителей Самары. Кстати, Санкт-Петербург, когда он был Ленинградом, многие постоянно называли Питером.

Вместо Вознесенских, Покровских, Главных, Калужских, Выборгских улиц появились многочисленные улицы Советские, Большие и Малые Коммунистические. В Москве, рядом с древнейшим храмом Москвы 1509 года, где похоронены иноки — герои Куликовской битвы Пересвет и Ослябя, были 1-й и 2-й Коммунистические тупики. Сейчас они называются Пересветов и Ослябев переулки. Слава Богу! Но вот во Владимире есть еще Коммунистический спуск.

Возвращение имен — проблема нашей национальной безопасности. Все мы хорошо помним картину русского художника Васнецова «Витязь на перепутье». Налево пойдешь — голову сложишь, направо пойдешь — славу обретешь. Когда мы сегодня ехали на Ассамблею, я видел на Московском проспекте два указателя: один — «Улица Благодатная», другой — «Ленинский проспект». Они направлены в разные стороны. И нам выбирать, в какую сторону ехать.

Вячеслав НИКОНОВ

Мне только что подарили книгу «Старый Самарканд». В Узбекистане переименовано все, что носило советское название. Кроме библиотеки имени Пушкина в Самарканде. К сожалению, переименования, возвращение исторической памяти связаны во многих местах с дерусификацией. И здесь важно мнение наших соотечественников, Всемирного координационного совета соотечественников, руководителя которого, Александра Викторовича Лобанова я прошу взять слово.

Александр ЛОБАНОВ

Председатель Всемирного координационного совета российских соотечественников

Какова ситуация с русским языком у нас в Казахстане? Вячеслав Алексеевич Никонов заметил, что за последние 20 лет русский язык был словно бы наказан. Размышляю над этим: стоит ли применять такое определение к Казахстану? Думаю, у нас все обстоит далеко не так.

Русский в Казахстане не является государственным языком, но его функции отражены в Конституции республики. Найти информацию, получить образование — начальное, среднее, высшее на русском языке — без проблем. Количество изданий на русском языке превышает в разы издания на казахском.

С другой стороны, сокращается число русских школ. Но почему сокращается? Чей-то злой умысел? На юге страны таких школ вообще мало. Однако, как выясняется, на юге нет и желающих учиться на русском языке.

Сокращаются или закрываются кафедры на русском языке в университетах. Это факт. Но проблема в том, что эти места для студентов не заполняются. 2—3 человека приходят учиться на первый курс на кафедры русского языка. И это в Алма-Ате, крупнейшем городе страны, не говоря о других вузах в других городах Казахстана. Естественно, никто не будет содержать кафедру ради двух студентов.

С другой стороны, государство большое внимание уделяет развитию языков. В том числе русского. Конечно, первостепенная задача — развитие и продвижение казахского языка. Вопросов нет. Но во всех государственных программах, во всех проектах русский язык ставится на второе место по приоритету его развития и сохранения в стране. И это очень важно. У нас есть программа развития языков до 2020 года, где у русского, как в любой правительственной программе, есть целевые цифры. Так вот, русский по этой программе должны знать к 2020 году 90 процентов населения. И сегодня его по официальной статистике знает почти столько же граждан Казахстана. Для сравнения: контрольная цифра у английского языка — 20 процентов. Поэтому можно быть уверенным, что русский язык в Казахстане сохранится и будет присутствовать во всех сферах человеческой деятельности.

Вячеслав НИКОНОВ

— Спасибо вам за ваши усилия и за адекватную оценку того, что происходит в Казахстане. Страна во многом стала современной, благодаря в том числе и русскому языку, и будет оставаться такой, я уверен, в рамках сейчас усилившейся интеграции России и Казахстана — Таможенного союза и Единого экономического пространства. Проблемами интеграции в СНГ, обеспечением культурных связей между государствами занимается Федеральное агентство по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству. Слово Георгию Львовичу Муратову.

Георгий МУРАТОВ

Заместитель руководителя Федерального агентства по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству (Россотрудничество)

Русский мир пережил, с одной стороны, большую трагедию в последние годы. От центра Русского мира, от России оказались отрезанными целые пласты, целые куски. Резали по живому. Поэтому первые десять лет после начала 1990-х годов Русский мир пребывал в состоянии глубокой депрессии и переживал эту трагедию.

Затем начался период консолидации. В ней немалую роль сыграл фонд «Русский мир», другие организации. В 2001 году после выступления Владимира Путина на Первом конгрессе соотечественников инициативная группа выступила с предложением о создании Международного совета российских соотечественников. Вот уже десять лет развивается эта организация. Созданы страновые координационные советы. Мы собираемся на различного рода конференции, съезды, ассамблеи. А что дальше?

Но не можем же мы следующие сто лет собираться постоянно на конференции и говорить об одних и тех же проблемах! Что в Казахстане ситуация с русским языком хорошая, в Латвии — совсем плохая, на Украине — где-то посередине... Давайте определим реперные точки на сегодня, поставим конкретные задачи.

Предлагаю продолжить некоторые тезисы, высказанные Александром Александровичем Трубецким.

В Европе возникла тема русского языка как одного из официальных языков Евросоюза. В Латвии началась процедура подготовки к референдуму. Нужно собрать 150 000 голосов для того, чтобы провести референдум в пользу государственного статуса русского языка. Не буду напоминать, как заботятся о своих языках другие бывшие метрополии, крупные страны — Франция, Великобритания и так далее. Но подобная забота о русском языке — наша задача.

Недавно на конференции в Москве говорилось о статусе русского языка, о том, что мы должны обеспечить максимально возможное покрытие именно как государственным языком тех стран, где русские составляют большой массив населения. В Латвии начался этот процесс. Многие из здесь присутствующих связаны со средствами массовой информации. Нужно дать этому процессу максимальное информационное обеспечение, максимально поддержать наших соотечественников в Латвии, которые имеют полное право говорить о государственном статусе русского языка.

Тяжелейшая ситуация сейчас продолжается и на Украине. Там идет борьба за русский язык, за его хотя бы региональный статус. И поэтому нужно, конечно, оказать поддержку нашим украинским собратьям.

Хочу поддержать идею русофонии — идею создания ассоциации государств с широким применением русского языка. Такая необходимость назрела, и такие возможности у нас есть. Поэтому все эти предложения предлагаю записать в решения нашей Ассамблеи, и мне очень хочется пожелать Вячеславу Алексеевичу Никонову, чтобы на следующей Ассамблее Русского мира он рассказал бы о высоких показателях при ответе на вопрос: «Хотите ли вы, чтобы русский язык был для ваших детей вторым государственным языком в вашей стране».

Вячеслав НИКОНОВ

Предложение весьма радикальное...

Мартин Хоффман является символом Русского мира в Германии, хотя сам он не имеет русских корней. В Германии три с половиной миллиона русских. А по последнему опросу «Евробарометра» в Европе живет 6 процентов русских. Столько же, сколько испаноязычных граждан. То есть в рамках Евросоюза существует «русская Испания». Русский — четвертый или пятый язык, на котором говорят в странах Евросоюза.

Мартин, пожалуйста.

Мартин ХОФФМАН

Исполнительный директор Германо-Российского форума

Очень благодарен организаторам, что меня пригласили именно на дис-

куссию, где речь идет об истории. Для немцев германо-российская история играет особенную роль. Для всех, кто старается популяризировать Россию, российскую культуру.

Наша германо-российская история показывает, что мы сохранили генетический код и духовный потенциал. И, несмотря на все беды, на все трагедии, наше сотрудничество является очень прочным столпом германо-российских отношений. Думаю, это очень важно — показывать, что, несмотря на все прошлые войны и разногласия, которые всегда существовали между Западом и Востоком, сохраняются прочные отношения, которые связывают немцев и россиян.

Для немцев очень показательным был жест примирения, сделанный сначала Советским Союзом, потом Россией. Мы за это очень благодарны, потому что получили возможность понять широту души русских. Я тогда был студентом, и меня глубоко потрясло это проявление благородства. Поэтому история в германо-российских отношениях не просто объект изучения, а инструмент укрепления связей между нашими народами. В следующем году мы будем открывать Год Германии в России с большой выставки на Красной площади под названием «1000 лет — Россия и Германия».

Вячеслав НИКОНОВ

Каждый год мы объявляли о новых акциях фонда «Русский мир», и сегодня исключения делать не будем.

Александр Иванович Куприн справедливо заметил: «Язык — это история народа, это путь цивилизации и культуры».

Язык и история связаны абсолютно неразрывно. Внимательно вглядываясь в прошлое и понимая смыслы, которые несет история, мы понимаем себя и пытаемся понять свое будущее.

2012 год удивительно богат на значимые исторические даты. В 2012 году будет отмечаться 200-летие Отечественной войны 1812 года, 400-летие подвига Минина и Пожарского, 150-летие со дня рождения Столыпина, 1150-летие российской государственности. Не случайно Президент Российской Федерации объявил 2012 год Годом российской истории.

У меня предложение: давайте от имени Ассамблеи поддержим предложение президента и распространим Год российской истории на весь Русский мир. В следующем году давайте проводить акции, связанные с нашей историей, с общей историей, которая всегда является основой жизни любого общества, основой его генетического кода, наверное, не меньше, чем сам язык.

СЛОВО О ЛОМОНОСОВЕ

22 октября 2011 года в Русском центре Донецкой областной универсальной научной библиотеки им. Н. К. Крупской состоялся круглый стол «Ломоносов и российская наука: история и современность», посвященный 300-летию со дня рождения великого русского ученого-энциклопедиста. Мероприятие было организовано совместно с Донецким национальным техническим университетом в рамках «Ломоносовской программы», учрежденной фондом «Русский мир» и факультетом государственного управления Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова. Вели круглый стол Дмитрий МУЗА, профессор кафедры философии Донецкого национального технического университета, и Александр НАУМОВ, руководитель аналитического управления фонда «Русский мир». Публикуем ряд выступлений с круглого стола, чтобы представить российскому читателю мнение ученых Украины о нашем общем гениальном земляке.

СОЕДИНЯЯ ЕСТЕСТВОЗНАНИЕ С ФИЛОСОФИЕЙ

Роман ДОДОНОВ

Отмечая 300-летний день рождения Михаила Васильевича Ломоносова, мы вспоминаем его достижения в области химии, астрономии, географии, филологии, истории, его вклад в российское просвещение, его стихи, мозаичные картины, университет в Москве. Вместе с этим Ломоносов был глубоким мыслителем, в мировоззрении которого воплотились все противоречия его эпохи.

Следует сразу оговориться, что в современной историко-философской литературе присутствует весь спектр оценок в отношении значимости вклада Ломоносова в отечественную философию: от полнейшего отрицания до признания его основателем нового философского течения.

Так, например, С. Мареев и Е. Мареева в своей «Истории философии» пишут: «Ломоносов был прежде всего естествоиспытателем, физиком и химиком. Из этого и следует исходить при изучении и квалификации его мировоззрения, которое может быть определено как естественнонаучный материализм. Это подтверждается также и тем, что он *никогда специально не занимался философией*. Он касался общеполитических проблем лишь постольку, поскольку они имели прямое отношение к его научным исследованиям. При этом он интересовался почти исключительно натурфилософией. Гносеологически проблематика не получила сколько-нибудь заметной разработки в его трудах, помимо провозглашения некоторых самых общих принципов научной методологии». И еще: «М. В. Ломоносов... в философии оригинальных идей не имел».

С другой стороны, в советское время, когда было принято выискивать малейшие зачатки материализма в учениях прошлого, дабы уравновесить «линию Платона» с «линией Демокрита», Ломоносов был признан основателем российского материализма. «М. В. Ломоносову принадлежит честь проложить верный курс русской науке, — писал Ю. А. Жданов в «Слове о Ломоносове»,

ДОДОНОВ Роман Александрович, профессор, заведующий кафедрой философии Донецкого национального технического университета

— придать ей мощный импульс и точное движение... Непреходящую ценность имеет его стремление осуществить широкий научный синтез, связать теорию с практикой, *соединить естествознание с философией*, науки о природе с гуманитарным знанием».

М. В. Ломоносов — личность уникальная, самородок, сумевший пробиться через сословные рогатки и предрассудки, пройдя путь от холмогорского рыбака до первого русского академика. На его мировоззрение оказали влияние и созерцание природы во время плаваний по Белому морю, и учеба в Славяно-греко-латинской академии, и духовные искания в Киеве, и знакомство с немецкой философией у знаменитого Христиана Вольфа. Вне всякого сомнения, Ломоносов хорошо знал сочинения Лейбница и постоянно защищал мысль, что закон опыта нужно восполнить «философским познанием». Можно, пожалуй, согласиться с теми авторами, которые утверждают, что естествоиспытатели с необходимостью приходят к философии, когда поднимаются в своих исследованиях до определенного уровня обобщений. Ломоносов относится к их числу.

Его философия — это венец сонма наук, тесно друг с другом связанных и друг из друга происходящих. «Когда от любви беспокоящийся жених желает познать прямо склонность своей к себе невесты, тогда, разговаривая с нею, замечает в лице перемены цвету, очей обращение и речей порядок... точно уверяется о подлинном сердца ея состоянии. Равным образом прекрасная Натуры рачительный любитель, желая испытать толь глубоко сокровенное состояние первоначальных частиц, тела составляющих, должен высматривать все оных свойства и перемены, а особливо те, которые показывает ближайшая ея служительница и наперсница и в самые внутренние чертоги вход имеющая Химия; и когда она разделенные и рассеянные частицы из растворов в твердые части соединяет и показывает разные в них фигуры, выспрашивать у осторожной и догадливой Геометрии; когда твердые тела на жидкие, жидкие на твердые переменяет, а разных родов материи разделяет и соединяет, советовать с точною и замысловатую Механикою; и когда чрез слитие жидких материй разные цветы производит, выведывать чрез проницательную Оптику...».

Онтология Ломоносова тяготеет к атомизму и механицизму. М. В. Ломоносов положил в основу объяснения явлений природы философское представление о материи, состоящей из мельчайших частиц — «элементов» (атомов), которые неделимы, неуничтожимы и объединены в «корпускулы» (молекулы). Это мнение не было подкреплено опытным путем. Однако оно помогало ему совершить ряд открытий в физике и химии.

Одно из главных достижений Ломоносова — обнаружение природы тепловых явлений. Он нашел, что «теплота тел состоит во внутреннем их движении» и возникает вследствие трения движущихся частиц. Другим значительным достижением Ломоносова была формулировка гипотезы о сохранении материи и движения, получившей статус теории с открытием закона сохранения и превращения энергии.

Внимание ученого сосредоточено на изучении строения материи и общих законов движения. Свойствами материи, по Ломоносову, являются протяженность, сила инерции, форма, непроницаемость и механическое движение. Цен-

тральным пунктом мировоззрения мыслителя являлась атомно-молекулярная гипотеза и ряд основанных на ней теорий (теплоты, газов, электричества). Все они были связаны принципом сохранения материи и движения. Ломоносов отождествлял материю с веществом.

При этом он утверждал, что поскольку природа тел состоит в движении, то, следовательно, и тела определяются движением. Ломоносов был близок к мысли, что движение есть изменение вообще. Он различал два вида материи: собственную и постороннюю. Собственная материя — та, из которой тело состоит и известным образом определяется; при ее изменении неизбежно применяется и само тело; посторонняя материя — та, которая заполняет в теле промежутки, свободные от собственной материи.

Рациональное обоснование атомистических положений, по его мнению, не должно противоречить положениям веры, ибо «метод философствования, опирающийся на атомы» не отвергает «Бога-творца», «всемогущего двигателя». Нет никаких других начал, «которые могли бы яснее и полнее объяснить сущность материи и всеобщего движения». Подобно И. Ньютону, Ломоносов испытывал затруднение в объяснении первотолчка, первопричины движения, отводя эти функции так называемому первичному движению, или Богу. Но признание акта творения, отодвигаемого вглубь времен, вовсе не означает какого-либо воздействия Творца на природу в ее нынешнем состоянии. Такая позиция, как известно, называется деизмом.

В. В. Миронов пишет: «В русской философии работы Ломоносова явственно обозначили новое направление. Ломоносов был деистом... (что) открывало широкие возможности для исследовательского поиска, не давая в то же время формальных поводов для обвинений в безбожии. Ломоносов — деист материалистического толка... В противоречии с представлениями о том, что сотворенный мир существует в неизменном виде, Ломоносов показал, что Земля, ее поверхность и обитатели претерпели существенные изменения. Его эволюционные идеи, опиравшиеся на материалы истории, свидетельства географов древности, данные палеонтологии и т. п., были изложены в работе «О слоях земных». Картина мира, сохранявшей в его время статичность, он сумел придать известный динамизм».

В поэтической форме Ломоносов излагал свои чувства по поводу бесконечности мира и благоговения человеческого разума перед законом мироздания:

*Лицо свое скрывает день,
Поля покрыла мрачна ночь,
Взошла на горы черна тень,
Лучи от нас склонились прочь.
Открылась бездна, звезд полна;
Звездам числа нет, бездне дна.
Песчинка как в морских волнах,
Как мала искра в вечном льде,
Как в сильном вихре тонкий прах,
В свирепом как перо огне,*

*Так я, в сей бездне углублен,
Теряюсь, мыслями утомлен.*

«В этих строках, — комментирует Геннадий Горелик, — каждый рожденный исследователем узнает свои мысли и чувства и укрепитесь в том, что он не одинок и что его желание понять, как устроен мир, заслуживает стараний. Так наверняка думал и Ломоносов, читая Галилея и зная, как глубоко в бездну удалось проникнуть Ньютону, продолжая дело Галилея».

В области гносеологии Ломоносов как естествоиспытатель опирался на приоритет опытного познания. «Один опыт я ставлю выше, чем тысячу мыслей, рожденных только воображением». Отводя в познании большое место опыту, Ломоносов в то же время полагал, что лишь соединение эмпирических методов с теоретическими обобщениями может привести к истине.

Он стремился избегать крайностей сенсуализма, всегда признавая определяющую роль рационального познания. «Те, кто, собираясь извлечь из опыта истины, не берет с собой ничего, кроме собственных чувств, по большей части должен остаться ни с чем, ибо они или не замечают лучшего и необходимейшего или не умеют воспользоваться тем, что видят или постигают при помощи остальных чувств».

Ломоносов не был склонен к мистицизму в понимании природы, утверждая, что «приписывать... физическое свойство тел божественной воле или какой-то чудодейственной силе мы не можем».

Таким образом, в трудах Ломоносова представлена светская трактовка философии, отличающейся от религиозной версии своей предметной областью и методологией, но не противоречащая ей, а взаимодополняющая: «Правда и вера суть две сестры родные... никогда между собою в распрю притти не могут». При этом «вольное философствование» проникнуто скептицизмом, тогда как «христианская вера стоит непреложно». В «республике науки» властвует критическая мысль, несовместимая с догматизмом. Здесь позволено каждому «учить по своему мнению». Утверждая величие Платона, Аристотеля и Сократа, Ломоносов одновременно признает право «прочих философов в правде спорить», подчеркивая авторитет философов Нового времени в лице Декарта, Лейбница, Локка. Широко известно его высказывание: «Декарту мы особливо благодарны за то, что он ободрил ученых людей спорить и тем открыл дорогу к вольному философствованию».

«Будучи религиозным по своей натуре, — пишет В. В. Зеньковский, — Ломоносов отвергает стеснение одной сферы другой и настойчиво проводит идею мира между наукой и религией. «Неверно рассуждает математик, если хочет циркулем измерить Божью волю, но неправ и богослов, если он думает, что на Псалтири можно научиться астрономии или химии».

Подводя итоги сказанному, не будем впадать в крайности. Мировоззрение Ломоносова — это мировоззрение философствующего натуралиста. Он действительно стоял у истоков традиции, представленной именами выдающихся отечественных ученых, оставивших одновременно заметный след в истории философии: Менделеева и Лобачевского, Сеченова и Павлова, Циолковского и Вернадского. Это лишь самые яркие имена, к которым можно добавить не один десяток.

ЛОМОНОСОВ И РУССКОЕ ЦИВИЛИЗАЦИОННОЕ СОЗНАНИЕ

Дмитрий МУЗА

Хорошо известен тот факт, что в своем письме к И. И. Шувалову от 1 ноября 1761 года М. В. Ломоносов системно изложил ряд мер, которые, по его мнению, должны привести к социально-экономическому и культурному подъему России. Это письмо известно под названием «О сохранении и размножении российского народа». Однако в тени остается другой, причем значительно более фундаментальный по своему значению факт, —

разработка русским ученым полноценного проекта модернизации русской цивилизации.

Речь идет о концентрации усилий Ломоносова на вполне определенных системных макросоциальных задачах.

- 1) Размножение и сохранение российского народа.
- 2) Истребление праздности.
- 3) Исправление нравов и большее просвещение народа.
- 4) Исправление земледелия.
- 5) Исправление и размножение ремесленных дел и художеств.
- 6) Придание большей пользы делам купечества.
- 7) Улучшение государственной экономии.
- 8) Сохранение военного искусства во время долговременного мира.

Все они, несмотря на свою декларативность, могут быть артикулированы в терминах социального проектирования, то есть полагания такой модели социального бытия, в которой содержится макет вариантов созидательной деятельности плюс очерчены стратегические и тактические цели для конкретного общества.

В свою очередь понимание специфики социального проектирования, по

*МУЗА Дмитрий Евгеньевич, профессор кафедры философии
Донецкого национального технического университета*

моему убеждению, должно быть связано с проблемой цивилизационного лидера, качественной (структурно-содержательной) адекватности его сознания событиям и процессам исторической эпохи, а также трансэпохальным трендам. Так, А. Дж. Тойнби недвусмысленно выписал своеобразную социологию цивилизационного лидерства, в соответствии с которой наиболее продуктивными личностями — созидателями 21-й цивилизации и главными проводниками цивилизационных целей и ценностей — были основатели религий и святые, государственные деятели и полководцы, историки и политические мыслители, философы и поэты. Здесь, разумеется, нашлось место Будде, Христу и Мухаммеду, Цинь Шихуанди и Конфуцию, Платону и Александру Македонскому, Константину Великому и Карлу Великому, Данте и Шекспиру, Петру I и Наполеону I, Сталину и Чингисхану.

Тем не менее данная проблема, как проблема цивилизационной теории, вообще приоткрывает завесу сущностного плана организации той или иной цивилизации. Иначе говоря, главной интенции цивилизаций и соответствующих ей институциональных и экзистенциальных параметров.

Здесь следует напомнить, что структуру всякой цивилизации, позволяющей ей самопроизводиться в виде универсальной социокультурной целостности, составляют: 1) цивилизационный лидер и священный текст; 2) фундаментальные цивилизационные институты — церковь, семья, школа, искусство, наука; 3) политические и экономические институты; 4) «цивилизационная масса» и превалирующий образ жизни людей. Разумеется, наиболее важными структурными элементами здесь выступают цивилизационный лидер и текст. Базисный текст той или иной цивилизации содержит в себе код ее исторической прагматики. Для синтской цивилизации — это «Пятикнижие», для индоевропейской — Ригведа, для исламской — Коран, для западной — Библия. А еще древнегреческая полисная демократия и древнеримские правовые кодексы, средневековое готическое мировоззрение и возрожденческий гуманизм, наука и правоограживание индивидуума, конституция США и кодекс Наполеона. Задача лидера перевести закодированную информацию в структуру социального действия, определить на ее основании формы, цели и ценности исторического бытия. Таковыми были Конфуций и Лао-цзы, Сиддхардха Гаутама и Мухаммед, князь Владимир и прп. Сергей Радонежский, отцы-основатели США и Наполеон...

Применительно к рассматриваемой эпохе — эпохе просвещения, вполне правомерен тезис о том, что М. В. Ломоносов в России, а И. -В. Гете в Германии выступили в роли интеллектуальных и духовных лидеров собственных цивилизаций. Причем, как первый, так и второй представляли собой универсальный тип личности, — носительницы естественнонаучных и социогуманитарных знаний, навыков организации научной деятельности и образовательного процесса, наконец, литературной и художественно-эстетической практики. Кроме того, оба они, хотя и в разных жанровых формах («Древняя Российская история...», «Петр Великий», многочисленные оды — с одной стороны, «Фауст», «Рейнекелис», «Герман и Доротея», — с другой), являются создателями национального

нарратива, конститутивного в отношении текущего исторического момента и будущего великих народов.

В отличие от Гете, мало интересовавшегося политикой и испытывавшего отвращение к войне, М. В. Ломоносов как цивилизационный лидер обладал вполне четким культурно-политическим сознанием. Его смысловую структуру можно эксплицировать, опираясь на идею о том, что русская цивилизация, с одной стороны, выступала в роли наследницы идейно-исторического и морально-аксиологического кластера византийской цивилизации, а с другой, цивилизацией-реципиентом европейского культурного опыта эпохи модерна.

Проще говоря, она находится в тот период в активном поиске синтеза восточнохристианской духовности и социокультурной инноватики, предложенной западной цивилизацией. И именно Ломоносов как ученый и общественный деятель, прошедший школу-наследницу византийской образованности, — Славяно-греко-российскую академию и европейский классический (Марбург) и технический (Фрейбург) университеты, выступил в роли личности, в своей гениальности способной не только к интеллектуально-нравственному синтезу двух цивилизационных потоков в формате русской цивилизации, но и пролонгированию стратегических интересов России в мире.

Можно допустить, что этот синтез византийского и европейского цивилизационных текстов, институтов и даже образа жизни возможен только на русском субстрате. Говоря о социокультурном синтезе, а не преодолении византийского и европейского влияний, как считает Р. К. Баландин, можно привести ряд аргументов в пользу данного тезиса. Одна линия аргументации здесь может быть формальной. Так, доказано, что в Славяно-греко-латинской академии, выпускником которой был великий русский ученый, превалировала «идея синтеза различных культур». Причем, несмотря на «латинский уклон» в петровскую эпоху, при ректорстве Палладия Роговского. Другая, напротив, носит содержательный акцент. К примеру, М. В. Ломоносов утверждает, что из «греческого изобилия» мы, русские, «умножаем довольство российского слова», но само российское слово требует совершенствования и развития. Отсюда его попытки не только построить грамматику и рифмологию русского литературного языка, упорядочить «первообразные слова российские» и пословицы, но и методичное сочинительство духовных и героических, трагических и сатирических произведений. С другой стороны, он настаивал на изменении содержания и формы институтов науки и образования в России, при этом желая исправления жизни отечественной Академии наук «паче превышения иностранных академий». То же самое касалось Академической гимназии как «основы всех свободных искусств и наук» в России и для России. То есть залогов ее будущего процветания и величия.

Подобная аргументация возвращает нас к его главной идее — идее разработки и объективации цивилизационного проекта. Поэтому ниже попытаюсь осуществить ее посильную экспликацию.

Ключом к пониманию ломоносовского цивилизационного проекта можно считать строки из его стихотворения «Разговор с Анакреонтом»:

*Изобрази Россию мне.
Изобрази ей возраст зрелой
И вид в довольствии веселой,
Отрады ясность по челу
И вознесенную главу.*

Как видим, Ломоносов просит Анакреонта набросать образ чаемой России, которую он сам пытался построить во многих своих произведениях. Тем не менее смысловым экстрактом всех его попыток можно считать систему вполне определенных идей.

1) Идею общего блага (выраженную не только в словах о «пользе и славе Государства Российского», но и пользе всего человеческого рода).

2) Идею монархии как наиболее адекватного института управления, способного обеспечить русскому народу условия и сам путь к благу.

3) Идею «российского народа» как творца и одновременно реципиента общего блага.

Все три идеи «отворяют широкие врата России» к ее будущему, поскольку и в русских монархах, и в русском народе скрыты невиданные ранее возможности. С одной стороны, Провидение благоволит русской монархии, но это благоволение должно быть подтверждено последовательною цепью дел, начало и образец которым положили Алексей Михайлович и Петр Алексеевич. С другой стороны, русский народ, отличающийся «остротой понятия», «поворотливостью членов», «склонностью к любопытству» и недюжинной волей, наконец-то может стать субъектом истории. Судьба этих двух величин напрямую связана с идеей общего блага, которая имеет вполне осязаемые характеристики — умножение внутренних и внешних государственных границ, наращивание численности населения за счет хозяйственных и культурных дел, просвещения и благополучного бытия, при сохранении «общего подданных спокойствия и безопасности».

Конечно, такое толкование идеи общего блага, а именно для всех подданных русской монархии, заметно контрастирует с европейским опытом в этой сфере. Например, наиболее передовая страна Европы — Великобритания выразила ту же идею общего блага иначе. Несколькими десятилетиями спустя Т. Р. Мальтус, а затем И. Бентам и Дж. Ст. Милль обозначили ее в виде селективного социального блага. «Закон о бедных» в работе Мальтуса «Исследование о законе народонаселения» говорит о невозможности получения такого низшими слоями общества, а у основоположника утилитаризма дана более лапидарная формула: «достижение наибольшего счастья для наибольшего числа людей». В России как цивилизации, воспитанной на византийском историческом опыте, такая редакция общего блага попросту недопустима. И это понятно, поскольку сам М. В. Ломоносов вырабатывал эту идею не отвлеченно, но через собственную драму подъема на лифте вертикальной мобильности. Но она же станет ключевой идеей и последующих цивилизационных «строек».

Конечно, можно говорить о том, что Ломоносов следует в фарватере запущенной Петром Великим модернизации. Это вполне справедливо, поскольку

и он сам неоднократно писал на эту тему. К примеру: «через сии Петровы дарования (особые таланты монарха — Д.М.) приняла новый вид Россия, основаны науки и художества, учреждены посольства и союзы, отвращены хитрые умыслы некоторых держав и против нашего Отечества...». Однако справедливо и другое: в отличие от Петра I, видевшего субстанцию модернизации прежде всего в государстве, его крепких и сильных институтах, Ломоносов делает ставку на науку и образование. Причем в его проекте модернизации именно они (со временем) способны обеспечить реализацию идеи общего блага.

Между прочим, М. В. Ломоносов закладывает определенную традицию в русской науке и общественной мысли, предметом которой служит Россия и ее процветание. Здесь даже можно говорить о некоторой преемственности, идущей от М. В. Ломоносова — через Д. И. Менделеева и В. И. Вернадского — к Ю. А. Жданову и Н. Н. Моисееву. Однако всех названных ученых связывает представление о том, что именно наука выполняет роль фундирующего цивилизационный организм института. Недаром ученый пел гимны многим наукам — астрономии, механике, физике, химии, минералогии, географии, истории, филологии и философии, а также искусствам, закладывая прочный фундамент для скачка России в передовые страны мира.

Думается, что проблемы модернизации современной России, после нескольких исторических катастроф вновь осознающей себя в роли евразийской цивилизации, в полной мере связаны с идейным наследием М. В. Ломоносова. Недаром указывается, что только гуманистически-ноосферный проект способен сообщить нашей цивилизации искомую формулу устойчивости и процветания, включающую в себя инноватику и нравственное регулирование социокультурных процессов.

И не кто иной как М. В. Ломоносов стоял у истоков выработки ценностных оснований развития, обладая адекватным актуально-перспективным цивилизационным сознанием. В нем, как и в цивилизационном бытии, всегда должна быть акцентирована и реализована идея общего блага.

УНИВЕРСАЛЬНЫЙ ГЕНИЙ

Анна ОТИНА

Согласно Льву Гумилеву, выброс пассионарной космической энергии из сферы разума, сферы творческой активности Вселенной над определенным пространством, точкой Земли вызывает там расцвет национальной культуры, что на индивидуальном уровне выражается в появлении гениев, талантов, одаренности.

Подобный процесс произошел в Италии в XIV, XV веках. Среди титанов Возрождения миру явился универсальный гений Леонардо, художника, теоретика искусства, архитектора, математика, физика, астронома, ботаника, анатома, инженера. Все остальные гении Ренессанса — тоже гении, что тут спорить. Но Леонардо да Винчи — универсальный гений.

Германия XVIII века, палитра культуры которой окрашена в самые разнообразные тона духовных исканий и творений, порождает гений Гете. Универсальность его даже не в том, что он одновременно мыслитель, философ, гениальный поэт, а в стремлении обрести единый корень бытия и через возвращение человека к «единосущности мира» «антиципировать», предвидеть и охранить будущее.

XVIII век в России ознаменовался вторым после принятия христианства мощным вливанием в русскую духовную культуру сильнейших жизненных потоков, что подготовило творческую энергию культуры к генерированию, рождению национального гения. Михаил Ломоносов — не просто гений, он универсальный гений — это фигура сопоставимая по всеохватности познания, творчества и духовного движения, наверное, только с Леонардо да Винчи.

Это знак восхождения души русской культуры и обретения этой культурой своего отчетливого портрета (не скажу лица, это произошло раньше) в мировом цивилизационном пространстве.

XVIII век — удивительное время в культурной жизни России, что во многом обеспечено научной, творческой, просветительской деятельностью М. В. Ломоносова. Жизнь гения ведь тем и отличается от жизни любого другого, пусть даже талантливого человека, что определяет дальнейшее движение культуры.

По мнению Л. Н. Гумилева, XVIII век — «органический» период в развитии

ОТИНА Анна Евгеньевна, доцент кафедры социологии и политологии Донецкого национального технического университета

русской культуры. Действительно, лучшего названия тому времени не дашь, потому что оно абсолютно точно определяет сущность тех значительных процессов, которые происходили в культурно-историческом пространстве XVIII века в России, подготовили благодатную почву для дальнейшего культурного роста и явились основанием для появления Гения.

Некоторой мистической закономерностью движения души культуры овевано и само место, откуда Ломоносов начал свой путь. Архангельский север, севернорусская демократическая культура были открыты для мира. С одной стороны, жители Архангельска выходили в море, это было для них обычным делом. Отец Ломоносова брал с собой сына, когда на собственном галиоте плавал по Белому морю и Северному Ледовитому океану. Северная природа распахнулась перед будущим ученым и поэтом во всем своем величии и сиянии. Природа демонстрировала простор, который становился пространством духовных стремлений и душевного полета гения. С другой, население архангельских деревень постоянно общалось с иностранными купцами и моряками. Торговые отношения сделали мир этих людей разомкнутым, открытым для восприятия другого мира, иного опыта, человека. Все это определило путь юного Михаила Васильевича Ломоносова, длительный и интересный, как в географическом (путешествие в Москву, которое он начал в декабре 1730 года и все другие его дороги за наукой), так и в творческом смыслах.

Знание древнерусской литературы, латинского и греческого языков, которые он получил в Славяно-греко-латинской академии, развернули перед юным ученым пространства отечественной, античной и европейской культуры. В Киево-Могилянской академии Ломоносов познакомился с украинской культурой и языком, он относил их к южнорусскому варианту русской культуры и языка. Далее — поездки в Петербург, где он вошел в состав слушателей университета при Академии Наук, в Саксонию, где приобрел познания в области физики, химии, горного дела, а также изучил немецкий, французский, итальянский и английский языки.

Вся жизнь М. В. Ломоносова прошла под двумя взаимообращенными знаками, светилами — обретения знаний и просветительства, что является лучшим доказательством как масштаба, так и целостности его натуры. «Органическая» эпоха породила целостного гения, стремящегося к единству и всеохватности.

Способность Ломоносова к всеохватному науковосприятию определила то, что его реформа литературы была воспринята как «бескровная», органичная, когда старая норма в положенный час сменилась пока новой, но уже зрелой, продуманной, стройной, то есть образцовой.

Как заметил А. Ф. Мерзляков: «Нежность основана на чувстве, а правильность на суждении ума; первая — дар природы, последняя — плод образованности и искусства. Между древними критиками Лонгин обладал более нежностью, Аристотель более точностью; у нас Ломоносов более правилен, Державин более игрив и нежен».

Действительно, чтобы осуществить то, что Ломоносов сделал в области литературы, необходимо было обладать не только хорошим вкусом или умением

писать стихи, но и талантом ученого со способностью к анализу, систематизации, пониманием объекта исследования (в данном случае литературы) как живого, динамичного, подверженного изменениям процесса и его предмета, как требующего системности и нормы.

Реформу языка, воплощенную в ломоносовской теории «трех штилей», нельзя назвать иначе как революционной. Церковнославянский язык к тому времени уже тормозил становление литературы, мешал ее жанровому оформлению. Введя в творческий обиход идею «трех штилей», Ломоносов обеспечил развитие светской литературы в России. Позже, в XIX веке, когда строгое стилевое разграничение повиснет на литературе, как кандалы, появится А. С. Пушкин. Новый гений и новое движение.

Большой вклад Ломоносов-филолог внес в развитие риторики. В «Кратком руководстве к красноречию», например, он наряду с «памятью» в число «душевных дарований» включает «остроумие». «Остроумие» он рассматривает как соединение «силы совоображения» и «рассуждения». Позже в XIX веке Любомудры, Д. В. Веневитинов, В. Ф. Одоевский, С. П. Шевырев, А. И. Галич, И. В. Киреевский, П. А. Вяземский в своих эстетических трактатах будут писать о том, что литературное произведение — это гармоничное единство мысли и чувства. А ведь они относили себя (и декларировали это) уже к романтическому направлению. Когда же предметом художника становится стремление «изведать через нравоучение всю глубину сердец человеческих», то тогда, писал Ломоносов, он предпочитает «философское остроумие».

Под знаком философичности как имманентного, внутреннего качества русской литературы будут написаны эстетические трактаты и художественные произведения мыслителей первой трети XIX века от классициста Мерзлякова, через пограничную, между двумя направлениями (классицизм и романтизм) фигуру П. А. Новикова и сентименталиста Н. Карамзина до вышеупомянутых романтиков и Е. А. Баратынского.

По сути, именно ломоносовские идеи дали мощный, стартовый, как сейчас говорят, толчок к тем динамическим процессам в русской литературе, которые привели к феномену русской литературной культуры XIX века.

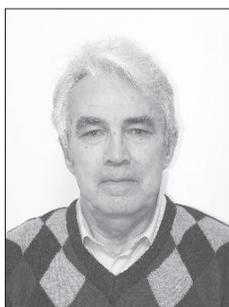
И в заключение о том, что роднит русского мыслителя и творца Ломоносова с немецким мыслителем и творцом Гете. Наверное, это не только избранный путь познания фаустовского размаха, но и стремление к синтезу. В «Вечернем Размышлении о Божием Величестве При Случае Великого Северного Сияния» есть такие строки:

*Открылась бездна, звезд полна;
Звездам числа нет, бездне дна.*

Это абсолютно точное поэтическое определение Вселенной, сделанное Ломоносовым, художником и ученым, поэтом и естествоиспытателем. Вселенной как космоса, Вселенной как бесконечности духа, Вселенной как неисчерпаемого объекта познания.

КОРПУСКУЛЯРНЫЕ ВОЗЗРЕНИЯ ЛОМОНОСОВА

Вадим ПРИСЕДСКИЙ

Как и перед великим преобразователем России Петром Первым, поле деятельности перед первым русским академиком лежало первозданное и необъятное: оно требовало не только энциклопедических знаний, но и исполинской силы духа. Жизнь Ломоносова еще раз подтверждает: если время нуждается в титанах, оно их порождает.

Возможно, одна из самых проникновенных и, может быть, наиболее точных характеристик Ломоносова была дана поэтическим гением А. С. Пушкина: **«Соединяя необыкновенную силу воли с необыкновенной силою понятия, Ломоносов обнял все отрасли просвещения. Жажда науки была сильнейшею страстью сей души, исполненной страстей»**. Пушкина трудно отнести к сонму безоговорочных восхвалителей Ломоносова. Вслед за известной своей фразой: **«Он создал первый университет. Он, лучше сказать, сам был первым нашим университетом»**, — поэт тут же продолжает: «Но в сем университете профессор поэзии и элоквиенции не что иное как исправный чиновник, а не поэт, вдохновенный свыше, не оратор, мощно увлекающий. Однообразные и стеснительные формы, в кои отливал он свои мысли, дают его прозе ход утомительный и тяжелый». По мнению Пушкина, «Ломоносов сам не дорожил своею поэзиею и гораздо более заботился о своих химических опытах, нежели о должностных одах на высокаторжественный день тезоименитства и проч.».

Жажда науки как сильнейшая страсть души. Сколько сотен, а может быть, и тысяч молодых людей в Российской империи и в Советском Союзе вдохновлялись примером поморского юноши, отправившимся пешком в Москву за знаниями. И сколь многим из них, как и их великому предшественнику, судьба уготовила и великие взлеты, и великие горечи на пути служения науке и отечеству.

Личность М. В. Ломоносова можно понять, приняв во внимание, что он был выходцем из той части русского народа, которая непосредственно не испытывала гнета ига и крепостнического рабства. Именно в этой среде, исторические

ПРИСЕДСКИЙ Вадим Викторович, профессор Донецкого национального технического университета

корни которой берут начало еще в Новгородской республике, появился жадный к знанию исследователь с характером независимым и пылким, но и с выраженным стремлением к превосходству, выливающимся иногда в пренебрежение и несдержанность к окружающим. Ломоносов совмещал в себе народные корни и религиозность, монархические настроения и естественно-научный рационализм. Сложный сплав его врожденных качеств был отшлифован приобретением к европейской цивилизации и науке.

Основной областью своей научной деятельности М. В. Ломоносов считал химию, но в его творчестве эта наука всегда оставалась в неразрывной связи с другими разделами естествознания. «Нет сомнения, что науки наукам много весьма взаимно способствуют, как и физика химии, физике математика, нравоучительная наука и история стихотворству». Такое логическое единство было следствием понимания им единства природы и существования немногих фундаментальных законов, лежащих в основе всего целостного многообразия явлений.

Центральное место в естественнонаучных взглядах М. В. Ломоносова занимают его корпускулярные воззрения, включающие представления о корпускулярно-кинетической природе теплоты. Ломоносов утверждает, что все вещества состоят из корпускул (молекул), которые являются «собраниями» элементов (атомов). В своей неоконченной диссертации «Элементы математической химии» (1741) он дает такое определение: «Элемент есть часть тела, не состоящая из каких-либо других меньших и отличающихся от него тел... Корпускула есть собрание элементов, образующее одну малую массу». Ломоносов указывает на различие «однородных» корпускул, то есть состоящих из «одинакового числа одних и тех же элементов, соединенных одинаковым образом», и «разнородных» — состоящих из различных элементов.

С атомно-корпускулярными представлениями, история которых восходит еще к великим философам Древней Греции, Ломоносов познакомился во время своей учебы в Марбурге, где изучал в частности работы Роберта Бойля и учеников Галилея. Там, весной 1739 года он подготовил свою первую студенческую работу под названием «Физическая диссертация о различии смешанных тел, состоящих в сцеплении корпускул».

В дальнейших академических трудах М. В. Ломоносов существенно развил корпускулярные представления. Он поставил своей целью создать «корпускулярную философию» и объединить в одно целое всю физику и химию на основе таких представлений. Осуществить грандиозный замысел ему не удалось, но большую часть его физических и химических трудов можно рассматривать как подготовительные материалы к задуманной работе.

Ломоносов привел многочисленные примеры, поясняющие различные свойства тел на основе корпускулярного строения материи. Например, в «Опыте теории о нечувствительных частицах тел и вообще о причинах частных качеств» (1743—1744) автор дает следующую оценку «малости нечувствительных корпускул»: «Кубическая линия парижского фута золота весит приблизительно 3 грана, а один гран мастера растягивают в тончайший листок, имеющий 36 квадратных дюймов. ... таким образом, в одной кубической песчинке, сторона которой равна 1/10 линии, может содержаться приблизительно 3 761 479 876

таких частиц, которые физически отделяются друг от друга... ясно, что тела состоят из нечувствительных частиц, поразительно малых и физически разделимых». Как жаль, что во времена Ломоносова еще не было экспериментальных фактов, которые показали бы, что степень малости нечувствительных частиц еще намного, намного выше (в миллион миллионов миллионов раз)!

В работе «Опыт теории упругости воздуха» (1748) Ломоносов пишет: «... припомним опыт Роберваля, который держал воздух сильно сжатым в течение 15 лет и в конце концов нашел упругость его неизменной... Поэтому мы принимаем..., что частицы воздуха — именно те, которые производят упругость, стремясь отойти друг от друга, — лишены всякого физического сложения и организованного строения и, чтобы быть способными переносить такие испытания и производить столь поразительные действия, должны быть крайне прочными и не подверженными каким-либо изменениям; поэтому их по справедливости следует назвать атомами. А так как они физически действуют на вещественные тела, то сами должны иметь протяжение. Что же касается фигуры атомов воздуха, ... то весьма близкая к шарообразной».

Несомненная заслуга М. В. Ломоносова состоит в том, что во многих случаях он дал четкую и оригинальную научную интерпретацию различных явлений природы на основе корпускулярных представлений и активно их распространял, популяризировал.

Знаменитый математик Л. Эйлер, работавший одно время в Российской императорской академии наук, дает самую высокую оценку этой стороне творчества Ломоносова: «Все сии диссертации не токмо хороши, но и весьма превосходны, ибо он пишет о материях физических и химических весьма нужных, которые по ныне не знали и истолковать не могли самые остроумные люди, что он учинил с таким успехом, что я совершенно уверен в справедливости его изъяснений. При сем случае **г. Ломоносову должен отдать справедливость, что имеет превосходное дарование для изъяснения физических и химических явлений**».

В составленном «Обзоре важнейших открытий, которыми постарался обогатить естественные науки Михайло Ломоносов» (1765), автор на первое место ставит свои «Размышления о причине теплоты и холода» (написанные на латинском языке), «где доказывается, что сила теплоты и разное напряжение ее происходит от внутреннего вращательного движения собственной материи тел, различно ускоряемого, а холод объясняется замедленным вращением частичек. После априорного и апостериорного доказательства всего этого ... устраняются смутные домыслы о некоторой бродячей, беззаконно скитающейся теплотворной материи».

Ломоносов полагал, что корпускулы совершают вращательное («коловратное») движение. Вот как он доказывает определяющую роль именно «вращательного движения частиц собственной материи тел»: «существуют весьма горячие тела без двух других видов движения «внутреннего поступательного и колебательного», напр. раскаленный камень покоится (нет поступательного движения) и не плавится (нет колебательного движения частиц)».

На основе своих представлений М. В. Ломоносов объяснял такие тепловые явления, как теплопроводность, плавление и др. Процесс теплопрово-

дности он пояснял следующим образом: при соприкосновении нагретого тела с холодным первое охлаждается, а второе нагревается. Это происходит потому, что корпускулы нагретого тела вращаются быстрее, чем корпускулы холодного. При соприкосновении тел движение «быстрых» корпускул будет передаваться корпускулам холодного тела, которые вращаются медленно. В результате передачи своего движения корпускулы горячего тела замедляют движение, и тело охладится, а вращение корпускул холодного тела ускорится, и оно нагреется.

Вращательное движение М. В. Ломоносов стремился положить в основу своей «Натуральной философии» как один из фундаментальных принципов мироздания. Дальнейшее развитие науки, с одной стороны, подтвердило важное значение вращательной составляющей внутреннего движения частиц (например, именно с ней связаны магнитные свойства вещества), но, с другой стороны, показало, что не все его умозрительные построения соответствуют действительности. К примеру, поступательные и колебательные степени свободы молекул дают не меньший (на самом деле — значительно больший) вклад в теплоту, чем вращательные. Если энергия валентных колебаний молекул соответствует при не слишком экстремальных температурах инфракрасному диапазону электромагнитного спектра, то энергия вращательных движений молекул или отдельных атомных групп — микроволновому, где величина энергии кванта на порядки величины меньше. Все же идея М. В. Ломоносова сохраняла для того времени значение как указание на возможную роль внутренних, скрытых степеней свободы движения корпускул.

Не разделяя многих взглядов теории флогистона Г. Штала, М. В. Ломоносов, тем не менее, пытался согласовать ее со своей «корпускулярной философией» (например, объясняя механизм окисления и восстановления металлов, «состав» серы). В диссертации «О металлическом блеске» (1745) он пишет: «... При растворении какого-либо неблагородного металла, особенно железа, в кислотных спиртах из отверстия склянки вырывается горючий пар, который представляет собой не что иное, как флогистон, выделившийся от трения растворителя с молекулами металла и увлеченный вырывающимся воздухом с более тонкими частями спирта».

Химическая наука, по Ломоносову, целиком опирается на достижения физики, и он предвидел будущее развитие физической химии. «Физическая химия, — писал Ломоносов, — есть наука, объясняющая на основании положений и опытов физики то, что происходит в смешанных телах при химических операциях... Химия моя физическая». В 1752—1753 годах он прочитал студентам курс «Введение в истинную физическую химию», сопровождавшийся демонстрационными опытами и практическими занятиями.

Научные работы М. В. Ломоносова публиковались в виде отдельных записок, трактатов, диссертаций, в отчетах Санкт-Петербургской Академии наук и художеств, многие из них остались в рукописном виде. В России еще не было периодических научных изданий, наподобие «Philosophical Transactions», в которых Р.Бойль публиковался еще в предыдущем веке. Это обстоятельство сильно затрудняло взаимосвязь Ломоносова с ведущими зарубежными учеными, лишало возможности свободного и критического обсуждения последних

научных работ, своих и чужих. Это же было одной из причин, почему работы Ломоносова не получили заметного отклика со стороны европейских ученых. Некоторые из его оригинальных сочинений, в том числе неопубликованные при жизни, были извлечены из почти полуторавекового забвения Б. Н. Меншуткиным, опубликовавшим их на немецком языке в «Annalen der Naturphilosophie» в 1905—1910 годах.

К сожалению, до сих пор изолированность от мировой науки остается большим местом науки отечественной. Пример Ломоносова, первого российского ученого, сформировавшегося на почве европейской науки, с особой яркостью показывает жизненную необходимость для ученого находиться в постоянной живой связи с мировым научным сообществом.

Как же соотносились корпускулярно-кинетические взгляды М. В. Ломоносова на природу теплоты с состоянием этой проблемы в мировой науке? Еще со времен античности здесь существовали два подхода. Согласно одному, теплота — это вещество; согласно второму — это состояние тела. Так, у философов ионийской школы четвертым элементом был огонь. И тогда, и позже многие отождествляли огонь с теплотой, другие же считали огонь лишь источником тепла, а тепло считали неким состоянием тел. Роджер Бэкон (XIII век) и Иоганн Кеплер (XVI век) определили это состояние как движение внутренних частей тел. Еще более явно Роберт Бойль рассматривал теплоту как состояние движения молекул. Именно эти корпускулярно-кинетические (или механические) взгляды доминировали и во времена Бойля (XVII век), и позднее. В 1752 году Парижская академия наук объявила конкурс на лучшую работу о природе тепла. К сожалению, М. В. Ломоносов в конкурсе этом не участвовал, но участвовал его известный корреспондент Леонард Эйлер, получивший за свою работу премию. Эйлер писал: *«То, что теплота заключается в некотором движении малых частиц тела, теперь уже достаточно ясно»*.

Но к середине XVIII века распространение получила и субстанциальная теория теплоты, прежде всего благодаря работам Джозефа Блэка, открывшего скрытую теплоту плавления и кипения. (Удивительно, но на ряде русскоязычных вебсайтов, посвященных М. В. Ломоносову, эта теория (она же флюидная, или теория теплорода) ошибочно приписывается все тому же Роберту Бойлю!

Нужно сказать, что появление этой теории было закономерным результатом развития науки. Это была модель, отличавшаяся наглядностью и допускавшая количественные расчеты, тогда как кинетическая теория оставалась еще в начальной умозрительной фазе, исключительно качественной. Вспомним, что и сегодня студенты физмата изучают дифференциальные уравнения переноса вещества (диффузии) и переноса теплоты (теплопроводности), которые математически совершенно эквивалентны. Многие современники Ломоносова относились к флюидной теории именно как к полезной модели. Понятно, что им было трудно воспринимать как откровение решительную критику М. В. Ломоносовым теории «беззаконно скитающейся теплотворной материи».

У М. В. Ломоносова с его взрывным характером при жизни было немало недоброжелателей, утверждавших, что он только зря тратит казенные деньги и мало что делает полезного. Позднее, особенно к юбилейным датам, проявлялись и обратные тенденции, когда в избыточном административно-

патриотическом радении научные достижения Ломоносова чрезмерно преувеличивались. Его объявляли и основоположником атомно-молекулярной теории, и первооткрывателем закона сохранения материи и движения. Отметим, что сам М. В. Ломоносов об этом не заявлял никогда (см., например, уже упоминавшийся «Обзор важнейших открытий, которыми постарался обогатить естественные науки Михайло Ломоносов»).

Наука нового времени выработала четкие критерии, позволяющие отличить научную теорию от умозрительных или метафизических построений. Одним из критериев является наличие точно определяемых количественных параметров, поддающихся непосредственному измерению. Они составляют необходимую предпосылку критерия истинности, верифицируемости — возможности экспериментальной (практической) проверки предсказаний теории, ее следствий. Английский учитель Джон Дальтон ввел в атомно-корпускулярные представления понятие атомного веса и закон кратных отношений; поэтому именно он стал основоположником современной атомной теории. Профессор физики из Туринского университета Амедео Авогадро предложил способ определения относительных масс молекул и развил вытекающие из этого положения; мировым научным сообществом он признан основателем молекулярной теории.

Равным образом формулировка великих законов сохранения требует введения понятий массы, энергии, импульса, момента импульса и др. Высказанная Ломоносовым в частном письме Эйлеру формулировка «великого естественного закона»: «... Все перемены, в натуре случающиеся, такого суть состояния, что сколько чего у одного тела отнимется, столько присовокупится к другому...» таким требованиям, очевидно, не удовлетворяет. Скорее она свидетельствует о глубине естественнонаучной интуиции, «необыкновенной силе понятия» Ломоносова, тем более удивительной, что он не владел созданным в предыдущем веке теоретическим научным аппаратом — математическим анализом.

Научные заслуги и научная репутация М. В. Ломоносова в подобных неуклюжих преувеличениях вовсе не нуждаются. В «Истории химии» Микеле Джуа, представителя авторитетнейшей итальянской школы историков науки, М. В. Ломоносову посвящен отдельный раздел. В истории мировой науки автор отводит Ломоносову почетное место в ряду выдающихся естествоиспытателей XVIII века, активно развивавших корпускулярные представления непосредственно перед тем, как они сформировались в современные научные теории.

В российской истории М. В. Ломоносов — одна из самых ярких и важных фигур. Первый русский ученый-естествоиспытатель, он немало содействовал популяризации и развитию науки в России. Он был крупным организатором науки, поборником отечественного просвещения, по его проекту был основан Московский университет. Он основал первую в России химическую лабораторию. Он стремился применить свои знания на практике, был инициатором самых разнообразных научных, технических и культурных проектов, направленных на развитие промышленных сил России и имевших первостепенное государственное значение.

М. В. Ломоносов верил, что «может собственных Платонов и быстрых разумом Невтонов российская земля рождать». Разделим эту его светлую веру и мы!

РЫЦАРЬ РОССИЙСКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ

Николай РАГОЗИН

Восемнадцатый век — пик эпохи Просвещения в Европе — по-своему преломился в России. Европейское просвещение было делом гражданского общества, которое для распространения знания и образования использовало как старый институт университета, так и новые институты — научные общества, академии, редакции литературных и научных журналов, великосветские салоны. Европейские государи главным образом откликались на инициативы гражданского общества, контролируя и направляя их в нужное русло. В России долгое время дело просвещения было делом государственным и государевым.

Просвещение было одним из инструментов модернизации державы, столь же необходимым, как реорганизация и перевооружение армии и флота, создание кораблестроения, военно-промышленных мануфактур и промыслов, совершенствование государственного управления. Именно в контексте так понимаемого просвещения по инициативе Петра I учреждается в 1725 году Российская императорская академия наук.

Создаваемая в стране, где отсутствовала система светского образования и сообщество ученых, Академия комплектовалась приглашенными зарубежными учеными, а для последующей подготовки собственных научных кадров в структуру Академии наук были включены университет и гимназия, что отличало Российскую академию от ее европейских аналогов. Наука и светское образование строились в России начиная с крыши и верхнего этажа, которые опирались на государственную систему. И лишь постепенно ряд государственных реформ подвел под них стены и фундамент, связав с обществом, с его нуждами и инициативой. Первым, кто поставил вопрос о необходимости таких реформ и предложил глубоко продуманную и стройную их программу, был Михаил Васильевич Ломоносов.

Уже первое обращение Михаила Васильевича к проблемам развития

РАГОЗИН Николай Петрович, заведующий кафедрой культурологии и политических наук Донецкого национального технического университета

науки и образования показывает, что он видел их комплексно, и столь же многосторонней была его деятельность как ученого, педагога, переводчика и издателя.

ГИМНАЗИЯ ЛОМОНОСОВА

Гимназия как среднее общеобразовательное учреждение начинает получать широкое распространение в России только в XIX веке, в эпоху либеральных реформ Александра I, когда Предварительными правилами от 15 ноября 1804 года утверждаются университетский и гимназический уставы. Во времена Ломоносова в России существовали три гимназии — в Санкт-Петербурге при Академии наук, при Московском университете и в Казани. Первой гимназией Ломоносов фактически руководил с 1758 года, вторая создана по написанному им уставу, а третья копировала устройство московской гимназии. Не будет большим преувеличением, если мы скажем, что во второй половине XVIII века в России существовала *гимназия Ломоносова*.

Впервые об устройстве гимназии Ломоносов высказывается в январе—апреле 1755 года, когда составляет для И. И. Шувалова проекты регламентов (уставов) Московского университета и университетской гимназии. Второй раз в марте—мае 1758 года, когда для Академического собрания готовит «Регламент Академической гимназии», начинающийся замечательными словами: «Гимназия является первой основой всех свободных искусств и наук. Из нее, следует ожидать, выйдет просвещенное юношество: молодые люди должны там приучаться к правильному образу мыслей и добрым нравам». В третий раз об устройстве гимназии Ломоносов высказывается в написанных на латыни «Предположениях и уставе Петербургской Академии», датированных 21 мая—10 сентября 1764 года, которые предназначались для обсуждения в АН.

В литературе о Ломоносове убедительно показано, что он был последовательным сторонником максимально общедоступного гимназического образования и совместного обучения школьников, происходящих из разных сословий. В своих проектах он оставлял открытой возможность получения гимназического образования и для представителей «низших» сословий — крепостных и подушных крестьян. Образование Ломоносов рассматривал как путь освобождения из рабства и сословной ограниченности. Науку и рабство он справедливо полагал вещами несовместимыми. О чем и писал в первых строках проекта регламента московской гимназии: «Науки благороднейшими человеческими упражнениями справедливо почитаются и не терпят порабощения».

Образование Ломоносов рассматривает как социальный лифт, который позволит любому ученику, независимо от его происхождения, но в соответствии с его знаниями и способностями, подняться вверх по социальной лестнице: «... науки являются путем к дворянству, и все идущие по этому пути должны смотреть на себя как на вступающих в дворянство. А затем все принятые и не принадлежащие к дворянству должны в отношении обращения с ними, как и в смысле одежды, быть на том же положении, какое подобает принадлежащим к дворянству». Такая постановка вопроса шла вразрез с сословными пред-рассудками его времени. И при Московском университете, вопреки планам

Ломоносова, были созданы две гимназии: 1-я — для дворян, 2-я — для разночинцев. Да и сам он был вынужден делать уступки этим предрассудкам, проектируя при Академической гимназии «педагогию» как отдельный класс для детей высшей аристократии.

Обучение в гимназии могло быть за счет государства («на жалованье в комплекте») и за счет родителей («своим коштом»). Обучение за государственный счет предполагало выплату стипендий гимназистам. Опыт показал, что денежные стипендии очень часто использовались не по назначению, и Ломоносов предпочел перевести соответствующие средства в натуральное довольствие гимназистов. В Академической гимназии ученики жили на полном государственном пансионе, получая бесплатные жилье в общежитии, питание, медицинское обслуживание, одежду и учебную литературу. По собственному опыту зная, каково учиться в голоде и холоде, Ломоносов вникал во все мелочи быта гимназистов, посещая общежитие, следя за организацией питания, вплоть до составления меню.

Учитывая то обстоятельство, что в гимназию могли приходиться учиться выходцы из разных сословий, отличающиеся по уровню развития и первоначальной подготовке, Ломоносов составляет гибкую программу обучения в гимназии. В целом обучение в ломоносовской гимназии было разделено на три «класса» (уровня): низший, средний и высший, однако пребывание ученика в каждом из этих «классов» не ограничивалось жесткими календарными сроками. Более важным было соблюдение принципа преемственности образования. Ломоносов полагал, что гимназист не должен переводиться из одного класса в другой, пока не усвоит «в совершенстве» всех предметов, которые проходятся в данном классе.

Принципиальным для Ломоносова было то, что обучение в гимназии должно проводиться на русском языке (а не «с немецкого», как это было прежде). Только для философии Ломоносов делал исключение, допуская ее преподавание на латыни. Обучение в гимназии было разбито не только на три уровня («классы»), но и строилось по трем предметным циклам, которые Ломоносов, как мы полагаем по примеру своего обучения в Славяно-греко-латинской академии, называет «школами»: российская, латинская, «первых оснований в науках школа».

Учитывая разные уровни подготовки гимназистов, Ломоносов предлагает в первом классе гимназии ввести два потока обучения: один для тех, кто «еще российской грамоте не знает» и «должен только в российском первом классе дотоле обучаться, пока читать и писать искусен будет». Российский первый (или «нижний» класс) был подготовительным. В нем ученик должен был научиться «чисто читать и правильно произносить», «вкратце» пройти грамматику и по прописям выработать хороший почерк. Во втором русском классе гимназист изучает правила грамматики русского языка, стили письменной речи, правила стихосложения и упражняется в прозаических и стихотворных переводах с латыни. В третьем русском классе гимназист изучал основы риторики и составления писем, а также русскую историю.

В низшем латинском классе изучаются основы грамматики и морфологии

латинского языка и читаются адаптированные тексты. Во втором латинском классе изучаются исключения в склонениях и спряжениях, «труднейшие правила синтаксиса», читаются и переводятся произведения римских классиков (Цицерона, Светония, Курция), заучиваются наизусть пословицы Эразма и переводятся на латынь новые русские сочинения. В высшем латинском классе при изучении просодии следует переводить и читать Вергилия, Горация, Флора, Ливия, Цицерона, Тацита.

Что касается третьей «школы» («первых оснований наук»), то ее дисциплины преподаются во втором и третьем классах и включают в себя арифметику, геометрию, географию, логику, метафизику и практическую философию.

Таким образом, гимназия Ломоносова давала классическое гуманитарное образование, основой которого являлись русский и латинский языки и литература, к которым добавлялись основы естественных наук и философии и факультативно изучаемые новоевропейские языки.

Перевод из класса в класс и из «верхнего класса» в студенты университета предлагалось осуществлять на основе экзаменов. Зная как мало в России образованных людей и как велика в них потребность, Ломоносов предлагает бережно относиться к выпускникам гимназии. Тех, кто успешно и быстро освоил все циклы гимназического образования, он хотел бы видеть студентами университета. Если гимназисты обнаружили способности к наукам и обучались на средства своих родителей, то следует, по мнению Ломоносова, «употреблять всякие пристойные способы, чтобы склонить родителей к совершению таких детей их в науках».

Если гимназист успешно закончил все три класса, но по возрасту приближается к 20 годам и к европейским языкам «посредственную способность имеет», то такого «производить в студенты, дабы, не теряя напрасно времени, мог достигнуть в Университете такой науки, которою, помянутых языков не зная, отечеству полезен быть может».

Гимназист, овладевший полной программой гимназического образования, был достаточно подготовлен для обучения в университете, поскольку у него были необходимые культурные знания и навыки, и — главное — хорошее знание латыни как международного языка науки того времени.

КОНЦЕПЦИЯ УНИВЕРСИТЕТА

Номинально университет в России появляется вместе с Академией наук в 1726 году, но реально он начинает функционировать только благодаря энергии и настойчивости Михаила Васильевича. Никаких систематических занятий в университете не велось ни в тот период, когда Ломоносова зачислили студентом университета (1736), ни в тот период, когда он вернулся из заграничного обучения и стал профессором АН.

Дело в том, что университет, упомянутый в указе о создании Академии наук, не имел своего устава, организации и лиц, ответственных за его деятельность. Поэтому, добившись в 1748 году набора студентов в Академический университет, Ломоносов одновременно инициирует создание регламента университета. В 1754 году М. В. Ломоносов обсуждает со своим покровителем

и фаворитом императрицы И. И. Шуваловым создание Московского университета и набрасывает проект его устава. Этот проект лег в основу доношения Шувалова в Сенат, по которому впоследствии состоялось решение о создании Московского университета.

Вступив с марта 1757 года в состав членов академической Канцелярии, Ломоносов с первых же дней этой новой деятельности направил свои усилия на упорядочение учебного дела в университете. Ломоносов убедился, что необходимость «Гимназию и Университет снабдить регламентами» неотложна. 7 января 1758 года он написал об этом президенту и, с его согласия, составил в том же году проект гимназического регламента, а в 1759 году — проект регламента Академического университета.

Регламент, или устав университета, в понимании Ломоносова, определял его институциональную организацию — структуру, функции, права и обязанности членов университетской корпорации, их статус в обществе. Университет, по мнению М. В. Ломоносова, представляет собой корпорацию, состоящую «из преподающих профессоров и слушателей, то есть из профессоров и студентов». Примечательно, что первоначально Ломоносов написал «лекторов», но затем зачеркнул и написал «преподающих профессоров», подчеркивая тем самым, что в университете профессор не просто лектор, а ученый-исследователь, преподающий науку, которую он развивает собственными трудами.

Университет Ломоносов рассматривает не только как учебное, но и как научно-исследовательское учреждение: «Петербургский университет, друг, более того — единокровный брат Академии Наук, который составляет с нею единую плоть и будет заодно с нею трудиться на пользу отечества...». Соединение университета и академии наук, по мысли Ломоносова, правильный союз: «Хотя мы и видим, что в большинстве случаев университеты бывают отделены от академий, однако это разобщение вызывается не разностью занятий, а чаще всего удаленностью и численным преобладанием университетов». Заметим, что одной из мер знаменитой Гумбольдтовой реформы университета было соединение его с Берлинской академией наук.

В университет, как и в гимназию, должна быть открыта дорога для всех сословий. Критикуя проект устава университета, составленный ранее Г.-Ф. Миллером, Ломоносов замечает: «Другие европейские государства наполнены учеными людьми всякого звания, однако ни единому человеку не запрещено в университете учиться, кто бы он ни был, и в университете там тот студент почтеннее, кто больше научился, а чей он сын, в том нет нужды».

По внутренней структуре российский университет в проекте Ломоносова состоит из факультетов, состав которых, однако, отличается от европейских университетов. Ломоносов, ссылаясь на то, что духовное образование находится в ведении Священного Синода, считает, что в российском университете теологический факультет не нужен. Таким образом, университет в России должен состоять из трех факультетов: юридического, медицинского и философского. Задачи каждого из факультетов Ломоносов определяет следующим образом: 1) юридический — «для отправления правосудия и для ограждения прав каждого»; 2) медицинский — «для сохранения людского здоровья и для

попечения о нем»; 3) философский — «для увеличения общественного благосостояния и для создания разных жизненных благ».

Такое определение задачи философского факультета говорит о том, что Ломоносов смотрит на него как на самостоятельный факультет, равноправный с остальными факультетами, а не как «низший» факультет, подчиненный высшим, как это было свойственно европейским университетам его времени. В пользу такого понимания свидетельствует и перечень изучаемых на философском факультете дисциплин — курсы красноречия, всеобщей философии, математики, догматической и экспериментальной физики, механики, астрономии. Таким образом, на философском факультете предполагалось изучение циклов гуманитарных и естественных наук.

Дабы поднять значение университетского образования, Ломоносов добивался предоставления университетам исключительного права (привилегии) производить достойных студентов в «ученые градусы» — присуждать степени: на юридическом и медицинском факультетах — степени лиценциатов и докторов, на философском — степени магистров и докторов. Присуждение ученых степеней должно было вести к подъему социального статуса университетского выпускника. По плану Ломоносова ученые степени приравнивались по табели о рангах к соответствующим чинам: степени лиценциата и магистра — чину поручика, степень доктора — чину капитана. Для привлечения дворянских детей в университеты, Михаил Васильевич предлагает тем из них, кто закончит обучение «с добрыми аттестатами, давать в воинской службе преимущество старшинства при произвождении в первый ранг, зачитая его лета учения за действительную нам службу». А разночинцам, успешно окончившим университет, в гражданской службе получать произведение в чинах наравне с не учившимися в университете дворянами.

Этими мерами Ломоносов рассчитывал достичь двух целей: во-первых, поднять в глазах общества значение науки и образования, сделать обладание ими более престижным и притягательным; во-вторых, помочь продвижению по служебной лестнице образованных людей, что способствовало бы улучшению всей системы государственного управления.

ПРОГРАММА РЕФОРМИРОВАНИЯ АКАДЕМИИ НАУК

Вершиной институциональной организации науки и образования в России по плану Ломоносова должна была стать Академия наук. По мере вхождения в положение дел в АН у Ломоносова крепло убеждение в необходимости ее кардинального реформирования, освобождения от «излишеств», исправления «замешательств и недостатков». Последние 10 лет своей жизни Ломоносов ведет упорную борьбу за перестройку Академии наук. Мы не будем входить в изложение перипетий этой борьбы, остановимся на главных идеях реформы академии, которую Ломоносову так и не удалось провести.

Главное назначение Академии наук «заключается единственно в занятии науками и в споспешествовании развитию их», а главная опасность, которая ее подстерегает, считает Ломоносов, заключается в том, чтобы к ней «не присовокупилась дела, совсем не относящиеся к академической деятельности,

и, примешавшись, не затемнили самой сущности науки, не задержали ее развития и не удушили бы ее вовсе».

Академией наук «в собственном смысле слова» является собрание ученых, «профессоров и адъюнктов». Академиком нельзя стать, не имея опубликованных и признанных «знатными» учеными результатов. Кроме того, академик должен отвечать определенным моральным критериям: быть честным, трудолюбивым («прилежным») и бескорыстным исследователем («в науках бы упражнялись больше для приумножения познания, нежели для своего прокормления»). АН должна сохранять автономию в выборе своих членов, «чтобы сие было не по приватным одобрениям от знатных персон и без порядочного избрания от Академии». Со временем членами Академии наук должны быть только «природные россияне», поскольку «честь российского народа» требует показать, что «наше отечество может пользоваться собственными своими сынами не токмо в военной храбрости и в других важных делах, но и в рассуждении высоких знаний».

Академия наук как сообщество ученых является общественной организацией, как учреждение, созданное государственной властью, является государственным институтом. Проекты Ломоносова о реформе образования и науки в некоторых отношениях предвосхищают идеи Гумбольдтовой реформы университета начала XIX века (идея исследовательского университета), а во многом отношения богаче их. Идеи Ломоносова опережали свое время.

Ломоносов — человек эпохи просвещенного абсолютизма, которая в его понимании означает, что развитие науки и образование есть дело первостепенной государственной важности. Ломоносов — государственный, но такой, для которого государство есть орган защиты и развития российского народа. Для него хороший государь — тот, кто выполняет предназначение государства, государь служит государству, а не наоборот. Именно поэтому критерием оценки государя и государства для Ломоносова являются интересы российского народа, о «сохранении и приумножении» которого он и заботился.

Ломоносов стремился донести до государей нужды развития науки и образования в России, найти в их лице покровительство и поддержку. Он полагал, что наукам в России больше всего вредит присосавшаяся к науке бюрократия, заезжие и отечественные искатели богатства и чинов, превращающие Академию наук в придворную игрушку. Но проблема лежала глубже. Ломоносов представлял демократическое течение просвещенного абсолютизма (просвещение всех сословий, всего народа), тогда как монархия и дворянство ограничивали задачи просвещения кругом привилегированного класса, которому хотели придать некоторый европейский лоск. Народ еще не осознал своей нужды в образовании и не заявил своих прав на него. В этих условиях служение М. В. Ломоносова делу народного образования выглядело мужественной битвой одинокого рыцаря, которая не могла стать победой, но стала примером для последующих поколений.

КАРАМЗИН

Вячеслав НИКОНОВ

Для Карамзина государственные нравы куда важнее государственных институтов. Здесь он явно идет вразрез и с мейнстримом тогдашней либеральной мысли, и с политикой российской власти. Вот что Карамзин писал Александру I: «Главная ошибка Законодателей сего Царствования состоит в излишнем уважении форм Государственной деятельности: от того – изобретение разных Министерств, учреждение Совета и проч. Дела не лучше производятся; только в местах и чиновниками другого названия. Последуем иному правилу и скажем, что не формы, а люди важны. Пусть Министерства и Совет существуют: они будут полезны, если в Министерстве и Совете увидим только мужей, знаменитых разумом и честью...».

НИКОНОВ Вячеслав Алексеевич, президент фонда «Политика», исполнительный директор фонда «Русский мир», главный редактор журнала «Стратегия России», доктор исторических наук

Наилучший механизм организации государственной власти Карамзин видел в установлениях Екатерины II. Из ее наказов Уложенной комиссии он выводил свою формулу осуществления власти в России (в скобках номера пунктов Наказа): «Государь есть источник всякой власти в Монархии» (19); «но сия власть должна действовать чрез некоторые посредства, некоторым определенным образом: рождаются Правительства и закон, которые делают твердым и неподвижным установление всякого государства» (20, 21). «Сенат, главное Правительство, но зависящее от Монарха, есть в России хранилище законов» (26). «Он принимает их от Государя для исполнения; но может представлять Ему, если найдет в них что-нибудь вредное, темное или противное Уложению» (21, 23, 24). Таким образом, Сенат в отношении к Монарху есть совесть Его, а в отношении к народу — рука Монарха; вообще же он служит эгидою для государства, будучи главным блюстителем порядка.

Монархиня, сказав, что Самодержавие не есть враг свободы в гражданском обществе, определяет ее следующим образом: «Оно есть не что иное как спокойствие духа, происходящее от безопасности, и право делать все дозволяемое законами (38, 39); а законы не должны запрещать ничего, кроме вредного для общества; они должны быть столь изящны, столь ясны, чтобы всякий мог чувствовать их необходимость для всех граждан; и в сем-то единственно состоит возможное равенство гражданское! (34) Законодатель сообразуется с духом народа; мы всего лучше делаем то, что делаем свободно и следуя природной нашей склонности. Когда умы для лучших законов не готовы, то приготовьте их; когда же надобно для счастья народа переменить его обычаи, то действуйте одним примером. Одно необходимое наказание не есть тиранство, и законам подлежит только явное зло» (57—63)».

Для Карамзина государственные нравы куда важнее государственных институтов. Здесь он явно идет вразрез и с мейнстримом тогдашней либеральной мысли, и с политикой российской власти. Вот что Карамзин писал Александру I: «Главная ошибка Законодателей сего Царствования состоит в излишнем уважении форм Государственной деятельности: от того — изобретение разных Министерств, учреждение Совета и проч. Дела не лучше производятся; только в местах и чиновниками другого названия. Последуем иному правилу и скажем, что не формы, а люди важны. Пусть Министерства и Совет существуют: они будут полезны, если в Министерстве и Совете увидим только мужей, знаменитых разумом и честью...

Но люди не только для Министерства или Сената, но и в особенности для мест Губернаторских. Россия состоит не из Петербурга и не из Москвы, а из 50 или более частей, называемых Губерниями; если там пойдут дела как должно, то Министры и Совет могут отдыхать на лаврах; а дела пойдут как должно, если вы найдете в России 50 мужей умных, добросовестных, которые ревностно станут блюсти вверенное каждому из них благо полумиллиона Россиян, обуздадут хищное корыстолюбие нижних Чиновников и господ жестоких, восстановят

Окончание. Начало в № 10, 11 2011

правосудие, успокоят Земледельцев, ободрят Купечество и промышленность, сохранят пользу казны и народа.... К чему писать законы, разве для потомства? Не бумаги, а люди правят».

Карамзин не видел большого смысла в новом законотворчестве. «Для старого народа не надобно новых Законов: согласно с здравым смыслом, требуем от Комиссии систематического предложения наших. Русская Правда и Судебник, отжив век свой, существуют единственно как предмет любопытства. Хотя Уложение Царя Алексея Михайловича имеет еще силу закона, но сколько и в нем обветшалого, уже для нас бессмысленного, непригодного? Остаются указы и постановления, изданные от времен Царя Алексея до наших: вот содержания Кодекса!» Если же заниматься новым законодательством, тогда, советует Карамзин: «Оградите святыню Закона неприкосновенность Церкви, Государя, чиновников и личную безопасность всех Россиян; утвердите связи Гражданские между нами, потом займитесь целостию собственности, наследствами, куплею, завещаниями, залогами и проч.; наконец, дайте устав для производства дел.

Сей труд велик, но он такого свойства, что его нельзя поручить многим. Один человек должен быть главным, истинным Творцом Уложения Российского; другие могут служить ему только советниками, помощниками, работниками. Здесь единство мысли необходимо для совершенства частей и целого; единство воли необходимо для успеха. Или мы найдем такого человека, или долго будем ждать Кодекса.

Есть и другой способ. Мы говорили доселе о систематическом Законодательстве: когда у нас нет людей, способных для оного, то умерьте свои требования, и вы сделаете еще немалую пользу России. Вместо прагматического Кодекса издайте полную, сводную книгу Российских Законов или Указов по всем частям судным, согласив противоречия и заменив лишнее нужным».

Исполнение законов и монарший контроль за судом — в этом Карамзин видел главные средства борьбы с таким огромным пороком, как коррупция. «Одно из важнейших Государственных зол нашего времени есть бесстрашие. Везде грабят, и кто наказан? Ждут доносов, улики, посылают Сенаторов для исследования, и ничего не выходит! Доносят плуты, честные терпят и молчат, ибо любят покой. Не так легко уличить искусного вора-судью, особенно с нашим законом, по коему взяточбратель и взяточдатель давно наказываются. Указывают пальцем на грабителей и дают им чины, ленты, в ожидании, чтобы кто-нибудь на них подал жалобу. А сии недостойные чиновники, в надежде на своих, подобных им, защитников в Петербурге, беззаконствуют, смело презирая стыд и доброе имя, коего они условно лишились; в два или три года наживают по несколько сот тысяч и, не имев прежде ничего, покупают деревни. Иногда видим, что Государь, вопреки своей кротости, бывает расположен и к строгим мерам: он выгнал из службы двух или трех Сенаторов и несколько других чиновников, оглашенных мздоимцами; но сии малочисленные примеры ответственны ли бесчисленности нынешних мздоимцев? Негодяй так рассуждает: «Брат мой N.N. наказан отставкою; но собратья мои, такие-то,

процветают в благоденствии: один многим не указ; а если меня и выгонят из службы, то с богатым запасом на черный день, еще найду немало утешений в жизни». Строгость, без сомнения, неприятна для сердца чувствительного, но где она необходима для порядка, там кротость не у места. Как живописцы изображают Монарха? Воином и с мечом в руке, не пастушком и не с цветами. В России не будет правосудия, если Государь, поручив оное судилищам, не будет смотреть за Судьями. У нас не Англия... В России Государь есть живой Закон: добрых милует, злых казнит, и любовь первых приобретается страхом последних. Не боятся Государя — не боятся и закона! Спасительный страх должен иметь ветви; где десять за одного боятся, там десять смотрят за одним; начинайте всегда с головы...»

Столпами российской власти Карамзин видит дворянство и православную церковь. «Самодержавие есть Палладиум России: целость его необходима для ее счастья; из сего не следует, чтобы Государь, единственный источник власти, имел причины унижать Дворянство, столь же древнее, как и Россия. Оно было всегда не что иное, как братство знаменитых слуг Великокняжеских или Царских. Худо, ежели слуги овладеют слабым господином, но благо-разумный господин уважает отборных слуг своих и красится их честью. Права благородных суть не отдел Монаршей власти, но ее главное, необходимое орудие, двигающее состав Государственный.... Надлежало бы не Дворянству быть по чинам, но чинам по Дворянству, то есть для приобретения некоторых чинов надлежало бы необходимо требовать благородства, чего у нас со времен Петра Великого не соблюдается: офицер уже есть Дворянин. Не должно для превосходных дарований, возможных во всяком состоянии, заграждать пути к высшим степеням; но пусть Государь дает Дворянство прежде чина и с некоторыми торжественными обрядами, вообще редко и с выбором строгим. Польза ощутительна: 1) Если часто будете выводить простолюдинов в Министры, в вельможи, в Генералы, то с знатностию приведется давать им и богатство, необходимое для ее сияния; казна истощается. Напротив того, Дворяне, имея наследственный достаток, могут и в высших чинах обойтись без казенных денежных пособий. 2) Оскорбляете Дворянство, представляя ему людей низкого происхождения на ступенях трона, где мы издревле обыкли видеть Бояр сановитых. Ни слова, буде сии люди ознаменованы способностями редкими, выпренними; но буде они весьма обыкновенны, то лучше, если бы сии высшие места занимались Дворянами. 3) Природа дает ум и сердце, но воспитание образует их. Дворянин, облагодетельствованный судьбою, навикает от самой колыбели уважать себя, любить Отечество и Государя за выгоды своего рождения, пленяться знатностию, уделом его предков».

Как дворянин и землевладелец Карамзин не мог не задумываться над проблемами крестьянства и крепостного права. Решение он видел прежде всего в великодушии просвещенных помещиков. «Крестьяне мои знают, что я, подобно другим, мог бы завести винный завод, приставить их к огромным кубам, палить огнем неугасаемым, взять винную поставку и нажиться скорее, нежели от земледелия. Я требую от них работы, но единственно той, для кото-

рой человек создан и которая нужна для самого их счастья. Они ленились, пили и терпели недостаток; ныне работают весело, пьют только в гостях у своего помещика и не знают нужды. Сверх того, обхождение мое с ними показывает им, что я считаю их людьми и братьями по человечеству и христианству.... Нет, не могу сомневаться в любви их!.. Главное право русского дворянина — быть помещиком, главная должность его — быть добрым помещиком; кто исполняет ее, тот служит отечеству как верный сын, тот служит монарху как верный подданный: ибо АЛЕКСАНДР желает счастья земледельцев».

Отсюда вытекало непринятие Карамзиным идеи отмены крепостного права. «Что значит освободить у нас крестьян? Дать им волю жить где угодно, отнять у господ всю власть над ними, подчинить их одной власти Правительства. Хорошо. Но сии земледельцы не будут иметь земли, которая, в чем не может быть и спора, есть собственность Дворянская. Они или останутся у помещиков с условием платить им оброк, обрабатывать господские поля, доставлять хлеб куда надобно, одним словом, для них работать, как и прежде; или, недовольные условиями, пойдут к другому, умереннейшему в требованиях владельцу. В первом случае, надеясь на естественную любовь человека к родине, господа не предпишут ли им самых тягостных условий? Дотоле щадили они в крестьянах свою собственность: тогда корыстолюбивые владельцы захотят взять с них все возможное для сил физических. Напишут контракт, и земледельцы не исполнят его — тяжбы, вечные тяжбы! Во втором случае, буде крестьянин ныне здесь, а завтра там, казна не потерпит ли убытка в сборе подушных денег и других податей, не потерпит ли и земледелие? Не останутся ли многие поля не обработанными, многие житницы пустыми? Не вольные земледельцы, а Дворяне наиболее снабжают у нас рынки хлебом».

Особое отношение у Карамзина к Православию. По его мнению, «история подтверждает истину.... что вера есть особенная сила государственная». И в этом отношении православная набожность русских оказала государству величайшую услугу. «Прославим действие веры, — писал историк в томе о временах татаро-монгольского ига, — она удержала нас на степени людей и граждан, ... в унижении имени русского мы возвышали себя именем христиан и любили отечество как страну православия». В принижении роли церкви — одна из главных претензий Карамзина к Петру I. «Петр объявил себя Главою Церкви, уничтожив Патриаршество, как опасное для Самодержавия неограниченного. Но заметим, что наше духовенство никогда не противоборствовало мирской власти — ни Княжеской, ни Царской: служило ей полезным орудием в делах Государственных и совестью в ее случайных уклонениях от добродетели. Первосвященители имели у нас одно право: вещать истину Государям, не действовать, не мятежничать; право благословенное не только для народа, но и для Монарха, коего счастье состоит в справедливости. Со времен Петровых упало Духовенство в России... Если Государь председательствует там, где заседают главные сановники Церкви; если он судит их или награждает мирскими почестями и выгодами, то Церковь подчиняется мирской власти и теряет свой характер священный; усердие к ней слабеет, а с ним и вера, а с ослаблением

веры Государь лишается способа владеть сердцами народа в случаях чрезвычайных, где нужно все забыть, все оставить для Отечества и где Пастырь душ может обещать в награду один венец мученический... Умный Монарх в делах Государственной пользы всегда найдет способ согласить волю Митрополита или Патриарха с волею Верховною; но лучше, если сие согласие имеет вид свободы и внутреннего убеждения, а не всеподданнической покорности».

Карамзин и сегодня интересен как источник важных мыслей и рекомендаций, имеющих прямое отношение к проблемам государственного управления и лидерства. Из русской истории он выводил весьма актуальные и применимые во все времена рецепты властвования, которыми делился и с тогдашней верховной властью. Вот их краткий список.

Целостность страны — главный приоритет власти. «Первая обязанность Государя есть блюсти внутреннюю целостность Государства; благотворить состояниям и лицам есть уже вторая». «Безопасность собственная есть высший закон в политике».

Необходимо понимать, какой страной ты правишь. «Всякое гражданское общество, веками утвержденное, есть святыня для добрых граждан; и в самом несовершеннейшем надобно удивляться чудесной гармонии, благоустройству, порядку. Утопия будет всегда мечтою доброго сердца или может исполниться неприметным действием времени; посредством медленных, но верных, безопасных успехов разума, просвещения, воспитания, добрых нравов... Всякие насильственные потрясения гибельны... Легкие умы думают, что все легко; мудрые знают опасность всякой перемены и живут тихо...»

Пишите законы на мраморе. Екатерина II — пример. «Ее воля и решение были всегда непоколебимы. Она знала Россию, как только одни чрезвычайные умы могут знать государство и народы; знала даже меру Своим благодеяниям, ибо самое добро в философическом смысле может быть вредно в Политике, как скоро оно несоразмерно с гражданским состоянием народа. Истина печальная, но опытом доказанная! Так, самое пламенное желание осчастливить народ может родить бедствия, если оно не следует правилам осторожного благоразумия... Она непрерывными шагами текла к своему великому предмету; писала уставы на мраморе неизгладимыми буквами; творила вовремя и потому для вечности, и потому никогда дел Своих не переделывала — и потому народ Российский верил необходимости Ее законов, непременных, подобно законам мира».

Опасайтесь нововведений. «Всякая новость в Государственном порядке есть зло, к которому надобно прибегать только в необходимости: ибо одно время дает надлежащую твердость уставам; ибо более уважаем тот, что давно уважаем, и все делаем лучше от привычки».

Не узурпируйте власть и не следуйте собственным прихотям. «Что истребило наши две славные Династии, говорит один Китайский Писатель: то, что они, не довольствуясь главным надзиранием, единственно приличным Государю, хотели управлять всем непосредственно и присвоили себе дела,

которые должны быть судимы разными государственными Правительствами. Самодержавство разрушается, когда Государи думают, что им надобно изъявлять власть свою не следованием порядку вещей, а переменою оного, и когда они собственные мечты уважают более законов. Самое вышнее искусство Монарха состоит в том, чтобы знать, в каких случаях должно ему употребить власть свою: ибо благополучие Самодержавия есть отчасти кроткое и снисходительное правление».

Используйте стимулы, прежде всего нематериальные. «Здесь напомним две аксиомы: 1) за деньги не делается ничего великого; 2) изобилие располагает человека к праздной неге, противной всему великому. Россия никогда не славилась богатством, у нас служили по должности, из чести, из куска хлеба, не более!.. Честь, честь должна быть главною наградою. Римляне с дубовыми венками завоевали мир. Люди в главных свойствах не изменились: соедините с каким-нибудь знаком понятие о превосходной добродетели, то есть наградайте им людей единственно превосходных, и вы увидите, что все будут желать одного, несмотря на его ничтожную денежную цену!»

Или еще одна мысль на эту тему, высказанная применительно к Екатерине II. «Монархиня знала человеческое сердце и тайну гражданских обществ; знала, что самые легкие отличия производят дела важные; знала, что все государственные степени, возвышаясь одна перед другою, должны иметь некоторую связь; и таким образом, Дворянин уже подает руку Именитому Гражданину, который, переходя, наконец, в сан Благородных, оставляет за собою лестницу для других, ему подобных».

Важны и кнут и пряник. «Умейте обходиться с людьми! Мало ангелов на свете, не так много и злодеев, гораздо более смеси, то есть добрых и худых вместе. Мудрое Правление находит способ усиливать в чиновниках побуждение добра или обуздывает стремление ко злу. Для первого есть награды, отличия, для второго — боязнь наказаний. Кто знает человеческое сердце, состав и движение Гражданских обществ, тот не усумнится в истине сказанного Макавелем, что страх гораздо действительнее. Гораздо обыкновеннее всех иных побуждений для смертных».

Не теряйте времени. Фактор внезапности всегда важен. «В случае Государственных чрезвычайных опасностей и жертв, главное правило есть действовать стремительно, не давать людям образумиться, не отступать в мерах, не раздумывать».

Проявляйте осмотрительность, берегите себя. Слова, которым выразил эту мысль Карамзин, запомнил Пушкин, поставивший их эпиграфом (по-французски) к своей статье «Александр Радищев»: «Честному человеку не должно подвергать себя виселице». То есть если порядочного человека тащат на виселицу, то, очевидно, он что-то сделал не правильно, не проявил осмотрительности.

В 1811 году Карамзин удостоился чести читать Императору избранные листы из своей «Истории». Тогда же он представил ему записку «О древней и новой России», которую мы уже немало цитировали. Как мы видели, Карамзин

отзывался весьма критически в отношении некоторых предков Александра I, да и его самого.

Записка была рассчитана на одного читателя — Александра I, которому Карамзин сказал, что правление его не принесло обещанного блага России, но еще более укоренило зло, породив безнаказанность казнокрадов. Погодин назвал ее «важнейшим государственным событием, стоящим «политического завещания Решилье». Записка произведет большое впечатление и на Пушкина (он познакомится с нею в конце 1830-х гг.). «Карамзин написал свои мысли о Древней и Новой России, со всею искренностью прекрасной души, со всею смелостью убеждения сильного и глубокого».... Когда-нибудь потомство оценит... благородство патриота». Александр же записку не вполне оценил, она вызвала его раздражение. Впрочем, вскоре все обиды померкли перед большой общей бедой.

1812 год — Отечественная война. Карамзин намерен был идти в ополчение. Он отправил семью в Ярославль, вручив супруге «лучший и полный» экземпляр готовых томов «Истории государства Российского». Из Москвы он спасается за несколько часов до вступления в нее войск Наполеона. Но не спасается его знаменитая библиотека, сгоревшая в огне не менее знаменитого пожара. В разрушенную Москву Карамзин вернется в августе 1813 года.

Лишь к 1815 году, когда Карамзин заканчивал работу над первыми томами «Истории», император простил своего официального историографа. Карамзин направил ему восторженное «Посвящение»: «С благоговением представляю Вашему Императорскому Величеству плод усердных, двенадцатилетних трудов. Не хвалюсь ревностью и постоянством: ободренный Вами, мог ли я не иметь их?

В 1811 году, в счастливейшие, незабвенные минуты жизни моей, читал я Вам, Государь, некоторые главы сей Истории — об ужасах Батыева нашествия, о подвиге Героя, Дмитрия Донского — в то время, когда густая туча бедствий нависала над Европой, угрожая и нашему любезному отечеству. Вы слушали с восхитительным для меня вниманием, сравнивали давно минувшее с настоящим и не завидовали славным опасностям Дмитрия, ибо предвидели для Себя еще славнейшие. Великодушное предчувствие исполнилось: туча грянула над Россией — но мы спасены, прославлены; враг истреблен, Европа свободна, и глава Александрова сияет в лучезарном луче бессмертия. Государь! Если счастье Вашего добродетельного сердца равно вашей славе, то вы счастливее всех земнородных».

В феврале 1816 года Карамзин приехал в Петербург, где провел два очень непростых месяца, добиваясь аудиенции у императора и разрешения на публикацию «Истории». Из его писем оставшейся в Москве супруге можно видеть весь букет его переживаний в той ситуации, которую он назвал своей «пятидесятницей» — надежда, неуверенность в успехе предприятия, постоянные отсрочки приема, унижаемое достоинство.... Все закончилось более чем благополучно. После череды приемов и обедов, чтений «Истории» в императорской семье состоялась беседа с Александром I, за которой по-

следовали исключительные знаки отличия. 19 марта А. М. Горчаков сообщил А. Н. Пешурову: «Вчера он (Карамзин — В.Н.) был сделан статским советником и получил Анны первой степени через плечо, что, кажется, еще никакому статскому советнику не давали. Кроме того, он получил на напечатание своей Истории 60 000 рублей. Впрочем, это может несколько заставить замолчать зоилов его, но в глазах обожателей его таланта и в собственных глазах его он тем не менее будет Карамзин, просто Карамзин, которому ни лента, ни чин ничего прибавить не могут».

В начале 1818 года вышли первые 8 томов «Истории государства Российского». Карамзин выступил не только как историк, но и как писатель. Описывая историческую канву, он позаботился и о красоте языка, о том, чтобы «История» была и литературным произведением не в ущерб истории. Высокую научную ценность представляют его комментарии, которые содержат множество выписок из летописных рукописей, большей частью впервые опубликованных Карамзиным. Некоторые из этих рукописей теперь уже не существуют. Как выдающегося историка Карамзина изберут почетным членом Петербургской Академии Наук...

Трехтысячный тираж разошелся меньше, чем за месяц. Карамзин открыл историю страны для публики, которая ранее проявляла к своему прошлому очевидное равнодушие. Свидетельство Пушкина: «Все, даже светские женщины, бросились читать историю своего отечества, дотоле им неизвестную... Древняя Русь, казалось, найдена Карамзиным, как Америка Колумбом». Сам Пушкин, в то время тяжело болевший, читал «Историю» «в постели с жадностью и вниманием». Откуда же тогда его известная эпиграмма на Карамзина:

*«В его «Истории» изящность, простота
Доказывают нам, без всякого пристрастья,
Необходимость самовластья
И прелести кнута».*

Более того, Пушкин оставил запись об одной из его бесед с Карамзиным, где поэт упрекал историка почти в тех же выражениях: «Однажды начал он при мне излагать свои любимые парадоксы. Оспаривая его, я сказал: Итак, вы рабство предпочитаете свободе. Карамзин вспыхнул и назвал меня своим клеветником. Я замолчал, уважая самый гнев прекрасной души». У Карамзина были причины обидеться: он нигде не писал о прелестях кнута.

У Карамзина и Пушкина был короткий — двухлетний (1818—1820 годы) — период охлаждения отношений. Кто-то склонен объяснить его ухаживанием Пушкина за супругой Карамзина, которая была на 18 лет старше юного поэта. Полагаю, гораздо большее значение имели обнаружившиеся в те годы политические разногласия. Для Пушкина это было время максимального увлечения революционными идеями, общения с будущими декабристами, время оды «Вольность». Его друг Николай Тургенев, восхищаясь многими страницами «Истории», находил в ней «пренечестивые рассуждения о самодержавии», обвинял Карамзина в стремлении «скрыть рабство подданных и укрепляющийся деспотизм правительства». Пушкин не был у Карамзиных два года.

В 1820 году над поэтом сгустились тучи. За вольнодумные стихи ему грозили Соловки. Пушкин бросился к Карамзину. Тот «из жалости к таланту» взялся похлопотать у императора, добавив в письме Ивану Дмитриеву: «Мне уже поздно учиться сердцу человеческому: иначе я мог бы похвалиться новым удостоверением, что либерализм наших молодых людей совсем не есть геройство или великодушие». Несколько позже Карамзин напишет Вяземскому: «Пушкин, быв несколько дней в совсем не пиитическом страхе от своих стихов за свободу и нескольких эпиграмм, дал мне слово уняться и благополучно поехал в Крым месяцев на пять. Ему дали рублей 1000 на дорогу. Он был, кажется, тронут великодушием Государя, действительно трогательным. Долго описывать подробности, но если Пушкин и теперь не исправится, то будет чертом еще до отбытия своего в ад». Поэт обещал два года ничего не писать против правительства и отбыл в путешествие, которое затянется. Но с того момента он не напишет о Карамзине ни одного дурного слова.

Пушкин будет защищать его от Н. А. Полевого, который предлагал не искать в «Истории государства Российского» «высшего взгляда на события» и противопоставил ей собственную «Историю русского народа». «Карамзин есть первый наш историк и последний летописец, — напишет в ответ Пушкин. — Своей критикой он принадлежит истории, простодушием и апофегмами хронике. Критика его состоит в ученом сличении преданий, в остроумном изыскании истины, в ясном и верном изображении событий. Нет ни единой эпохи, ни единого важного происшествия, которые не были бы удовлетворительно развиты Карамзиным.... Нравственные его размышления, своею иноческою простотою, дают его повествованию всю неизъяснимую прелесть русской летописи».

В 1821 году вышел в свет 9-й том, посвященный Ивану IV. «В Петербурге оттого такая пустота на улицах, что все углублены в царствование Иоанна Грозного», — констатировал декабрист Николай Лорер. Книга имела эффект взорвавшейся бомбы. Карамзин не пожалел темных красок и не поскупился на кровавые подробности. «Несколько отдельных размышлений в пользу самодержавия, красноречиво опровергнутые верным рассказом событий», — подметил Пушкин. Удивлен был Рылеев: «Ну, Грозный! Ну, Карамзин! Не знаю, чему больше дивиться, тиранству ли Иоанна или дарованию нашего Тацита». Позже, во время следствия над ними, некоторые декабристы сошлются на девятый том как на источник революционного вдохновения.

После выхода первых томов «Истории» Карамзин стал чаще видаться с императором. Они подолгу разговаривали. В 1819 году Карамзин написал новую записку — «Мнение русского гражданина», — в которой фактически упрекал Александра I в нарушении долга перед отечеством и народом, поскольку его действия начинают принимать черты «самовластного произвола». Карамзин зачитал свое «Мнение» императору лично. Как не сложно догадаться, был непростой разговор. Вот как описал его для потомства сам Карамзин: «Я пил у Него чай в кабинете, и мы пробыли вместе, с глазу на глаз, пять часов, от осьми до часу за полночь. На другой день я у Него обедал; обедал еще и в Петербур-

ге... но мы душою расстались, кажется, навеки... Потомство! Достоин ли я был имени гражданина Российского? Любил ли Отечество? Верил ли добродетели? верил ли Богу?.. Я не знал нужды по своей бережливости и по милости Божией, но не имел достатка, имея многочисленное семейство, без способов воспитывать детей, как бы мне хотелось. Не хочу описывать всего разговора моего с Государем, но между прочим вот что я сказал Ему по-французски: «Государь, вы слишком самолюбивы... Я не боюсь ничего — мы все равны перед Богом. То, что я сказал Вам, я сказал бы и Вашему отцу... Государь, я презираю скороспелых либералистов, я люблю лишь ту свободу, которой никакой тиран не в силах у меня отнять... Я не нуждаюсь более в Вашем благоволении. Может быть, мы говорим с Вами в последний раз».

Но вообще я мало говорил и не хотел говорить. Душа моя остыла...

Довольно сказанного для потомства и для сыновей моих, если они будут живы и вырастут. Прибавлю, что я не изменил скромности: не сказал никому ни слова о моем разговоре с Александром, кроме второй жены моей, с которой я жил в одну мысль, в одно чувство.

Санкт-Петербург 29 декабрь 1819 года

NB. Сказал еще одному человеку: Императрице Елисавете.

24 февраля 1821 года»

Но разговор был не последним, о чем известно из «Нового прибавления» к записке для потомства, сделанного в 1825 году. Карамзин переживет Александра I. «Я ошибся: благоволение Александра ко мне не изменилось, и в течение шести лет (от 1819 до 1825 года) мы имели с Ним несколько подобных бесед о разных важных предметах. Я всегда был чистосердечен, Он всегда терпелив, кроток, любезен неизъяснимо; не требовал моих советов, однакож слушал их, хотя им, большею частию, и не следовал, так что ныне, вместе с Россиею оплакивая кончину Его, не могу утешать себя мыслию о десятилетней милости и доверенности ко мне столь знаменитого Венценосца: ибо эти милость и доверенность остались бесплодны для любезного Отечества.... Я не безмолвствовал о налогах в мирное время, о нелепой Г... системе Финансов (речь шла о реформах министра финансов Дмитрия Гурьева — *В.Н.*), о грозных военных поселениях, о странном выборе некоторых важнейших сановников, о Министерстве Просвещения или затмения, о необходимости уменьшить войско, воюющее только Россию, — о мнимом исправлении дорог, столь тягостном для народа, — наконец, о необходимости иметь твердые законы, гражданские и государственные. В последней моей беседе с Ним, 28 Августа, от 8 до 11,5 часов вечера, я сказал Ему как пророк: «Государь, Ваши годы сочтены, Вам нечего больше менять, и Вам столько еще нужно сделать для того, чтобы конец Вашего правления был достоин его прекрасного начала».

Движением головы и милою улыбкою Он изъявил согласие; прибавил и словами, что непременно все сделает: даст коренные законы России. Если не я, то другие увидят скоро, для чего Бог внезапно отнял Александра у России. Мне хочется более плакать, нежели писать об Нем. Я любил Его искренно и

нежно, иногда негодовал, досадовал на Монарха и все любил человека, красу человечества своим великодушием, милосердием, незлобием редким. Не боюсь встретиться с Ним на том свете, о котором мы так часто говорили, оба не ужасаясь смерти, оба веря Богу и добродетели».

В 1824 году, когда вышли из печати 10-й и 11-й тома «Истории государства Российского» о царствованиях Федора Иоанновича и Бориса Годунова (из них Пушкин черпал материалы для своего «Годунова»), император удостоил Карамзина чина действительного статского советника.

За кончиной Александра I последовало восстание декабристов. Оно произвело на Карамзина, ставшего невольным участником событий, крайне тягостное впечатление. Об этом он писал И. И. Дмитриеву 19 декабря 1825 года. «Мы здоровы после здешней тревоги 14 Дек. Я был во Дворце с дочерьми, выходил и на Исаакиевскую площадь, видел ужасные лица, слышал ужасные слова, и камней пять-шесть упало к моим ногам. Новый Император показал неустрашимость и твердость. Первые два выстрела рассеяли безумцев с Полярною Звездю, Бестужевым, Рылеевым и достойными их клеветами. Милая жена моя нездоровая прискакала к нам во дворец около семи часов вечера. Я мирный Историограф, алкал пушечного грома, будучи уверен, что не было иного способа прекратить мятежа. Ни крест, ни Митрополит не действовали. Как скоро грянула первая пушка, Императрица Александра Федоровна упала на колени и подняла руки к небу. Она несколько раз от души говорила: «для чего я женщина в эту минуту!» Добродетельная Имп. Мария повторяла: «что скажет Европа!» Я случился подле них: чувствовал живо, сильно, но сам дивился спокойствию моей души странной; опасность под носом уже для меня не опасность, а рок, и не смущает сердца: смотришь ей прямо в глаза с какою-то тишиною. В большой зале дворца толпа знати час от часу редела; однакож все было тихо и пристойно. Молодые женщины не изъявляли трусости.... В седьмом часу пели молебен; в осьмом стали все разъезжаться. Войско ночевало среди огней, вокруг Дворца. В полночь я с тремя сыновьями ходил уже по тихим улицам, но в 11 часов утра, 15 Дек., видел еще толпы черни на Невск. Проспекте. Скоро все успокоилось, и войско отпустили на казармы.... Солдаты были только жертвою обмана. Иногда прекрасный день начинается бурей: да будет так и в новом Царствовании! Константин прославился навеки великодушным отречением: да будет славен Николай I между Венценосцами, благотворителями России! В моих глазах Он перекрестился и подписал Манифест ввечеру 13 Дек., не без предчувствия, чему надлежало случиться. Это Манифест сочинен Им Самим, а написан для печати Сперанским.... Я только зритель, но устал душою: каково же Государю? Он умен, тверд, исполнен добрых намерений: призываем на Него благословение Божие».

Через две недели он добавит в письме князю П. А. Вяземскому: «Сколько горести и беспокойства в семействах. Еще не имею точного, ясного понятия об этом и злом и безумном заговоре. Верно то, что общество тайное существовало и что целью было ниспровержение правительства. От важного к неважному:

многие из членов удостаивали меня своей ненависти или, по крайней мере, не любили; а я, кажется, не враг ни отечеству, ни человечеству. Слышно, что раскаяние некоторых искренно и полно. Бедные матери, жены, дети, младенцы! Не имея никакого политического влияния, молюсь за Россию. Бог спас нас XIV декабря от великой беды. Это стоило нашествия французов: в обоих случаях вижу блеск луча как бы неземного. Опять могу писать свою Историю: жив, жив, курилка!»

День 14 декабря 1825 года, проведенный на Сенатской площади, не прошел для Карамзина бесследно. Он сильно простыл, простуда переросла в воспаление легких. Доктора советовали ему ехать на лечение в Европу. Император Николай I предоставил для этого и транспорт, и средства. Но Карамзин оказался уже не в состоянии покинуть Петербург. Он работал над «Историей», описывал Смуту, борьбу Минина и Пожарского за освобождение отечества от интервентов. Рукопись оборвалась на фразе: «Орешек не сдавался».... 22 мая (3 июня) 1826 года Карамзина не стало.

Незадолго до кончины Карамзин написал «Мысли об истинной свободе». Это его очень четкое политическое завещание. «Аристократы, Демократы, Либералисты, Сервилисты! Кто из вас может похвалиться искренностью? Вы все Авгурь, и боитесь заглянуть в глаза друг другу, чтобы не умереть со смеху. Аристократы, Сервилисты хотят старого порядка: ибо он для них выгоден. Демократы, Либералисты хотят нового беспорядка: ибо надеются им воспользоваться для своих личных выгод.

Аристократы! Вы доказываете, что вам надобно быть сильными и богатыми в утешение слабым и бедным; но сделайте же для них слабость и бедность наслаждением! Ничего нельзя доказать против чувства: нельзя уверить голодного в пользу голода. Дайте нам чувство, а не теорию. — Речи и книги Аристократов убеждают Аристократов; а другие, смотря на их великолепие, скрежещут зубами, но молчат или не действуют, пока обузданы законом или силою: вот неоспоримое доказательство в пользу Аристократии: палица, а не книга! — И так сила выше всего? Да, всего, кроме Бога, дающего силу!

Либералисты! Чего вы хотите? Счастья людей? Но есть ли счастье там, где есть смерть, болезни, пороки, страсти?

Основание гражданских обществ неизменно: можете низ поставить на верху, но будет всегда низ и верх, воля и неволя, богатство и бедность, удовольствие и страдание.

Для существа нравственного нет блага без свободы; но эту свободу дает не Государь, не Парламент, а каждый из нас самому себе с помощью Божию. Свободу мы должны завоевать в своем сердце миром совести и доверенности к Провидению!»

Карамзин — великий гражданин России. Он видел ее величие. Но как историк и мыслитель не мог не испытывать беспокойства, заглядывая в ее будущее. Еще в «Письмах русского путешественника» он философски замечал: «Наблюдайте движения Природы; читайте историю народов; поезжайте в Сирию,

в Египет, в Грецию — и скажите, чего ожидать не возможно? Все возвышается или упадет; народы земные подобны цветам весенним; они увядают в свое время — придет странник, который удивлялся некогда красоте их; придет на то место, где цвели они и печальный мох представится глазам его! — Оссиан! Ты живо чувствовал сию плачевную судьбу всего подлунного и для того потрясаяешь мое сердце унылыми своими песнями!... Одно утешает меня — то, что с падением народов не упадет весь род человеческий; одни уступают свое место другим — и если запустеет Европа, — то в середине Африки или в Канаде процветут новые политические общества, процветут науки, искусства, художества». К размышлениям о будущем Карамзин вернется в записке «О древней и новой России»: «Державы, подобно людям, имеют определенный свой срок: так мыслит Философия, так вещает История. Благоразумная система в жизни продолжает век человечества; благоразумная система Государственная продолжает век Государств. Кто исчислит грядущие лета России? Слышу пророков близкогоконечного бедствия, но, благодаря Всевышнего, сердце мое им не верит; вижу опасность, но еще не вижу гибели».

Размеры современной России, границы которой гораздо ближе к ее пределам времен Ивана Грозного, нежели Александра I, не обрадовали бы Николая Михайловича. Но Россия жива. А многие идеи Карамзина сегодня больше, чем в прошлом, вдохновляют тех людей, которые считают себя государственниками, желают нашей стране могущества и процветания.

ЦЕНА НЕЗАВИСИМОСТИ

Виктор ГУЩИН

8 декабря 1991 года в Беловежской пуще высшие руководители России, Белоруссии и Украины подписали Соглашение о роспуске СССР и образовании Содружества Независимых Государств (СНГ). В преамбуле этого документа констатировалось, что «Союз ССР как субъект международного права и геополитическая реальность прекращает свое существование». А статья 1-я Соглашения гласила: «Высокие Договаривающиеся Стороны образуют Содружество Независимых Государств». Подписавшие документ руководители трех республик заявили о стремлении развивать сотрудничество в политической, экономической, гуманитарной, культурной и других областях. Уже 12 декабря Соглашение и другие подписанные вместе с ним документы ратифицировал Верховный Совет РСФСР, и Союзный договор 1922 года был расторгнут. Великое государство перестало существовать.

Однако Соглашения оформили распад страны де-юре, а де-факто крушение Союза началось значительно раньше — с образования в 1988—\1989 годах Народных фронтов в союзных республиках, взявших курс на выход из СССР. 12 июня 1990 года Первый Съезд народных депутатов РСФСР принял Декларацию о государственном суверенитете РСФСР. Декларация утвердила приоритет Конституции и Законов РСФСР над законодательными актами СССР. Так начался «парад суверенитетов» — о независимости объявили Латвия, Литва, Эстония, Грузия, Молдавия, Азербайджан, Украина... Сегодня Виктор Гушин вспоминает, как все начиналось в Прибалтике.

ГУЩИН Виктор Иванович, директор Балтийского центра исторических и социально-политических исследований

На 2011 год приходится невеселый для большинства жителей постсоветского пространства юбилей — 20-летие распада СССР, крупнейшей геополитической катастрофы XX века. В течение всего этого года экспертное сообщество «отмечает» эту дату серьезным анализом причин, приведших к распаду СССР. Особое внимание уделяется анализу специфики становления и развития сепаратистских движений в отдельных республиках СССР.

Республики Прибалтики в истории распада СССР сыграли, вне всякого сомнения, заглавную роль. Мануэль Кастельс, говоря о сформировавшихся в 1988—1991 годах в Латвии, Литве и Эстонии народных движениях, главной целью которых была политическая независимость от СССР, называет их так: «самая мощная и бескомпромиссная националистическая мобилизация»¹. При этом важно понимать, что серьезных внутренних предпосылок для развития сильного сепаратистского движения в Латвии, например, не было. Мощь и бескомпромиссность националистической мобилизации в республиках Прибалтики в значительной мере были обусловлены поддержкой идеологии сепаратизма со стороны США и других стран Запада, а также влиянием обособившейся на Западе после 1945 года прибалтийской эмиграции.

«ПЕРЕСЧИТАТЬ ПО ПАЛЬЦАМ...»

В годы Советской власти в Латвии диссидентского движения практически не было. Писатель Юрий Абызов отмечает в этой связи, что «крамола» шла не из Риги в Москву, а наоборот: широким потоком текла сюда самиздатовская продукция, которая была востребована. Ловили каждое слово российских диссидентов, но своих не выдвигали (репрессированных можно было пересчитать по пальцам, да и те были тесно связаны с Москвой)»².

Среди собственно латвийских диссидентов можно назвать лишь несколько человек. Среди них: Владимир Слушный, который выступил против подавления революции в Чехословакии в 1968 году; Гунарс Астра, Инт Цалитис, Юрис Зиемелис и еще несколько человек. Но широкая общественность о них почти ничего не знает. Примечательно, что даже Рижская дума в своем ответе на предложение назвать одну из улиц Риги именем Юриса Зиемелиса указала, что не располагает информацией о «широкой известности и выдающемся значении упомянутых лиц в истории Риги и Латвии». Одну из улиц Риги предлагалось назвать также именем писателя Валентина Пикуля³.

Отсутствие диссидентского движения стало причиной появления после 1991 года разных оценок отношения народа и правительства Латвии к Советской власти. Одни (политик Андрейс Пантелеевс) указывают на то, что в бывшем СССР «Латвия была самой услужливой»⁴. Другие (историк Дайна Блейере) считают, что сопротивление Советской власти было на протяжении всего времени существования ЛССР, но проявлялось в форме «морального нравственного релятивизма и социального нигилизма»⁵.

Что бы там ни говорили, но отсутствие в стране собственного, демокра-

тического по своей природе, диссидентского движения неизбежно привело к тому, что идеологию народного движения за независимость в конце 1980-х, в начале 1990-х годов в значительной мере определила радикально настроенная часть западной латышской эмиграции. Ее политические взгляды основывались на необходимости отделения от СССР, возрождения идеологии и практики этнократического режима Карлиса Ульманиса, а также оправдания своей деятельности в период гитлеровской оккупации Латвии.

ПОЛИТИКА РЕВАНШИЗМА И РУСОФОБИИ

Во время Атмоды и после 1991 года в Латвию на постоянное место жительства вернулось свыше 30 тысяч латышей из различных стран. По данным Управления гражданства и миграции, в ноябре 2005 года 30 793 гражданина Латвии имели, помимо латвийского, гражданство другой страны. Таких стран-«дублеров» оказалось 79. Среди них — Монголия, Гватемала, Египет, Доминиканская Республика, Алжир, Афганистан, Бирма. 500 человек имеет гражданство 59 стран, 1423 человека являются гражданами 12 стран, 16 397 человек — 7 стран, а 12 473 человека — граждане США⁶.

Оценивая вклад латышской «тримды» (эмиграции) в создание в Латвии после 1991 года режима этнократии, нужно говорить и о ее идейном вкладе, и о непосредственном участии в формировании политических и экономических структур Второй Латвийской Республики. Причем, если в структурах политической и административной власти в целом оказалось задействовано не так много латышей-эмигрантов, то их вклад в формирование сначала идеологии Атмоды, а затем идеологии независимой Латвийской республики был очень и очень значительным, если не определяющим.

Именно латышская эмиграция никогда не признавала советской Латвии, восхваляла режим К. Ульманиса, а события 1940 года рассматривала как оккупацию независимого Латвийского государства.

Именно в среде латышской эмиграции после окончания Второй мировой войны «стали прославлять легионеров, их сделали героями-добровольцами, сражавшимися за Латвию», и в результате, как отмечает профессор истории Андриевс Эзергайлс (его родители в конце войны так же бежали сначала в Германию, а потом в США, поскольку «коммунистов ненавидели лютой ненавистью») «в историографическом отношении все было поставлено с ног на голову»⁷.

Именно латышская эмиграция привнесла в политическую жизнь страны крайне радикальные и оторванные от реалий представления о жизни в советской Латвии. Чего стоит, к примеру, совершенно абсурдное замечание вернувшегося из США в 1993 году отнюдь не радикала Нила Муйжниекса, который в сентябре 2004 года заявил, что при Советской власти за использование латышского языка можно было попасть в тюрьму⁸!

Наконец, именно западные латыши принесли в Латвию желание мстить за те трудности, которые выпали на их долю за годы эмиграции. И желание мстить отнюдь не было случайным эмоциональным порывом. Ведь у боль-

шинства среди вернувшихся в Латвию из стран Запада латышей дорога к материальному благополучию начиналась с простого выживания и была очень и очень трудной. Среди бежавших в конце войны на Запад от 120 до 265-280 тысяч человек⁹ были не только те, кто в период нацистской оккупации Латвии служил в различных полицейских формированиях или Латышском добровольческом легионе СС и был причастен к убийствам мирных жителей, но и те, кто до 1940 года поддерживали авторитарный и этнократический режим Карлиса Ульманиса, а затем пострадали от Советской власти. То есть те, кто в свое время в Латвии были богаты и политически влиятельны. Они бежали со своими семьями, с детьми, которых воспитывали, как правило, в духе антисоветизма, русофобии, восхваления режима К. Ульманиса и оправдания своей деятельности в период немецкой оккупации.

Именно это в значительной мере и определило радикальный антисоветизм и русофобию, которые вместе с желанием прямо или косвенно реабилитировать авторитарный и этнократический режим Карлиса Ульманиса, а также деятельность латышских коллаборационистов в период немецкой оккупации, принесла в Латвию западная латышская эмиграция.

Причем, как оказалось, даже первые лица Второй Латвийской республики могут быть связаны с бывшими нацистами. После событий 16 марта 2005 года в Риге (в этот день ежегодно в столице Латвии проходят шествия бывших латышских эсэсовцев и их сегодняшних последователей) российский таблоид «Экспресс-газета» под заголовком «Вайра Вике-Фрейберга обязана эсэсовцам» вспомнил расхожую, но пока не доказанную версию о сотрудничестве отчима латвийского президента с нацистами. «Мадам Фрейберга не раз рассказывала журналистам слезную историю, как осенью 1944 года она семилетней девочкой покидала родину на последнем корабле под бомбами советской авиации. Правда, почему ее отчим Эдвард Херманович решился на столь опасное путешествие, президентша предпочитает помалкивать. Это понятно — ни для кого не секрет, что семья Вайры находилась в самых теплых отношениях с «немецкими хозяевами»...», — писала газета¹⁰.

В целом роль западной латышской эмиграции в событиях Третьей Атмоды, а также в период после 1991 года оценивается сегодня латвийскими политиками — активными в прошлом участниками Третьей Атмоды — скорее отрицательно, чем положительно.

Приведем несколько высказываний, опубликованных в книге Николая Кабанова «Цена независимости». Бывший главный редактор газеты «Атмода» Элита Вейдемане, к примеру, считает, что «в то время они (то есть западные латыши — В. Г.) сыграли положительную роль. Они были теми, кто видел свет в конце туннеля. Они поддерживали Латвию материально и морально — это было самое ценное...»¹¹.

Виктор Авотыньш, один из основателей Народного фронта Латвии, также считает, что «представления латышской эмиграции о здешней ситуации были очень влиятельны». Но, по его мнению, «их стереотип имел больший вес, чем непосредственное личное участие тут кого-то из них... Они... не обладали ин-

формацией о том, как в действительности изменились наши отношения, как мы их воспринимаем. Уехали-то они в 1945—1947 годах...»¹².

Янис Юрканс, первый министр иностранных дел независимой Латвии, указывает на то, что «соотечественники все время искали красных у себя под кроватью»¹³.

Ортодоксальная латышская «тримда» ненавидела Советский Союз — с этим согласен и А. Пантелеев, бывший активист Народного фронта Латвии, а затем один из лидеров партии «Латвияс цельш» («Латвийский путь») ¹⁴.

Абрам Клецкин — также бывший активист Народного фронта Латвии и организатор состоявшегося в конце 1988 года Форума народов Латвии — отмечает не только радикальный характер политических взглядов западных латышей, но и указывает на их отрицательное влияние при решении политических вопросов: «В том, что у нас именно так пошли дела, — очень большая роль и большая вина эмиграции..., — подчеркивает он. — У них был... зоологический антисоветизм, зоологическая антироссийскость... Эмиграции нужно было оправдаться, доказать, что она права, что вообще — Латвия была «там», а не здесь. И они, «зарубежные», оказали очень сильное влияние... Я не хочу сказать, что они во всем виноваты. Но именно они во многом этот процесс сдвигали не туда»¹⁵.

Поясняя это «не туда», Янис Юрканс вспоминает, что осенью 1991 года эмиграция, продавливая радикальное решение вопроса о гражданстве, говорила: «А что вы с ними, этими русскими, будете делать? Ничего не получится — их слишком много». Это был период, когда структуры «тримды» — эмиграции — сыграли сильную роль», — считает Я. Юрканс¹⁶.

А Борис Цилевич — бывший активист Народного фронта Латвии — критически оценивает вклад западных латышей и в развитие Латвии после 1991 года. По его мнению, уже где-то к середине 90-х годов стало ясно, что практически никто из представителей эмиграции, заняв министерские и другие видные посты, не только не сумел добиться успехов, но не смог нередко избежать и совершенно катастрофических последствий. Примеры — пенсионная реформа Ритениса или история с «Латтелекомом», с которой связан Ламбергс¹⁷.

«ПРИБАЛТИЙСКИЙ ВОПРОС» И США

Появление после окончания Второй мировой войны группы социалистических государств, взявших курс на построение иной, чем на Западе, общественно-политической и экономической системы, серьезно обеспокоило руководителей США и Великобритании.

5 марта 1946 года в Фултоне Уинстон Черчилль произнес речь, которая стала официальным объявлением «холодной войны» между странами Запада и СССР. А 15 апреля 1950 года президент США Гарри Трумэн одобрил выработанную Советом безопасности секретную директиву № 68, в которой Советский Союз был объявлен врагом № 1.

В своем противостоянии с СССР администрация США активно использовала прибалтийскую тему.

Напомним, что в 1940 году США не признали вступление прибалтийских

государств в СССР. 23 июля 1940 года госсекретарь США Самнер Уоллес подписал декларацию, в которой заявлялось о непризнании перемен в странах Прибалтики. В Соединенных Штатах 1940 год был годом президентских выборов. Рузвельт сомневался в очередном избрании на президентский пост и потому хотел заручиться поддержкой проживающих в Америке многочисленных литовцев. Во исполнение требования этих литовцев Рузвельт и дал указание государственному секретарю США Самнеру Уоллесу подписать соответствующую декларацию, что тот и сделал 23 июля, подписав декларацию о непризнании инкорпорации (но не оккупации! — В. Г.) в состав СССР не одной лишь Литвы, а сразу всех трех прибалтийских государств¹⁸.

Анализируя данный документ, нельзя не обратить внимание на тот факт, что в нем говорится об инкорпорации (то есть присоединении) прибалтийских республик к СССР, хотя на время его принятия Латвия, Литва и Эстония еще оставались независимыми государствами, то есть субъектами международного права. Напомним, что после выборов 14—15 июля 1940 года высшие органы власти Литвы, Латвии и Эстонии 21—22 июля приняли решение восстановить Советскую власть и просить высший законодательный орган власти Советского Союза принять республики Прибалтики в состав СССР. Принятие в состав СССР состоялось в начале августа на сессии Верховного Совета СССР. Поэтому в Декларации Уоллеса речь, по сути, шла о непризнании решения высших органов власти республик Прибалтики восстановить советскую власть, то есть у Декларации изначально было политико-идеологическое — антисоветское, а не правовое обоснование.

В Декларации, повторимся, речь идет о непризнании инкорпорации прибалтийских государств в состав СССР. Но после 1945 года в ряде стран активно применялись и такие оценки событий 1940 года, как аннексия и оккупация. 17 июля 1959 года, то есть в самый разгар антикоммунистической истерии в США, конгресс Соединенных Штатов постановил ежегодно отмечать «неделю поработанных наций». Чуть позже это решение стало законом P.L.86—90, обязавшим президентов из года в год подтверждать цель США освободить жертвы «империалистической политики России, приведшей с помощью прямой и косвенной агрессии, начиная с 1918 года, к созданию огромной империи, представляющей прямую угрозу безопасности Соединенных Штатов и всех народов мира»¹⁹.

В отношениях СССР и США этот закон не раз провоцировал возникновение конфликтных ситуаций. Характерный пример: во время визита вице-президента Ричарда Никсона в СССР в 1959 году Никита Хрущев обвинил его в том, что требование в федеральном законе США (закон P.L.86—90) расчленения СССР — государства, которому он наносит визит, вопиюще противоречит международному праву. В ответ Р. Никсон смущенно оправдывался и назвал это требование конгресса «глупым»²⁰.

Другой пример: подписывая заключительный акт Совещания в Хельсинки, президент США Джеральд Форд сказал: «Соединенные Штаты Америки с удовольствием подписываются под этим документом потому, что мы подписыва-

емся под каждым из этих принципов», то есть в 1975 году США в очередной раз признавали территориальные границы государств в послевоенной Европе²¹.

Начиная с 1982 года, поддержка США тезиса о якобы незаконном присоединении прибалтийских государств к СССР становится намного активнее. Это связано с тайной деятельностью ЦРУ США по поддержке сил, выступающих за радикальное экономическое и политическое ослабление СССР, вплоть до его территориального раздела. В соответствии с утвержденной президентом Рональдом Рейганом в 1982 году тайной директивой «NSDD-32» официальной целью США с этого времени становилось устранение советского влияния в Восточной Европе, а также в республиках Прибалтики. Речь шла о финансовой поддержке организаций и отдельных людей, которые выступали с антисоветских позиций. Президент Рейган обсуждал со своими советниками не только вопрос о поддержке польской «Солидарности», но и вопрос об устранении решений Ялтинской конференции, которая после Второй мировой войны определила сферы влияния СССР и США в Европе. «У Рейгана не было времени на обсуждение Ялтинской конференции, — говорил Ричард Пайпс. — Ему она представлялась несправедливой»²².

Давление США на СССР по вопросу Прибалтики еще более усиливается после того, как объявленная М. С. Горбачевым в середине восьмидесятых годов перестройка натолкнулась на серьезные экономические трудности. Они и привели к резкому всплеску межнациональной напряженности, а затем и к росту сепаратистских настроений сначала в Литве, Латвии и Эстонии, а потом и в других республиках СССР. На этом этапе США прямо выдвигают требование «отпустить прибалтов»²³.

По мере того как кризис в Прибалтике набирал силу, американская печать и конгресс все больше начинают давить на президента Буша, требуя, чтобы он не пасовал перед Горбачевым. Сенаторы и конгрессмены требуют немедленного дипломатического признания Литвы. Даже сенатор Нэнси Кассенбаум, умеренная канзасская республиканка, «била» в барабаны, требуя независимости для Литвы».

В этих условиях Верховный Совет Литвы 11 марта 1990 года принимает решение о восстановлении независимости Литовской Республики. Литва стала первой советской республикой, провозгласившей свою независимость от СССР.

22 марта 1990 года, выступая на пресс-конференции, Буш повторил, что Соединенные Штаты никогда не признавали советской аннексии Литвы. «Однако, — добавил он, — существуют определенные жизненные реальности, и литовцы прекрасно о них знают, и им следует договариваться — что они и делают — с советскими официальными лицами, чтобы примирить разногласия»²⁴.

1 мая 1990 года сенат конгресса США в 73 голоса против 24 решил лишить Москву режима наибольшего благоприятствования в торговле до тех пор, пока не начнутся переговоры с Вильнюсом²⁵.

Чувствуя поддержку со стороны США по отношению к Литве, 4 мая пар-

ламент Латвии также объявил о независимости и отделении от Советского Союза.

18 мая утром госсекретарь США Джон Бейкер встретился с Горбачевым в Кремле. Бейкер напомнил Горбачеву, что у него и у Буша «нет большого пространства для маневра»: до тех пор, пока Кремль будет применять тактику силы в Прибалтике, торговое соглашение США с СССР будет находиться под угрозой. Горбачев сказал, что он хочет «изменить климат». Но предстоит решить «трудные проблемы»: «Мы выработаем совместно с литовцами тот статус, какой они хотят»²⁶.

30 мая начался официальный визит М. С. Горбачева в США. С военно-воздушной базы Эндрюс советская делегация в сопровождении эскорта мотоциклистов прибыла в Вашингтон, где ее встречали демонстранты с разными плакатами: «Поддерживаем Горбачева»... «Уйдите из Литвы»... «Перестаньте нападать на армян»...

Как отмечает М. Бешлосс, «эти противоречивые призывы напоминали о том, что в американском обществе существуют противоборствующие силы по отношению к СССР: широко распространенное одобрение Горбачева и его политики соседствовало с более критическим отношением различных этнических групп, таких, как американские прибалты и армяне, которые видели в советском лидере душителя своих сородичей, все еще живших в «тюрьме народов»²⁷.

Во время переговоров Буш согласился подписать торговый договор с СССР при условии, что Горбачев подтвердит свое обещание урегулировать прибалтийский кризис путем мирного диалога, а не с помощью силы. Но с принятием этого решения Буш медлил до последнего. Никто и не подумал принести соответствующие документы в Белый дом — пришлось посылать за ними курьера в министерство торговли²⁸.

В 1991 году давление США на СССР по «прибалтийскому вопросу» еще более усилилось. После событий 19—21 августа президент США Дж. Буш направил Горбачеву письмо, настаивая на том, чтобы он как можно скорее признал Прибалтийские государства.

М. Бешлосс пишет, что «Горбачев обещал Бушу, что признает независимость Прибалтики к пятнице, 30 августа, но затем попросил дать ему еще время. В субботу, 31 августа, Буш позвонил президенту Ландсбергису в Вильнюс и пообещал ему, что признание Литвы уже близко. Но и через два дня Горбачев так и не двинулся с места.

Буш уже не мог больше ждать и формально признал Прибалтийские государства в понедельник, 2 сентября. Спустя четыре дня, в пятницу, новый советский временный исполнительный орган, названный Государственным советом, признал Прибалтийские государства»²⁹.

«ПРИБАЛТИЙСКИЙ ВОПРОС» И ЗАПАДНАЯ ЕВРОПА

После 1945 года многие западноевропейские страны охотно поддержали позицию США по вопросу перемен 1940 года в Латвии, Литве и Эстонии. И в этом нет ничего удивительного. Западная Европа в это время не только раз-

вивалась по разработанному в США экономическому сценарию (план Маршалла), но и активно участвовала в идеологическом противостоянии стран Запада и СССР.

29 сентября 1960 года Консультативная ассамблея Совета Европы заслушала подробный доклад представителя Дании о судьбе прибалтийских стран. Тогда была принята резолюция № 189 «О ситуации в прибалтийских государствах в годовщину их принудительной инкорпорации Советским Союзом». Речь шла о незаконной инкорпорации территорий независимых государств без предоставления возможности народам выразить свое волеизъявление. Резолюция содержала констатацию того, что большая часть правительств стран свободного мира продолжает признавать *de jure* существование независимых прибалтийских государств. В то время в состав Совета Европы входили 15 государств: Австрия, Бельгия, Великобритания, Германия, Греция, Дания, Ирландия, Исландия, Италия, Люксембург, Нидерланды, Норвегия, Турция, Франция, Швеция³⁰.

13 января 1983 года Европейский парламент при участии депутатов 10 государств принимает резолюцию, в которой осуждает оккупацию Советским Союзом прежде независимых и нейтральных прибалтийских государств, начавшуюся в 1940 году в результате заключения пакта Молотова — Риббентропа и якобы продолжавшуюся на момент принятия документа³¹.

28 января 1987 года Парламентская ассамблея Совета Европы приняла еще одну резолюцию о положении прибалтов, в которой напомнила о том, что инкорпорация этих стран в состав СССР остается вопиющим нарушением прав наций на самоопределение³².

ПРИЧИНЫ РАСПАДА СССР

Как признают некоторые бывшие активные участники Третьей Атмоды (Atmoda по-латышски — возрождение), независимость стран Балтии для лидеров националистических движений оказалась неожиданной. До сих пор сторонники независимости задаются вопросом, что это было: «случайность, совпадение исторических условий или все же талантливо направляемый процесс?»³³. И если этот процесс все же направлялся, то кто был режиссером — номенклатура КПСС? Или КГБ — «главный двигатель перестройки»? Ведь «было такое впечатление, что требование независимости разрешено, оно легально, во всяком случае, была устранена боязнь реальных репрессий»³⁴.

Российские ученые Татьяна Сидорина и Тимур Поляников называют пять причин распада СССР и, соответственно, обретения независимости странами Балтии.

Во-первых, в конфликтах между народами Советского Союза, сопровождавших дезинтеграцию Советского Союза, достаточно четко проявилось размежевание этносов на «передовые» и «отсталые». И наиболее четко осознавали себя в качестве «передовых» по сравнению со всеми прочими нациями СССР литовцы, латыши и эстонцы.

Во-вторых, в ходе межэтнических конфликтов достаточно наглядно

проявились и признаки «столкновения цивилизаций». Католики-литовцы и исповедующие протестантизм латыши и эстонцы с энтузиазмом восприняли идеи об освобождении из-под власти «русской империи» и о «возвращении в Европу».

В-третьих, национал-сепаратистские движения в республиках СССР на протяжении всей своей истории пользовались поддержкой внешних сил — как политических структур, созданных за рубежом представителями соответствующих национальных диаспор, так и некоторых иностранных правительственных и международных организаций. Подобная поддержка националистам оказывалась в рамках более широкого идеологического и политического конфликта — глобального противостояния СССР и США.

В-четвертых, резкая эскалация межнациональных и межэтнических конфликтов на территории Советского Союза стала возможной только в условиях быстрого и необратимого ослабления государственной власти и фактического паралича силовых структур. В условиях демократизации и либерализации советского режима, воспринимавшихся на периферии как «бессилие Москвы», у националистов в республиках появились легальные возможности для пропаганды своих идей через СМИ и создания соответствующих массовых организаций. По сути, уже в 1989 году процесс «национального возрождения» на периферии СССР вышел из-под контроля московского руководства и обрел собственную разрушительную динамику.

В-пятых, ключевая роль в распаде СССР принадлежала определенным кругам партийно-государственной номенклатуры, чьи интересы в период перестройки совпали с интересами рвавшихся к власти «традиционных» националистов³⁵.

Сочетание этих причин, — подчеркивают Т. Сидорина и Т. Поляников, — привело к эффекту резонанса, то есть к резкому усилению их совокупного разрушающего воздействия. «При этом особая роль в стимуляции этого процесса принадлежала средствам массовой информации, препарировавшим и зачастую тенденциозно искажавшим информацию о происходивших событиях»³⁶.

Однако приведенный перечень причин, приведших к распаду СССР, представляется неполным. Не названа, по сути, главная причина. А именно — непростительная ошибка М. С. Горбачева, допустившего одновременное проведение в СССР реформ экономической и политической систем государства. Именно проведение двух реформ одновременно сделало страну фактически неуправляемой и разрушило СССР.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Независимость Латвии — это итог длительного идеологического и военного противостояния СССР и стран Запада, в котором СССР потерпел поражение. Это итог очернения национальной политики СССР, итог изображения СССР на Западе как «тюрьмы народов». Это итог серьезных ошибок, допущенных в процессе реформирования СССР, итог распространенных на Западе среди

прибалтийской эмиграции реваншистских настроений, а также закрытости советского общества и прямо связанной с этим идеализации и западного мира, и западной латышской эмиграции.

Запад никогда не был заинтересован в сохранении СССР. Наоборот, он был заинтересован в его расчленении и растаскивании по частям на свои сферы влияния. Народы СССР, и в первую очередь народы республик Прибалтики, увы, подыграли этой тайной стратегии Запада.

Сегодня, по прошествии 20 лет, пересматриваются многие оценки, которые еще недавно казались абсолютно незыблемыми. Согласно данным исследования, проведенного в странах Балтии весной 2011 года, 46 процентов литовцев, 41 процент эстонцев и 58 процентов латвийцев уверены, что 20 лет назад жить было лучше³⁷.

Оснований для такого мнения достаточно. В Латвии после 1991 года, впрочем, как и в Литве и Эстонии, ушли в небытие всеобщая трудовая занятость, высокий уровень социальной защиты населения, бесплатное здравоохранение, бесплатное и качественное среднее и высшее образование. Разрушив собственные промышленность и сельское хозяйство, возведя идеологический «железный занавес» на границе с Россией, независимая Латвия нанесла огромной силы удар и по своим науке и культуре. Резко потеряли в качестве системы школьного и вузовского образования. Сегодняшняя независимость Латвийского государства оплачивается странами Запада и носит очень условный характер. Но главное даже не это. Главное — это то, что в условиях резкого снижения уровня жизни для значительной части населения независимость государства для очень многих людей оказалась менее важной или вовсе неважной в сравнении с наличием работы и возможностью дать своим детям хорошее образование. Кроме того, для многих людей совершенно неприемлемыми оказались еще два момента — чудовищный отрыв власти от народа, пренебрежительное отношение власть имущих к интересам простого человека и сознательная политика властей по созданию межнациональной напряженности в обществе, пересмотру итогов Второй мировой войны и политической реабилитации бывших нацистских коллаборационистов.

Результатом неприятия ТАКОЙ независимости стали поистине чудовищные потери населения Латвии в период с 1991 по 2011 год. Если в 1989 году население Латвии составляло 2 666 567 человек³⁸, то, согласно предварительным итогам переписи весны 2011 года, в Латвии сейчас проживают всего лишь около 1 900 000 человек³⁹. Сегодня можно утверждать, что цена независимости — это сотни тысяч человек, которые или умерли, или эмигрировали из страны в поисках лучшей доли.

Рига

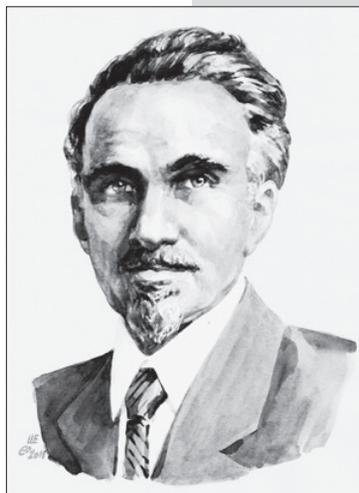
Использованная литература:

1. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. — М.: ГУВШЭ, 2000. — Стр. 481.
2. Абызов Ю. Прибалтика — глазами Россиянина. — В кн. Страны Балтии и Россия: общества и государства / Отв. ред. — сост. Д. Е. Фурман, Э. Г. Задорожнюк. М.: Референдум, 2002. — Стр. 435.

3. Ватолин И. «Пикуль?.. Кто это?» — «Час», 27 июля 2007 года.
4. «СМ—сегодня», 4 июля 1994 года.
5. Блейере Д. Последствия оккупации. — В кн.: Балтийский путь к свободе. Опыт ненасильственной борьбы стран Балтии в мировом контексте. Составитель Янис Шкапарс. — Рига, 2006. — Стр. 60.
6. http://www.np.gov.lv/index.php?lv=fakti_lv&saite=arhivs.htm
7. Архивная пыль — вещь заразная. С профессором Андриевсом Эзергалисом беседует Вита Петерсоне. — «Диена», 3 июля 1993 года.
8. Радионов В. Муйжниекс не понял голодающих. — «Час», 8 сентября 2004 года.
9. Книга «Очерки истории Латвии. С 1940 года до наших дней» (Рига, Звайгзне, 1991 год) приводит противоречивые данные. На стр. 108 приводится цифра в 120 тысяч латышей, которые в конце войны оказались на чужбине, а на стр. 83 говорится, что в конце войны Латвию покинуло около 265 — 280 тысяч беженцев.
10. Орлова С. Вайра Вике-Фрейберга обязана эсэсовцам. — «Экспресс-газета», 23 марта 2005 года.
11. Кабанов Н. Цена независимости. — Рига, D.V.I.N.A., 2006 год. - Стр. 125—126.
12. Там же. Стр. 16.
13. Там же. Стр. 73—74.
14. Там же. Стр. 262—263.
15. Там же. Стр. 21—22.
16. Там же. Стр. 56.
17. Там же. Стр. 56.
18. «Диена», 22 октября 1994 года.
19. Нарочницкая Н. А. За что и с кем мы воевали. — М., «Минувшее», 2005. — Стр. 61.
20. Там же. Стр. 62.
21. Комментарий департамента информации и печати МИД России в отношении «непризнания» вступления Прибалтийских республик в состав СССР. — «Вести сегодня», 9 мая 2005 года.
22. Швейцер П. Тайная стратегия развала СССР. — М., Алгоритм, 2010. — Стр. 134.
23. Бешлосс М. Измена в Кремле: протоколы тайных соглашений Горбачева с американцами / Майкл Бешлосс, Струоб Тэлботт. — М.: Алгоритм, 2011. — Стр. 117.
24. Там же. Стр. 132.
25. Там же. Стр. 134.
26. Там же. Стр. 137.
27. Там же. Стр. 140—141.
28. Там же. Стр. 147.
29. Там же. Стр. 331.
30. Resolution regarding the Baltic States adopted by the Consultative Assembly of the Council of Europe September 29, 1960. Source: from "International Reaction to the Occupation of the Baltic States by the USSR " by Legation of Latvia, Washington. http://www.letton.ch/lvx_eur1.htm
31. Source: 1982-1983 EUR.PARL.DOC (N° 7.908) 432-33 (9183) citй dans "International Reaction to the Occupation of the Baltic States by the USSR " by Legation of Latvia, Washington. http://www.letton.ch/lvx_eur2.htm
32. Шац-Марьяш Р. Калейдоскоп моей памяти. — «Acis», 2003. — Стр. 299-300.
33. Петерсоне Б. Генеалогия недоверия. Движения за независимость Латвии, их сотрудничество и расхождения. — В кн.: Балтийский путь к свободе. Опыт ненасильственной борьбы стран Балтии в мировом контексте. Составитель Янис Шкапарс. — Рига, 2006. — Стр. 129.
34. Там же.
35. Сидорина Т. Ю., Полянников Т. Л. Национализм: теории и политическая история. — Издательский дом ГУ ВШЭ, Москва, 2006. — Стр. 329—332, 325.
36. Сидорина Т. Ю., Полянников Т. Л. Указ. соч. Стр. 324.
37. Жители Балтии признались, что после распада СССР жить стали хуже. <http://www.ruskiymir.ru/ruskiymir/ru/news/common/news19336.html>
38. Итоги переписи населения 2000 года. <http://rianova.narod.ru/nac/tsk2000.html>
39. ЦСУ: в ходе переписи населения получены сведения о 1,9 миллиона жителей. <http://www.ves.lv/article/174886>

СУДЬБА ИМПЕРИЙ

Георгий ФЕДОТОВ

Finis Russiae? Конец России или новая страница ее истории? Разумеется, последнее. Россия не умрет, пока жив русский народ, пока он живет на своей земле, говорит своим языком. Великороссия, да еще с придачей Белоруссии (вероятно) и Сибири (еще надолго), все еще представляет огромное тело, с огромным населением, все еще самый крупный из европейских народов. Россия потеряет донецкий уголь, бакинскую нефть — но Франция, Германия и столько народов никогда нефти не имели. Она обеднеет, но только потенциально, потому что та нищета, в которой она живет при коммунистической системе, уйдет в прошлое. Ее военный потенциал сократится, но он потеряет свой смысл при общем разоружении. Если же разоружения не произойдет, то погибнет не одна Россия, а все культурное человечество.

ГЕОРГИЙ ПЕТРОВИЧ ФЕДОТОВ

Русский философ, публицист, историк культуры, основоположник богословия культуры. Родился в Саратове 1 октября 1886 года в семье управляющего губернаторской канцелярией.

Окончив первым учеником Николаевскую гимназию в Воронеже, он вскоре поступил в Санкт-Петербургский Технологический институт. Однако революционные события 1905 года захватывают Федотова, примкнувшего поначалу к радикальным социалистам. Арест и высылка за границу способствуют продолжению образования — Федотов изучает историю в Берлинском и Йенском университетах. Тогда же, в Германии, он оказывается под влиянием христианской гуманистической философии и постепенно отходит от марксистского материализма.

Осенью 1908 года Федотов возвращается в Россию и поступает на историко-филологический факультет Петербургского университета, где попадает в круг выдающегося педагога-просветителя, убежденного европеиста Ивана Михайловича Гревса, вырастившего целую плеяду крупных историков и культурологов, среди которых такие корифеи русской мысли, как Лев Карсавин и Владимир Вейдле. Увлечшись, благодаря Гревсу, проблемами европейского средневековья, Федотов окончательно отходит от политики. Тем не менее он продолжает оставаться под надзором полиции и, подвергшись несколько раз обыскам и опасаясь

ареста, уезжает по подложному паспорту в Италию, где работает в библиотеках Рима и Флоренции, зарабатывая на жизнь частными уроками в семьях богатых русских. Впоследствии в работе «Лицо России» (1918) Федотов писал о той огромной роли, которую сыграла Италия в его становлении как историка русской культуры: «Именно более глубокое погружение в источники западной культуры открыло великолепную красоту русской культуры. Возвращаясь из Рима, мы впервые с дрожью восторга всматривались в колонны Казанского собора; средневековая Италия делала понятной Москву».

Вернувшись в Россию, Федотов был приговорен к годичной ссылке и выбрал Ригу, где занялся подготовкой диссертации. После возвращения в Петербург он успешно сдал магистерские экзамены и был оставлен при университете, где вскоре получил приват-доцентуру по кафедре средних веков, работая одновременно хранителем отдела искусств Публичной библиотеки. Первую мировую войну Федотов воспринял как совместную борьбу россиян за свободу в союзе с западными демократиями. Февральская революция 1917 года была встречена им без восторга: он понимал, что русская демократия слишком хрупка и бессильна перед натиском разрушительных антикультурных сил. После октября он остается на службе в Публичной библиотеке, продолжает занимать-

ся наукой, посещает религиозно-философские кружки, участники которых надеялись на мирную эволюцию большевизма.

После тяжелого заболевания сыпным тифом Федотов берет отпуск и уезжает в родной Саратов, где становится профессором кафедры средневековой истории. Вскоре, однако, он вынужден был покинуть университет из-за своего демонстративного отказа соблюдать советскую обрядность — посещение собраний, хождение на демонстрации и т. п. Убежденный христианин, Федотов решает вскоре вообще уволиться с госслужбы и зарабатывать переводами в частных издательствах, расплодившихся в годы НЭПа: это обеспечивало приличный заработок, хотя и лишало госпайка, а также существенно повышало плату за квартиру и обучение дочери.

В 1925 году Федотов получает французскую визу и выезжает сначала в Берлин, а затем в Париж; через некоторое время к нему переезжает из России и семья. Работать и публиковаться во Франции по узкой специальности — медиевистике — оказалось невозможным (хороших специалистов было в избытке), и Федотов в поисках заработка начинает писать историко-публицистические статьи для эмигрантских журналов. Конкуренция и здесь была велика, но уже первые статьи-эссе Федотова («Три столицы» и «Трагедия интеллигенции»), опубликованные в 1926 году в парижском журнале «Версты», получили широкую известность в литературно-политических кругах русской эмиграции. На молодого

автора обратила внимание редакция крупнейшего эмигрантского журнала «Современные записки», в котором Федотов затем многократно печатался, снискав себе славу «первого публициста эмиграции», «Герцена нового времени».

В Париже произошло знакомство Федотова с другим русским эмигрантом — крупнейшим философом Федором Степуном, дружба и сотрудничество с которым продлилась долгие годы. Степун позднее вспоминал о первой встрече с Федотовым: «Впечатление было несколько неожиданное... Очень сдержанная речь с паузами и умолчаниями, тихий, но богатый интонациями голос; во внешнем облике, несмотря на заношенный пиджачок, нечто очень изящное, хрупкое и даже декадентское, что не встречалось у писателей-бытовиков и партийцев-общественников. Во всем образе нечто аристократически-отъединенное...».

В 20—30-х годах Федотов издал во Франции серию монографий по истории русской православной церкви, принесших ему европейскую известность. Одновременно он был активным участником экуменического движения, ратуя в частности за сближение православной и англиканской епископальной церкви. С 1926 по 1940 год Федотов преподавал историю западной церкви и латинский язык в парижском Богословском институте. После оккупации Парижа немцами он уезжает на юг Франции, где арестовывается за нелегальный переход демаркационной линии. При со-

действию друзей-американцев он получает визу в США, но путь туда оказался долгим и трудным. Сначала французский пароход, следующий в Штаты кружным путем через Бразилию, был блокирован англичанами в порту Дакара (Сенегал), где простоял четыре месяца — все это время Федотов работал в Дакарском музее, а также учил португальский и древнееврейский языки. Затем корабль был отправлен в Касабланку (Марокко), где пассажиры некоторое время жили в палаточном лагере в пустыне, за колючей проволокой. Добыв билеты на испанский пароход, Федотов — через Алжир, Испанию, Кубу и Бермуды — прибыл наконец в сентябре 1941 года в Нью-Йорк. Некоторое время он работал как приглашенный преподаватель в колледже при Йельском университете в Нью-Хэйвене, пользуясь стипендией Бахметьевского фон-

да; затем стал профессором православной Богословской академии Св. Владимира в Нью-Йорке. В конце 40-х годов он издал в США на английском языке два своих последних крупных труда — «Русское религиозное сознание» и «Сокровищница русской духовности». Между тем, болезнь сердца, преследовавшая Федотова на протяжении всей жизни, усиливалась. Крупный поэт и публицист русской эмиграции Юрий Иваск вспоминал о последних месяцах жизни Федотова: «Он становился все хрупче, легче. Как-то необыкновенно бережно, прощаясь, касался вещей. Все меньше говорил. Все больше молчал. Был — тихий, светлый и вместе с тем, до самого конца — такой живой». 1 сентября 1951 года Георгий Петрович Федотов скончался в госпитале города Бэкон, штат Нью-Джерси.

СУДЬБА ИМПЕРИЙ

Георгий ФЕДОТОВ

Современное государство-нация есть продукт скрещения двух первоначально враждебных сил: романтизма и французской революции. Народы Европы, поработанные революционной Францией, в борьбе против нее прошли через ее школу. Их культурный, бытовой, религиозный национализм превратился в политический. Для одних (немцев, итальянцев) это было движение к единству, для других — к отделению, освобождению от наций-завоевательниц. Счастливые, немцы и итальянцы, создали свои крепкие национальные государства уже в XIX веке. Даже более слабые балканские народы добились своей независимости, пользуясь слабостью Турции и поддержкой мощной России.

Но задолго до того, как процесс национализации Европы завершился или, вернее, достиг своего возможного апогея, началась эра нового империализма.

Старые колониальные Империи Англии и Голландии просыпаются от вековой дремы для новой лихорадочной работы. Поздно пришедшие народы спешно строят свои новые Империи за морем: Франция, Бельгия, Италия, Германия. Впрочем, *sego venientibus ossa*. Для Германии не нашлось уже «места под солнцем» Африки и Азии, достаточно рентабельного, и она обратила главную ось своей экспансии на Ближний Восток. Здесь она проникла в империалистическую зону сил Англии и России, что и было одной из главных причин первой великой войны. В эту войну вступили уже не европейские народы или нации, а мировые Империи, подобные драконам, головы которых еще умещались в Европе, но туловища покрывали почти весь земной шар.

Конфликты, приведшие к войне, были двух порядков: национальные и империалистические. Национальной, в старом смысле слова, была борьба Франции и Германии из-за Эльзас-Лотарингии, борьба немцев и славян на Дунае, внутри и вне Австро-Венгерской монархии. Империалистическая экспансия поссорила Германию с Англией и Россией.

Вторую войну можно понять лишь в теснейшей связи с первой, как ее второй акт. Основной силой взрыва было болезненно-раздраженное в результате поражения национальное чувство Германии, самой динамической нации Европы. В ее сознании давно уже национальные мотивы неразрывно сплетались с империалистическими. Это значит: пафос освобождения становился для нее волей к власти. Гитлер и выставил для нее программу в сущности беспредельного господства: сначала в Восточной Европе, потом в Европе вообще — наконец, во всем мире. С поразительной легкостью ему удалось осуществить две части своей программы. Впервые со времен Наполеона Европа подчинилась единому «порядку».

Потеря чувства меры (как в случае с Наполеоном) и ассирийское варварство методов завоевания сгубили Гитлера и Германию. Он нес народам не мир на основе права и порядка, который побежденные могли бы принять скрепя сердце, но унижение, порабощение, для многих физическое истребление. В результате Германия вызвала против себя взрыв национальных чувств и страстей, который оказался сильнее потребности в порядке и единстве. Англия и Россия боролись за свое существование.

В результате этих двух «раундов» старая Европа с ее сложившейся системой международных отношений отошла в вечность. Погибли или погибают все ее Империи, кроме России, на равновесии которых держался мир.

Пока над руинами и хаосом Европы высятся два гиганта, два победителя, вознесенные мировой войной на небывалую высоту. Для всех ясно, насколько неустойчиво новое равновесие. Борьба между двумя Империями уже ведется методами дипломатии, экономики, пропаганды. Даже прямые военные действия идут, хотя и под прикрытием чужих флагов. Сейчас СССР ведет войну в Греции и в Китае, как ранее вел ее в Иране и во всей уступленной ему, но подлежащей покорению территории Восточной Европы. Для СССР война еще продолжается; мир не подписан, да он и не должен быть подписан. Сталин явно выступил в качестве преемника Гитлера не только в сфере былого фактического

господства Германии, но и ее притязаний. Для правящего слоя в России дело идет о господстве над миром путем завоевания и революции.

Америка не мечтает о мировом господстве. Она думает больше об организации своей безопасности, но поняв уже, что мир стал слишком тесен для безопасности одиноких. Она уже преодолела свой врожденный изоляционизм и пытается организовать мировой хаос. Пока еще только долларом и хлебом, не адекватными пулеметам и пушкам ее вездесущего противника. Но военный потенциал Америки огромен. В случае военного столкновения ее победа несомненна, по крайней мере, при настоящем соотношении вооружений и сил. Ее беда в том, что она не умеет реализовать свой военный потенциал в обстановке мира, главным образом благодаря «викторианской» отсталости своего политического мышления.

Легко себе представить, как будет выглядеть мир в случае победы России. Распространение коммунистической системы по всему земному шару. Истребление высших классов и всех носителей культуры, дышавших воздухом свободы и не желающих от него отказаться. Массовые казни в первые годы, каторжные лагеря на целое поколение. Закрепощение всех профессий на службу всемирному государству. Управление им, централизованное в Москве, при фиктивной независимости федеративных наций. Постепенное (а может быть, и быстрое) заглушение всех высших сфер культуры за счет технического знания.

До сих пор краски этой картины взяты из действительного опыта России и Восточной Европы. Идя дальше, можно представить себе, что в обстановке мира и технической цивилизации материальные потребности покоренных народов будут удовлетворены, чего никогда не было достигнуто в СССР. Парии Азии и негры Африки впервые наедятся риса досыта. Конечно, удушение свободы поведет к постепенному падению не только духовной культуры, но в конце концов и самого технического знания. Конец «прогресса».

Менее ясен, но более светел другой вариант Империи: *Pax Atlantica*, или лучше *Pax Americana*. В случае победы Америки, Англии и их союзников единство мира должно отлиться в форме действительной, а не мнимой федерации. Такова сама структура и Соединенных Штатов, и Британского Commonwealth. В настоящее время англосаксы и не представляют себе власти, организованной вне самоуправления. Даже молодой империализм Америки, при всей жадности к стратегическим базам, начинает с освобождения своих старых колоний. Опасность Атлантического варианта Империи не в злоупотреблении властью, а скорее в бездействии власти. У свободных народов нет вкуса к насилию, и это прекрасно. Но в настоящее время у них нет и вкуса к власти, и это опасно.

Ceterum censeo: нельзя забывать о третьей возможности — возможности не победы одной из двух Империй, а всеобщего разрушения и гибели, если столкновение произойдет в условиях приблизительного равенства сил и оружия.

* * *

Остановимся на одном из возможных исходов. Какая судьба ожидает Россию в случае ее поражения? Если бы Россия была национальным государ-

ством, как Франция или современная Германия, ответ был бы сравнительно прост и не столь для нее трагичен. Да, она, конечно, прошла бы через ужасы разорения, унижения, голода, через которые сейчас проходит Германия, с той только разницей, что, в отличие от Германии, ей не привыкать стать к голоду и рабству. Для большинства ее населения падение ненавистной власти, даже ценой временной иностранной оккупации, явится освобождением. Ведь американцы не собираются колонизировать Россию, как Гитлер, или истреблять ее «низшие» расы. Но дело осложняется тем, что Россия не национальное государство, а многонациональная Империя; последняя, единственная в мире, остающаяся после ликвидации всех Империй. Было бы чудом, если бы она вышла невредимой из ожидающей ее катастрофы в тех географических очертаниях, в которых ее застала революция.

Правда, Россия является Империей своеобразной. По своей национальной и географической структуре она занимает среднее место между Великобританией и Австро-Венгрией. Ее нерусские владения не отделены от нее морями. Они составляют прямое продолжение ее материкового тела, а массив русского населения не отделен резкой чертой от инородческих окраин. Но Дальний Восток или Туркестан по своему экономическому и даже политическому значению совершенно соответствуют колониям западных государств. Типологическое, то есть качественное сходство с Австро-Венгрией еще значительнее. Однако процент господствующего великорусского населения в Империи Романовых был гораздо выше немецкого в Империи Габсбургов. Это сообщало России несравненно большую устойчивость.

Но мы не хотели видеть сложной многоплеменности России. Для большинства из нас перековка России в СССР, номинальную федерацию народов, казалась опасным маскарадом, за которым скрывалась вся та же русская Россия или даже святая Русь.

Как объяснить нашу иллюзию? Почему русская интеллигенция в XIX веке забыла, что она живет не в Руси, а в Империи? В зените своей экспансии и славы, в век «екатерининских орлов», Россия сознавала свою многоплеменность и гордилась ею. Державин пел «царевну киргиз-кайсацкой орды», а Пушкин, последний певец Империи, предсказывал, что имя его назовет «и ныне дикой тунгуз и друг степей калмык». Кому из поэтов послепушкинской поры пришло бы в голову вспоминать о тунгузах и калмыках? А державинская лесть казалась просто непонятной — искусственной и фальшивой. Но творцы и поэты Империи помнили о ее миссии: нести просвещение всем ее народам — универсальное просвещение, сияющее с Запада, хотя и в лучах русского слова.

После Пушкина, рассорившись с царями, русская интеллигенция потеряла вкус к имперским проблемам, к национальным и международным проблемам вообще. Темы политического освобождения и социальной справедливости завладели ею всецело, до умоисступления. С точки зрения гуманитарной и либеральной, осуждались Империя, все Империи, как насилие над народами, но результаты этого насилия принимались как непререкаемые. Более того, XIX век для большинства интеллигенции означал служение национального со-

знания до пределов Великороссии. Россия была необъятно велика, и мало кто из русских образованных людей изъездил ее из конца в конец; непоседливых манила сказка Запада. Но, и путешествуя по России, русский не выходил из своего привычного уклада: объяснялся везде по-русски, видел везде одну и ту же русскую администрацию и туземцев, побогаче и познатнее, уже входящих в быт, язык и культуру завоевателей. Интеллигенция возмущалась насильственной русификацией или крещением инородцев, но это возмущение относилось к методам, а не к целям.

Есть еще одна неожиданная сторона русского западничества: Россией вообще интересовались мало, ее имперской историей еще меньше. Так и случилось, что почти все нужные исследования в области национальных и имперских проблем оказались предоставленными историкам националистического направления. Те, конечно, строили тенденциозную схему русской истории, смягчавшую все темные стороны исторической государственности. Эта схема вошла в официальные учебники, презираемые, но поневоле затверженные и не встречавшие корректива. В курсе Ключевского нельзя было найти истории создания и роста Империи.

Так укоренилось в умах не только либеральной, но отчасти и революционной интеллигенции наивное представление о том, что русское государство, в отличие от всех государств Запада, строилось не насилем, а мирной экспансией, не завоеванием, а колонизацией. И это правда, то есть одна половина правды. Другая половина, слишком легко бросающаяся в глаза иностранцам, недоступна для националистической дальновзоркости.

Несомненно, что параллельный немецкому русский *Drang nach Osten* оставил меньше кровавых следов на страницах истории. Это зависело от редкой населенности и более низкого культурного уровня восточных финнов и сибирских инородцев сравнительно с западными славянами. И однако — как упорно и жестоко боролись хотя бы вогулы в XV веке с русскими «колонизаторами», а после них казанские инородцы и башкиры. Их восстания мы видим при каждом потрясении русской государственности — в Смутное время, при Петре, при Пугачеве. Но с ними исторические споры покончены. Несмотря на искусственное воскресение восточно-финских народностей, ни Марийская, ни Мордовская республики не угрожают целостности России. Уже с татарами дело сложнее. А что сказать о последних завоеваниях Империи, которые, несомненно, куплены обильной кровью: Кавказе, Туркестане?

Мы любим Кавказ, но смотрим на его покорение сквозь романтические поэмы Пушкина и Лермонтова. Но даже Пушкин обронил жестокое слово о Цицианове, который «губил, ничтожил племена». Мы заучили с детства о мирном присоединении Грузии, но мало кто знает, каким вероломством и каким унижением для Грузии Россия отплатила за ее добровольное присоединение. Мало кто знает и то, что после сдачи Шамиля до полумиллиона черкесов эмигрировало в Турцию. Это все дела недавних дней. Кавказ никогда не был замирен окончательно. То же следует помнить и о Туркестане. Покоренный с чрезвычайной жестокостью, он восставал в годы первой войны, восставал и при

большевиках. До революции русское культурное влияние вообще было слабо в Средней Азии. После революции оно было такого рода, что могло сделать русское имя ненавистным.

Наконец, Польша, эта незаживающая (и поныне) рана в теле России. В конце концов вся русская интеллигенция — в том числе и националистическая — примирилась с отделением Польши. Но она никогда не сознавала ни всей глубины исторического греха, совершаемого — целое столетие — над душой польского народа, ни естественности того возмущения, с которым Запад смотрел на русское владычество в Польше. Именно Польше Российская Империя обязана своей славой «тюрьмы народов».

Была ли эта репутация заслуженной? В такой же мере, как и другими европейскими Империями. Ценой эксплуатации и угнетения они несли в дикий или варварский мир семена высшей культуры. Для России вопрос осложняется культурным различием ее западных и восточных окраин. Вдоль западной границы русская администрация имела дело с более цивилизованными народностями, чем господствующая нация. Оттого, при всей мягкости ее режима в Финляндии и Прибалтике, он ощущался как гнет. Русским культуртрегерам здесь нечего было делать. Для Польши Россия была действительно тюрьмой, для евреев гетто. Эти два народа Империя придавила всей своей тяжестью. Но на Востоке, при всей грубости русского управления, культурная миссия России бесспорна. Угнетаемые и разоряемые сибирские инородцы, поскольку они выживали — а они выживали, — вливались в русскую народность, отчасти в русскую интеллигенцию. В странах ислама, привыкших к деспотизму местных эмиров и ханов, русские самодуры и взяточники были не страшны. И у русских не было того высокомерного сознания высшей расы, которое губило плоды просвещенной и гуманной английской администрации в Индии. Русские не только легко общались, но и сливались кровью со своими подданными, открывая их аристократии доступ к военной и административной карьере.

Национально-романтическое движение докатилось до пределов России с некоторым запозданием. Но сразу оно приняло и политический характер. Быть может, это соответствовало и слабости романтического национализма (славянофильства) в самой Великороссии. Тяготение к западной культуре (через посредство России) долго перевешивало в меньшинственных интеллигенциях их этнографическую связь со своими народами. Но неизбежное наступило. Одним из первых Рунеберг, создатель Калевалы, положил начало финской литературе, создавая новую нацию из того, что было лишь этнографической народностью. Во второй половине столетия возрождаются или просто рождаются на свет эстонская и латышская литература — будущие нации, творимые поэтами. Тогда же происходит новый расцвет древних литератур Кавказа — грузинской и армянской. Одной из первых, в начале XIX века, романтическое веяние коснулось и оживило литературу украинскую. Уже к середине века, в Кирилло-Мефодиевском братстве, украинское движение принимает политический характер.

Пробуждение Украины, а особенно сепаратистский характер украинно-

фильства изумил русскую интеллигенцию и до конца остался ей непонятным. Прежде всего потому, что мы любили Украину, ее землю, ее народ, ее песни, считали все это своим, родным. Но еще и потому, что мы преступно мало интересовались прошлым Украины за три-четыре столетия, которые создали ее народность и ее культуру, отличную от Великороссии. Мы воображали, по схемам русских националистов, что малороссы, изнывая под польским гнетом, только и ждали, что воссоединиться с Москвой. Но русские в Польско-Литовском государстве, отталкиваясь от католичества, не были чужаками. Они впитали в себя чрезвычайно много элементов польской культуры и государственности. Когда религиозные мотивы склонили казачество к унии с Москвой, здесь ждали его горькие разочарования. Московское вероломство не забыто до сих пор. Ярче всего наше глубокое непонимание украинского прошлого сказывается в оценке Мазепы. Новый этап в создании украинской нации падает на вторую половину XIX века. Бессмысленные преследования украинской литературы перенесли центр национального движения из Киева во Львов, в Галицию, которая никогда не была связана ни с Москвой, ни с Петербургом. Это имело двойные последствия. Во-первых, литературный язык вырабатывался на основе галицийского наречия, а не полтавского или киевского, то есть гораздо более далекого от великорусских говоров.

Польский, а не русский язык стал источником новых отвлеченных и научных словообразований. Русский мог без труда понимать Шевченко, но язык Грушевского был ему непонятен, казался искусственным. Как будто не все литературные языки были искусственными при своем создании — русский язык Ломоносова или латинский Энниа! Но мы по-прежнему упрямо продолжали считать малороссийский язык лишь областным наречием русского, хотя слависты всего мира, включая Российскую Академию наук, давно признали это наречие за самостоятельный язык.

На наших глазах рождалась на свет новая нация, но мы закрывали на это глаза. Мы были как будто убеждены, что нации существуют извечно и неизменно, как виды природы для доэволюционного естествознания. Мы видели вздорность украинских мифов, которые творили для киевской эпохи особую украинскую нацию, отличную от русской. Но мы забывали, что историческая мифология служила лишь для объяснения настоящей реальности. Нации не было, но она рождалась — рождалась веками, но в ускоряющемся темпе в наши дни. 1917 год был актом ее официального рождения. То обстоятельство, что центр движения был в Галиции, обособляло и политически новую нацию от общей судьбы народов России; облегчало для нее переход от федеративной идеологии Костомарова и Драгоманова к идее «самостийности».

Было еще одно движение среди народов России, центр которого оказался за рубежом и которое мы совершенно проглядели. Это было пантюркское движение, связывавшее литературное и политическое пробуждение русских татар с возрождением Молодой Турции.

Русские националисты первые заметили опасность, угрожающую Империи. Они ответили на нее усилением русификации, травлей инородцев, из-

девательством над украинцами и еврейскими погромами. Они старательно раздували искры сепаратизмов. Два последних императора, ученики и жертвы реакционного славянофильства, игнорируя имперский стиль России, рубили ее под самый корень. Революционная интеллигенция лишь накануне первой революции пошла навстречу национальным движениям меньшинств. Некоторые из левых партий (не большевики) включили в свою программу федеративный строй Российской республики. С этим и застал нас 1917 год.

Трудно возразить что-либо против идеи федерации. Это прекрасная, разумная программа. Для малых народов она обещает и свободу, и преимущества жизни в великом, веками сложившемся организме. Но, к сожалению, народы — по крайней мере в наше время — живут не разумом, а страстями. Они предпочитают резню и голод под собственными флагами.

В 1917 году демократическая интеллигенция, полгода управлявшая Россией, октроировала федеративное самоуправление некоторым из ее народов. Но в обстановке развала и падения военной мощи России федерация уже не удовлетворяла. А когда в Великороссии победил большевизм, от нее побежали, как от чумы. Большевики силой оружия собрали Империю и террором, как железным обручем, держат уже почти три десятилетия ее распадающийся состав.

Многим казалось, даже среди непримиримых врагов большевизма, что решение национальной проблемы в СССР принадлежит к самым удачным их достижениям. Оно сводится к двум принципам: полная культурная автономия и никакой политической.

Отсутствие политической свободы прикрывалось обильными поблажками национальному тщеславию. Даже имя России было уничтожено. Одиннадцать республик СССР жили «под своими собственными флагами»: по конституции они имели даже право на отделение. В первые годы революции национальные силы всех народов, кроме великорусского, не только освобожденные, но и получившие государственную поддержку, привели к расцвету национальных культур. Значительная часть интеллигенции нашла удовлетворение в культурном народничестве. Конечно, вся власть принадлежала коммунистической партии, а партия управлялась из Москвы.

Этот расцвет продолжался недолго. Большевизм был системой не только политической, но и прежде всего идеологической. Национальный романтизм, неизбежно принимавший идеалистическую окраску, был ему ненавистен. На десятках языков Союза должны были печататься и читаться только полные собрания сочинений Маркса и Ленина. Это было достигнуто, с прибавлением од Сталину. Для этого понадобилось задушить национальные литературы (особенно украинскую и тюркскую) с истреблением значительной части их интеллигенции. С тех пор национальные движения были загнаны в подполье. Но это значит, что опять, как в царские времена, на окраинах скопляются центробежные силы, готовые взорвать мнимофедеративную Империю.

Большевистский режим ненавистен и огромному большинству великороссов. Но общая ненависть не спаивает воедино народов России. Для всех

меньшинств отвращение от большевизма сопровождается отталкиванием от России, его породившей. Великорус не может этого понять. Он мыслит: мы все ответственны, в равной мере, за большевизм, мы пожинаем плоды общих ошибок. Но хотя и верно, что большевистская партия вобрала в себя революционно-разбойничьи элементы всех народов России, но не всех одинаково. Русскими преимущественно были идеологи и создатели партии. Большевизм без труда утвердился в Петербурге и в Москве, Великороссия почти не знала гражданской войны; окраины оказали ему отчаянное сопротивление. Вероятно, было нечто в традициях Великороссии, что питало большевизм в большей мере, чем остальная почва Империи: крепостное право, деревенская община, самодержавие. Украинец или грузин готовы преувеличивать национально-русские черты большевизма и обелять себя от всякого сообщничества. Но их иллюзии естественны.

Железный занавес тоталитарной лжи мешает нам видеть ясно, что происходит за пределами общеизвестного застенка. Но есть три факта, которые заставляют предполагать рост сепаратизмов в СССР. Во-первых, по свидетельству беглецов, «националы» составляют заметный процент населения концлагерей. Их присутствие там не уравнивается представительством политических течений или партий Великороссии, ибо таковых не существует. В бесформенной оппозиционной массе, смешанной с уголовными, выделяются, хотя бы с ярлыком шпионов, только представители малых народов России.

Во-вторых, после второй войны правительство уничтожило пять республик (или областей) за сотрудничество с немцами. Республики невелики, но показательны; до других ведь и не дотянулась германская оккупация. Украины уничтожить было нельзя без всесоюзного позора, но, кажется, и она заслуживала той же участи. Мы знаем об украинских воинских частях, сражавшихся вместе с немцами, об украинской Церкви, об эмбрионе украинского правительства. Пораженчество, конечно, захватило и Великороссию, но на Украине оно сказалось много ярче.

И, наконец, мы видим то, что происходит в эмиграции, среди нас. Можно утверждать, что зарубежные настроения не вполне соответствуют внутрисоветским: преувеличения революционеров неизбежны. Но нельзя думать, что они совершенно оторваны от советской действительности; по крайней мере для нас, великороссов, война и новая эмиграция принесла скорее подтверждение наших оценок. И вот, среди всех групп русской эмиграции представители других национальностей России блистают своим отсутствием. Они строят свои собственные организации, даже не пытаются установить какие-либо связи с русскими товарищами по борьбе или собратьями по судьбе. Более того, ни с чьей стороны мы не встречаем такой ненависти, как со стороны украинцев, которых мы-то считали — ошибочно — совсем своими. Как далеки мы от времен старой эмиграции, когда, в чаянии грядущей революции, вожди всех народов России объединялись в борьбе «за нашу и вашу свободу»!

Нетрудно предвидеть, что, в случае военного поражения России, произойдет не только падение советского режима, но и восстание ее народов против

Москвы. Даже те экономические и политические мотивы, которые могли бы говорить в пользу их связей с Великороссией, превращаются в свою противоположность в условиях поражения. Быть с Россией значит разделить ее ответственность, ее тяжкую судьбу. Большевизм умрет, как умер национал-социализм. Но кто знает, какие новые формы примет русский фашизм или национализм для новой русской экспансии?

Перспективы войны и поражения России способны потрясти не одних националистов, но и всякого русского, не совсем потерявшего связь со своим народом и его культурой. Теоретически есть еще шанс — кажется, единственный шанс — предотвращения новой войны: это падение большевистской власти в России. От скольких ужасов оно избавило бы мир! Не будем говорить сейчас, возможно ли оно, — нам представляется, что шансы его ничтожны. Но в судьбе России как обреченной Империи этот вариант ничего не меняет. Снятие страшной тяжести, висевшей над народами России тридцать лет, означает взрыв всех подспудных, революционных и центробежных сил. Пока русский народ будет сводить счеты со своими палачами, в общем неизбежном хаосе большинство национальностей, как в 1917 году, потребуют реализации своего конституционного права на отделение. Вероятно, произойдет гражданская война приблизительно равных половин бывшей России. Если даже победит Великороссия и силой удержит при себе народы Империи, ее торжество может быть только временным. В современном мире нет места Австро-Венгриям. Если миром будет править единая власть — единственный шанс его спасения, — она будет обязана прекратить всякое насилие одних народов над другими. Ликвидация последней частной Империи станет вопросом международного права и справедливости.

Для самой России насильственное продолжение имперского бытия означало бы потерю надежды на ее собственную свободу. Не может государство, существующее террором на половине своей территории, обеспечить свободу для другой. Как при московских царях самодержавие было ценой, уплаченной за экспансию, так фашизм является единственным строем, способным продлить существование каторжной Империи. Конечно, ценой дальнейшего ухудшения ее культуры.

* * *

Finis Russiae? Конец России или новая страница ее истории? Разумеется, последнее. Россия не умрет, пока жив русский народ, пока он живет на своей земле, говорит своим языком. Великороссия, да еще с придачей Белоруссии (вероятно) и Сибири (еще надолго), все еще представляет огромное тело, с огромным населением, все еще самый крупный из европейских народов. Россия потеряет донецкий уголь, бакинскую нефть — но Франция, Германия и столько народов никогда нефти не имели. Она обеднеет, но только потенциально, потому что та нищета, в которой она живет при коммунистической системе, уйдет в прошлое. Ее военный потенциал сократится, но он потеряет свой смысл при общем разоружении. Если же разоружения не произойдет, то погибнет не одна Россия, а все культурное человечество. Даже

чувство сожаления от утраты былого могущества будет смягчено тем, что никто из бывших соперников в старой Европе не займет ее места. Все старые Империи исчезнут.

В конце концов, имперское сознание питалось не столько интересами государства — тем менее народа, — сколько похотью власти: пафосом неравенства, радостью унижения, насилия над слабыми. Этот языческий комплекс для России XIX века означал кричащее противоречие между политикой государства и заветами ее духовных вождей. Русская литература была совестью мира, а государство — пугалом для свободы народов. Потеря Империи есть нравственное очищение, освобождение русской культуры от страшного бремени, искажающего ее духовный облик.

Освобожденная от военных и полицейских забот, Россия может вернуться к своим внутренним проблемам — к построению выстраданной страшными муками свободной социальной демократии. Но после тридцатилетия коммунизма русский человек огрубел, очерствел — говоря словами народного стиха, покрылся «еловой корой». Вероятно, не одно поколение понадобится для его перевоспитания, то есть для его возвращения в заглухшую традицию русской культуры, а через нее — и русского христианства. К этой великой задаче должна уже сейчас, в изгнании, готовиться русская интеллигенция вместо погони за призрачными орлами Империи.

*Впервые напечатано
в «Новом журнале», Нью-Йорк, 1947, №17*

СОДЕРЖАНИЕ

журнала «Стратегия России» за 2011 год

СЛОВО ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11

АКТУАЛЬНО

Евгений ВАСЬКИН

Образование: новые вызовы 11

Дмитрий МЕДВЕДЕВ

Труд — основа здорового общества 5

Пройти точку невозврата 7

Решающий фактор развития 9

Моральное право на продолжение курса 12

Евгений МИНЧЕНКО

Тревожный сигнал для украинской элиты 10

Дмитрий ОРЛОВ

Россия может стать осью 10

Владимир ПУТИН

Здесь начинается день России 1

Российский Юг:

задачи развития 6

АКТУАЛЬНО: МНЕНИЯ

Алексей ЗУДИН

Новый запас прочности 12

Сергей МАРКОВ

Слабость внесистемной оппозиции 12

Дмитрий ОРЛОВ

Власть нуждается в обновлении 12

Леонид ПОЛЯКОВ

Битва лозунгов и сюрпризы 12

ИНТЕРВЬЮ НОМЕРА

Владимир ПЛИГИН

Эффективны только комплексные меры 10

Михаил ПОГРЕБИНСКИЙ

В Украине о русском 5

ГЛАВНАЯ ТЕМА

V Ассамблея Русского мира

Подиумные дискуссии 12

Виталий АВЕРЬЯНОВ

«Историческая Россия» 7

Надежда АРБАТОВА

Что отвечает общей безопасности 4

Евгений ВЕЛИХОВ

Культура и конкуренция 2

Борис ГРЫЗЛОВ

В основе работы — идеи избирателей 10

Дмитрий ДАНИЛОВ

Нужно использовать опыт партнерства 4

Андрей ЗАГОРСКИЙ

Идеи есть, механизмов нет 4

Святейший Патриарх КИРИЛЛ

Успешный пример модернизации 3

Андрей КЛЕПАЧ

Логика реформ 8

Константин КОСАЧЕВ

Государство — это мы 8

Андрей ЛОГИНОВ

Законодатель, нажми на тормоза? 8

Дмитрий МЕДВЕДЕВ

Государство должно слышать граждан 2

Великие реформы и обновление России 3

Идем на выборы, чтобы победить! 10

Взять бремя лидерства 11

Виктор МИЗИН

Начать с чистого листа 4

Наталья НАРОЧНИЦКАЯ

Осознать себя нацией 1

Сергей НАРЫШКИН

Прочсть заново 1

Александр НЕКЛЕССА

Русский мир: цивилизация многих народов 6, 7

Вячеслав НИКОНОВ

Забытая война 1

Есть идеи? 3

Готовы ли мы платить за оборону? 4

Опыт, этика и традиции 8

Бразильская модель 9

Владимир ПЛИГИН

Точно ставить вопросы 8

Владимир ПУТИН

Не откажемся от социальных обязательств 5

Остаться партией народного доверия 10

Олег ПУХЛЯК

История и идеология 1

Роберт ПШЕЛЬ

Наши общие угрозы 4

Виктор САДОВНИЧИЙ

Ноша управленца 8

Андрей СОРОКИН

Выработать единый взгляд 1

Франц ТЁННЕС

Важны наглядные результаты 4

Валерий ТИШКОВ

«Нация наций» и вызовы времени 8

Валерий ФЕДОРОВ

Престиж и доверие 8

Евгений ФЕДОРОВ

Инструменты модернизации 8

Александр ЧУБАРЬЯН

Историческая память возвращается 1

Михаил ШВЫДКОЙ

Общество скрепляет культура 8

Сергей ШИПТЕНКО

Игры бюрократов 1

Ханс-Хеннинг ШРЁДЕР

Изменился контекст 4

Игорь ЩЕГОЛЕВ

Каким быть «электронному правительству» 8

Марк ЭНТИН

Территория вопросов 4

ГЛАВНАЯ ТЕМА: МНЕНИЯ

Виктор АДДЕЕВ

Психологический удар по дипломатии 1

Юрий БАРАНЧИК

Объединить нашу историю 1

Алла БОБЫЛЕВА

Цена аппарата 3

Ярослав БУТАКОВ

Забытая Отечественная 1

Георгий ВВЕДЕНСКИЙ

Нужна политическая воля? 1

Георгий ВИЛИНБАХОВ

Нужен музей Первой мировой 1

Протоиерей ГЕОРГИЙ

Всем миром... 1

Александр ГРОНСКИЙ

Война «своя» и «чужая» 1

Иосиф ДИСКИН

Права региональных палат 2

Татьяна ЗАЙЦЕВА

Реформа и ее риски 3

Виталий ИГНАТЕНКО

Воспитывать осознание причастности 1

Тинатин КАНДЕЛАКИ

Дайте пример успеха! 2

Дмитрий КЛЕМЕНТЬЕВ

Менять не людей, а систему 3

Андрей КОБЯКОВ

Выстроить систему целей 3

Владимир КРУПЕННИКОВ

Отравленные семена 2

Геннадий КУПРЯШИН

Институты нужно выращивать 3

Анатолий КУЧЕРЕНА

Нужен правовой всеобуч 2

Иван ЛЕКСИН

Система никого не стесняется 3

Александр ЛИВШИН

Кому контролировать контролера? 3

Елена ЛУКЬЯНОВА

Суды — под контроль общества 2

Ирина МЫСЛЯЕВА

Плоха машина, а не винтики 3

Бадри НАКАШИДЗЕ

Управлять социальной политикой 3

- Егор ОСИПОВ**
Партнерство под вопросом 3
- Милко ПАЛАНГУРСКИ**
Следствие поражения 1
- Константин ПРОВАЛОВ**
«Красное колесо» и системность
взглядов 1
- Василий ПУГАЧЕВ**
Технократы и гуманисты 3
- Екатерина РОМАНОВА**
Случайность или закономерность? 1
- Вадим САМОЙЛОВ**
Ограбленных не уважают 2
- Николай СВАНИДЗЕ**
Изменить атмосферу в обществе 2
- Любовь СЕМЕНИКОВА**
Идеология и светское государство 3
- Евгений СЕРГЕЕВ**
В центре внимания — Россия 1
- Александр СИДОРОВ**
Как организовать Рабкрин... 3
- Александр СОГОМОНЯН**
Брестский мир в кривом зеркале 1
- Александр СОЛОВЬЕВ**
Власть: политика или экономика? 3
- Константин СОЛОВЬЕВ**
Аппарат хочет, но не может 3
- Павел СУЛЯНДЗИГА**
Мешают непрофессионалы 2
- Алексей СУРИН**
Для начала — выбрать модель 3
- Владимир ТОЛСТОЙ**
Невостребованное наследство 2
- Александр ТОРШИН**
Восстановить историческую
справедливость 1
- Всеволод ЧАПЛИН**
Обновить понимание ценностей 2
- Карен ШАХНАЗАРОВ**
Мы русские по культуре 2
- Максим ШЕВЧЕНКО**
Конфликты в информационном поле 2
- Максимилиан ШЕПЕЛЕВ**
Основания для будущей войны? 1
- Евгений ШИКИН**
Чиновник или бюрократ? 3
- ПОВЕСТКА ДНЯ**
- Игорь АРТЕМЬЕВ**
Природа свободы 10
- Андрей АРТИЗОВ**
Впечатляющие итоги 4
- Валерий БОГОМОЛОВ**
Роль России в мировой политике 1
- Вячеслав БОНДАРЕНКО**
Неусвоенные уроки Великой войны 6
- Сергей ГАБЕСТРО**
Начинать с малого 4
- Вячеслав ГЛАЗЫЧЕВ**
Управление:
технология и политика 10
- Валерий ГОРЕГЛЯД**
Какой элите менять курс? 10
- Виктор ГУЦИН**
«Советская оккупация» и
неонацистская русофобия 11
- Прибалтика:
русский выдавливают 11
- Дмитрий ДАНИЛОВ**
Южный Кавказ и миссия Европы 1
- Роман ДОДОНОВ**
Соединяя естествознание с
философией 12
- Владимир ЗАХАРОВ**
Устойчивое развитие:
слова и дела 5
- Митрополит ИЛЛАРИОН**
Семья — страны основа 4
- Андрей ИСАЕВ**
Модернизация
плюс стабильность 10
- Доминик ЛИВЕН**
Подвиг царя и народа 4
- Дмитрий МУЗА**
Ломоносов и русское
цивилизационное сознание 12
- Александр НАУМОВ**
Мегатренды XX века 6
- Вячеслав НИКОНОВ**
Примирить историю с прогрессом 4
- Анна ОТИНА**
Универсальный гений 12
- Юрий ПАВЛОВЕЦ**

- Косов и Метохия:
мина для будущего 7
- Юрий ПЕТРОВ**
Могучий «фактор свободы» 4
- Вадим ПРИСЕДСКИЙ**
Корпускулярные воззрения
Ломоносова 12
- Владимир ПУТИН**
Искать новые точки роста 3
Опирайтесь на поддержку народа 9
- Николай РАГОЗИН**
Рыцарь российского просвещения
12
- Екатерина РОМАНОВА**
Иллюзия «короткой войны» 6
- Георгий ТОЛОРАЯ**
Россия и БРИКС: стратегия
взаимодействия 8
- Александр ТРУБЕЦКОЙ**
Священная память царя-
освободителя 4
- Александр ФОМЕНКО**
Надо перевернуть страницу 1
- Рустем ЦИУНЧУК**
«Свои», «иные», «чужие» 7
- Кирилл ШЕВЧЕНКО**
Карпатские русины и Великая война 7
- Юрий ШУВАЛОВ**
Предлагать конкретные меры 2
- ПОВЕСТКА ДНЯ: МНЕНИЯ**
- Павел БЕЗРУКИХ**
Почему не работает закон 5
- Сергей БОБЫЛЕВ**
Как оценить устойчивость? 5
- Светлана ЖУРОВА**
Не культура разъединена, а
поколения 2
- Франц КЛИНЦЕВИЧ**
Выработать правила игры 2
- Дмитрий КОГАН**
Взять на себя роль локомотива 2
- Андрей КОКОШИН**
Основа — позитивный диалог 2
- Анатолий КОПЫЛОВ**
Мотор технологии 5
- Александр МАЛЫШЕВСКИЙ**
В теории — одно, на практике —
другое 5
- Владимир МАТХАНОВ**
Учитывать все интересы 5
- Дмитрий ОРЛОВ**
Риски роста 5
- Александр ПАНФИЛОВ**
Развивать внутренний рынок 5
- Ренат ПЕРЕЛЕТ**
Политическая воля и черные дыры 5
- Кирилл РАЗЛОГОВ**
Что у нас общего? 2
- Валерий РАСТОРГУЕВ**
Очень хорошо забытое старое... 5
- Абдул-Хаким СУЛТЫГОВ**
Нужна правда 2
- Павел СУЛЯНДЗИГА**
Модернизация и политика 5
- Евгений ТУГОЛУКОВ**
Новые идеи и старые заделы 5
- Юрий ШУВАЛОВ**
Человеческий капитал и экономика 5
- ДИСКУССИЯ**
- Геннадий ЗАКИМАТОВ**
Двухсекторная экономика:
воспоминание о будущем 8
- Олег МАЛЯРОВ**
Самоуправление как национальная
идея 5
- Глобализация и российская
государственность 9
- Сергей СЕРЕДЕНКО**
О ценностях Русского мира 2
- Василий ТРЕСКОВ**
Патриотизм и «человеческий
дефолт» 3
- КАРТ-БЛАНШ**
- Юрий БОЧАРОВ**
Интернет — «бульжник
пролетариата»? 9
- Виктор ГУЦИН**
Цена независимости 12
- Татьяна ИЛАРИОНОВА**

От социального государства —
к электронному правительству 4

Александр КАЗАКОВ

Российский голлизм 6

Елена МЕТЕЛЕВА

Модернизация,
трансформация, реформа 2

Сергей ПАЛАГИН

Социальная роль ведущего 1

Сергей ПОНОМАРЕВ,

Юрий НЕДОРЕЗ,

Елена МАНЧИЛИНА

Наш край: Сахалин и Курилы 7

Андрей РЯБОВ

Особый регион 10

Василий ТРЕСКОВ

Другой Родины у нас нет 11

ЭКСПЕРТИЗА

Юрий БОЧАРОВ

А судьи кто? 1

Николай КОЗИН

Осевые тенденции в истории России
2, 3

Олег КОСЕНКО

Социальное государство и
социальная политика 10

Сергей ПОРОХИН

Феномен духа 6,7,8

КАФЕДРА

Николай КОЗИН

Вызов русской идентичности 6,7,8,9

Олег КОСЕНКО

Социальное государство и
экономическая политика 3

Вячеслав НИКОНОВ

Карамзин 10,11,12

Александр ТОРШИН

Как в России делаются законы 4

Виктор ШАХОВСКИЙ

Речь вокруг нас: эмотивная
лингвоэкология 2

ДО ВОСТРЕБОВАНИЯ

Леонид АБАЛКИН

Смена тысячелетий и социальные
альтернативы 5

Петр АСТАФЬЕВ

Религиозное «обновление» наших
дней 9

Михаил БЫКОВ

Николай Николаевич Головин 1

Сергей Семенович Уваров 2

Владимир ВЕРНАДСКИЙ

Общественное значение

Ломоносовского дня 11

Николай ГОЛОВИН

Наука о войне 1

Павел фон ДЕРВИЗ

Воодушевит только воспитание 7

Митрополит ИЛЛАРИОН

Слово о Законе и Благодати 6

Василий КЛЮЧЕВСКИЙ

Реформы Александра II 3

Михаил ЛОМОНОСОВ

О России прежде Рурика 11

Михаил МЕНЬШИКОВ

Как воскреснет Россия? 10

Лев ТИХОМИРОВ

Петр Евгеньевич Астафьев 9

Сергей УВАРОВ

Задача, от коей зависит
судьба Отечества 2

Константин УШИНСКИЙ

Нравственный капитал
и невыплаченный заем 8

Георгий ФЕДОТОВ

Судьба империй 12

Константин ЦИОЛКОВСКИЙ

Нельзя вечно жить в колыбели 4

КРУГ ЧТЕНИЯ

Вячеслав СУХНЕВ

Химера «советизации» 8

Крушение России в 1917 году:

основные версии 10

СТРАТЕГИЯ РОССИИ

Ежемесячный журнал

№12 (96)

декабрь 2011

Технический директор А.Першин • Корректор Н.Тишкова

• Подписано в печать 18.12.2011 • Тираж 2000 экз. • Отпечатано в ордена Трудового
Красного Знамени Типографии им. Скворцова-Степанова ФГУП
«Издательство «Известия» Управления делами Президента Российской Федерации •
Генеральный директор Э.А. Галумов • 127994, Москва, Пушкинская пл., 5 • Заказ №1404